

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ**

ВЕСТНИК

**научной сессии факультета
философии и психологии**

Выпуск 21

Воронеж 2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

ВЕСТНИК

**научной сессии факультета
философии и психологии**

Выпуск 21

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2021

УДК 001(082)
ББК 6/8
В38

Редакционная коллегия:
Ю. А. Бубнов (ответственный редактор),
С. Н. Жаров (зам. ответственного редактора),
Л. А. Кунаковская, К. М. Гайдар, А. С. Кравец,
Д. Г. Кукарников

Вестник научной сессии факультета философии и психологии / [отв. ред. Ю. А. Бубнов]; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2021. – Вып. 21. – 216 с.
ISBN 978-5-9273-3273-1

В сборнике опубликованы материалы научной сессии факультета философии и психологии (апрель 2020 г.).

Для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех интересующихся актуальными проблемами философии, культурологии, психологии, педагогики.

УДК 001(082)
ББК 6/8

ISBN 978-5-9273-3273-1

© Воронежский государственный университет, 2021
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Гаршин Н. А. ПРОБЛЕМА МУЛЬТИПЛИКАЦИИ РИСКОВ В МЕДИА-ДИСКУРСЕ	7
Иванова О. А. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАТЕРЕЙ С ПРЕЖДЕВРЕМЕННО РОЖДЕННЫМИ ДЕТЬМИ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ	16
Костюк А. А. ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ.	22

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Авакян-Форер А. Г. «ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ» VERSUS «ЧЕЛОВЕК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ»: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ	30
Алиханова В. Л. ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: К ПРОБЛЕМЕ УТРАТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	34
Арапов А. В. ИМЕНА И ДЕСКРИПЦИИ В ФИЛОСОФИИ СОЛА КРИПКЕ	40
Бизяева Ю. В. АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СМЫСЛОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПОСТМОДЕРНА	43
Вахренева П. Е. ВЫБОР КАК ФОРМА СОЗНАНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО, ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕКУ ОБРЕСТИ НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРИЧИН. Поправки Мамардашвили к исторической концепции выбора	46

Вяткина А. Г. СВОБОДА И МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СЛУЧАЙНОСТИ	52
Журавлева И. А. ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	60
Ищенко Е. Н. ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	64
Коровин В. Ю. МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ ПРОГРАММАХ	70
Костюк А. А. САМООТЧУЖДЕНИЕ В КОНЦЕПЦИЯХ Э. ФРОММА И К. ХОРНИ	75
Кравец А. С. ВЕБЕРОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ДУХА КАПИТАЛИЗМА»	80
Литвинов М. Ф. СХОЛАСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАТУРФИЛОСОФИИ АНАКСАГОРА	86
Серебрякова Е. Г. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОВЕТСКИХ НОНКОНФОРМИСТОВ В «ПЕТИЦИОННОЙ КАМПАНИИ» ПО «ДЕЛУ ЧЕТЫРЕХ»	91
Сулимов С. И. ФЕНОМЕН «ДВОЙНОЙ» ПСЕВДОМОРФОЗЫ	97
Тихонова И. Ю. ЭСКАПИЗМ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ	103
Умылина Д. В. НАУКА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ	109
Цокало О. А. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ ЧЕТЫРЕХЗНАЧНОЙ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЛОГИКИ	116

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

- Бубнов А. Л.** ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА 122
- Веденева Г. И.** РЕАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ВОСПИТАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ОБУЧАЮЩИХСЯ 129
- Воротягин А. В., Бударин А. С.** ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА 135
- Ермолаев В. В.** СВЯЗЬ СОГЛАСОВАННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С УРОВНЕМ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СЛУЖБОЙ 139
- Завгородняя И. В.** СОВРЕМЕННОЕ РОДИТЕЛЬСТВО: ОТ МАТЕРИНСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ К «ВЕРТОЛЕТНОМУ» МАТЕРИНСТВУ 145
- Королькова Ю. А., Кунаковская Л. А.** ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГОВ 152
- Макушина О. П.** ПСИХОЛОГИЯ ПРАЗДНИКА: ОТДЫХ ИЛИ НЕВРОЗ? 156
- Малютина О. П.** СВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА С ПРОКРАСТИНАЦИЕЙ У ПЕДАГОГА 161
- Панченков Е. Ю.** ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО КУРСА В ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН 165
- Пашкова Я. А.** ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 171
- Пылаев А. А.** К ВОПРОСУ РАЗЛИЧИЙ В ВОСПРИЯТИИ СОБСТВЕННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ УЧЕБНОЙ ГРУППЫ СТУДЕНТАМИ РАЗНЫХ КУРСОВ.....177

Смирнова Э. В., Гайдар К. М. ДЕТЕРМИНИРУЮЩАЯ РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ ЗДОРОВЬЯ	183
Тимофеева О. В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНОВ ЛЮБВИ И СМЕРТИ В ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПСИХОТЕРАПИИ	189
Толстикова В. В. УСПЕШНОСТЬ ЛИКВИДАЦИИ АВАРИЙНЫХ СИТУАЦИЙ ОПЕРАТИВНЫМИ СМЕНАМИ БЩУ АЭС С РАЗНЫМИ ОБЩЕГРУППОВЫМИ ЦЕЛЯМИ И ЦЕННОСТЯМИ	195
Тужикова В. И. КАРЬЕРА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОК	202
Шевченко Н. А. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА МЫ-КОНЦЕПЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	206
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	213

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Н. А. Гаршин ПРОБЛЕМА МУЛЬТИПЛИКАЦИИ РИСКОВ В МЕДИА-ДИСКУРСЕ *

Опасности и вызовы с древнейших времен сопровождали деятельность человека, требовали ее адаптации с учетом вызовов внешней среды, как культурной, так и социальной.

Вместе с тем, проблематизация феномена риска становится особо актуальной с развитием технологий и ускорением общественной жизни. При анализе данной категории мы неизбежно сталкиваемся с тем, что количество работ посвященной данной теме резко возрастает именно в XX веке, и довольно незначительно в предыдущие, более ранние эпохи. На наш взгляд, такое развитие философии в данном вопросе связано с тем, что прежние эпохи, например традиционного и даже индустриального общества, имели вполне конкретный, определенный набор опасностей, который был хабиитуализирован различными формами культуры, начиная от мифа и сказки, которые пытались дать ответ о должном поведении в опасных ситуациях и заканчивая протонаучными и научными теориями, предлагающими те или иные решения.

Однако цифровая революция сделала проблему риска одной из ключевых в социальных исследованиях. Среди изменений, существенно повлиявших на развитие социума, социальной коммуникации и понимание социальных процессов, мы можем выделить ускорение темпов коммуникации, улучшение транспортного сообщения, изменение в структуре коммуникации, возрастание роли СМИ, развитие постнеклассической науки и связанное с ней новое понимание разума и модели познания, симулякризация общества и многие другие. В частности, специфику современного мира описал Т. Фридман в работе «Плоский мир. Краткая история XXI в.»:

---

* © Гаршин Н. А., 2021.

«Глобализация 3.0 сокращает мир до предела: мир перестает быть маленьким и становится крошечным, и в то же время она выравнивает всемирное игровое поле. И если движущей силой Глобализации 1.0 были страны, Глобализации 2.0 – компании, движущей силой Глобализации 3.0 – что и является ее уникальной особенностью – становится сформировавшийся потенциал для глобального сотрудничества и конкуренции, который теперь доступен отдельной личности»¹. В таких условиях риск начинает распространяться с невиданной до этого скоростью, а каждое действие требует особого осмысления и выверенности, поскольку в «крошечном мире» даже локальные риски, за счет тесной взаимосвязи всех субъектов мира, рискуют стать глобальными и затронуть все сферы общественного бытия. Именно сложившееся положение дел особенно актуализирует проблему взаимосвязи нарастания рисков и развития медиа и IT-технологий, поскольку они служат ключевыми каналами коммуникации в современном мире. Коммуникация также претерпевает значимые изменения, причем не только в своих формах, но и в своей структуре, что влечет за собой знаковые трансформации в социальной реальности: «Интеграция большей части общества в сетевое информационное пространство делает запуск масштабных социально-инструментальных проектов посредством трансформации информационных потоков виртуального пространства значительно более легким»². Такого рода трансформации не проходят бесследно для социума, являясь значимым фактором формирования и изменения социальной реальности. Механизация коммуникации и появление большого числа «посредников», промежуточных элементов в структуре коммуникации, оказывающих значительное влияние на ее характер и качество. То, что ранее было способом, сегодня может быть признано субъектом коммуникации, несущим определенную ответственность за ее итог. Многочисленность скрытых и явных интерпретаций приводит к существенной деформации сообщений в рамках медиа-дискурса, что не может не вызывать обеспокоенности и не может не требовать исследования.

Возрастание числа видов рисков, их разнообразие требует теоретического осмысления. Для анализа современной ситуации наиболее часто употребляемым является термин «общество риска», введенный У. Бекком. Как отмечал сам философ, «общество риска

есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение»³. Иными словами, мы, соглашаясь с Беком, можем заметить, что общественный прогресс и производство благ все чаще сопровождаются совместным, сопряженным с ними производством рисков, которые, образуя систему, приумножают свое значение для производства благ и представляют угрозу существованию человечества как вида. Мало того, как мы можем заметить, с развитием медиа складывается ситуация, при которой мы вынуждены считаться не только с самими рисками, но и с вероятностью их появления. Иначе говоря, мы вынуждены при начале или развитии какого-либо проекта или же деятельности оценивать вероятность наступления событий, лишь способных привести к риску, а уже не сами риски. Все дело в том, что, на наш взгляд, при современном развитии медиадискурса паника или иная негативная реакция на наступление деструктивных последствий может быть транслирована через каналы медиа практически моментально. Это делает риски все более значимым фактором при обустройстве практически любой деятельности.

Следует заметить, что позицию Бека разделяли далеко не все философы. Так, С. Тернер в своей работе «Ориентализм, постмодернизм и глобализм»⁴ указывал, что современное общество куда менее рискованно, чем например первобытная эпоха или средневековье. Однако мы можем не согласиться с данным автором. Безусловно, прежние эпохи имели весьма опасные риски и угрозы, однако, как мы уже отмечали выше, большинство из них было давно хабиитуализировано и общество научилось работать с ними. Современная же эпоха продуцирует огромное количество новых рисков, которые мультиплицируются в медиа-дискурсе и влияют на все процессы, происходящие в обществе. Это разнообразие, а также подозрение того, что риск может быть вызван совершенно любым действием или бездействием и вызывает к жизни термин «общества риска», поскольку нельзя себе представить такую деятельность, которую мы можем вести не учитывая рисков и даже рисков возникновения рисков.

При анализе феномена риска и его распространения в медиадискурсе мы должны учитывать его структуру. Несмотря на различия в проявлениях в конкретной социальной сфере, риски имеют достаточно схожие черты, на основании которых и возможно по-

строение философской, то есть наиболее общей и системной теории риска. Итак, риск представляет собой сочетание объективного и субъективного компонентов. Объективная составляющая любого риска – это жизненные обстоятельства, реальные события, как создающие контекст ситуации, связанной с рисками, так и тесно связанные с ними и события, принципиально не способные оказаться под контролем субъекта. Субъективный же компонент включает в себя оценки, даваемые объективному положению дел, уровень знаний о ситуации и предмете исследования, анализа, а также действия, предпринимаемые субъектами, и влекущие за собой изменения объективного компонента. Влияние медиа-дискурса состоит в том, что все меньшее количество обстоятельств мы можем оценивать хотя бы с какой-то степенью объективности, и таким образом, происходит субъективизация социального пространства. Это, в свою очередь, усиливает опасность генерации новых рисков, причем будет увеличиваться как их общее количество, так и разнообразие видов рисков. Это связано с тем, что СМИ и медиа представляют собой не просто передатчик информации, но ее интерпретатор. В данном случае крайне сложно говорить о полностью независимых СМИ, поскольку все они так или иначе ограничены редакционной политикой, ценностными ориентациями журналистов и блогеров, кроме того, говоря о риске, мы всегда подразумеваем наступление именно негативных последствий, реализации угроз. И сегодня эти угрозы часто мультиплицируются медиа, становясь намного больше своего объективного содержания. В лице медиа мы получили еще одного субъекта, заинтересованного в росте рисков, общественного резонанса, поскольку все это увеличивает их аудиторию, а следовательно, доходы от рекламы, количество просмотров и иные важные для них показатели.

Особое влияние социальные трансформации оказывают на систему мировой политики. Риски затрудняют взаимодействие стран в союзах, поскольку образуются многочисленные новые риски при увеличении количества заинтересованных субъектов. Так, в своей работе «Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?» Гидденс отмечает, что «в сентябре 2006 г. МВФ сообщил, что мировая экономика находится в прекрасной форме, хотя некоторые поводы для беспокойства еще имеются. Спустя всего каких-то 12 месяцев на мир обрушился са-

мый масштабный – после кризиса 1930-х годов – экономический кризис»⁵. Заметим, что в современном мире, во-первых, возрастает неопределенность с наступлением рисков, то есть снижается даже гипотетическая возможность предсказания более или менее масштабных событий. Затрудненность в прогнозировании, особенно долгосрочном, сама по себе представляет значимый риск. Во-вторых, следует отметить слияние прежде сравнительно автономных групп рисков в некую единую систему рисков, в которой каждый риск способен спровоцировать риски в иной сфере. Это касается уже не только экономики и политики, но и репутационных, информационных и иных видов риска. В таких условиях даже профессиональные политики не знают, что и когда вызовет новую волну кризисных явлений, что станет тем самым спусковым крючком, и когда именно и кем он будет нажат. Кроме того, члены политических союзов обречены сегодня на преодоление рисков в отношениях между собой, поскольку целью этих союзов, как правило, является собственная выгода, но не благо самого союза и его долгосрочные перспективы. В условиях общества риска такое положение дел приводит к фактической формализации любых союзов, превращая их из подлинных и полноценных игроков на политической арене в носителей неких «деклараций о намерениях». Так, говоря о ЕС, Гидденс пишет: «Лидеры крупных стран часто пытаются угнаться за двумя зайцами. Они заявляют о своих общеевропейских интересах, однако на деле на первом месте для них стоят интересы конкретного государства»⁶. Следовательно, сам термин «общиноевропейская судьба», активно используемый при пропаганде развития ЕС и при формировании новой, европейской идентичности, призванной заменить национальные идентичности, является в известном смысле лишь максимально общим понятием, зачастую не подкрепленным реальными действиями. Это становится причиной отсутствия у населения уверенности в завтрашнем дне, что в условиях общества риска провоцирует рост протестных настроений, усиливая психологическую нагрузку на личность человека. В контексте ускорения темпов воспроизводства рисков в рамках социальных и технологических систем все это приводит к протестным выступлениям, техногенным катастрофам и другим негативным последствиям, снижающим качество жизни человека.

Аналогичным образом обстоит ситуация и с поиском истины в медиа-дискурсе. Подобно тому, как обилие субъектов с различными интересами мешает принимать реально взаимовыгодные решения в политическом дискурсе, в рамках медиа-дискурса также отстаиваются интересы конкретных медиа и лиц, финансирующих их. Таким образом, открывается обширное поле для манипуляций сознанием. Как отмечает С. Г. Кара-Мурза⁷, медиа являются прекрасным способом манипуляции, поскольку позволяют трансформировать, интерпретировать и даже изменять информацию, подавая ее под нужным углом. Тем самым, незаметно для масс, публики сознание и точки зрения меняются, что и составляет суть манипуляции сознанием, которую он автор определяет как скрытое воздействие на отдельных лиц, социальные группы и массы в целом, с целью программирования их мнений, оценок и поведения. Однако такого рода игры являются крайне опасными в современности, поскольку риски в рамках медиа мультиплицируют без воли субъекта, нарастая как снежный ком. Иначе говоря, начав манипуляцию сознанием, запустив некую «постправду» в медиа, спрогнозировать последствия крайне затруднительно. Это связано с тем, что массы зачастую ведут себя импульсивно, поддаваясь сиюминутным настроениям. Кроме того, недобросовестные субъекты способны продолжить использование манипулятивных технологий для приобретения выгоды.

Результатом такого рода манипуляций является появление в общественном сознании социальных мифов – то есть искаженных, ложных представлений о явлениях и субъектах, которые основаны на оценочных суждениях и определенном способе передачи информации, с трудом поддающиеся верификации, в результате появления таких мифов массы становятся еще более подвержены манипуляциям, поскольку значительно снижается критичность мышления. Примерами социальных мифов в современности являются представления о 90-х годах: причем как романтизация данного периода и его культурных феноменов, так и чрезмерное его очернение. В результате формируется целый пласт новых рисков, которые угрожают трансляцией контркультурных ценностей в массы, особенно в молодежной среде. И в данном случае одной из ключевых задач социально-гуманитарных исследований является противостояние нарастанию подобных рисков и мифов, в том числе через раз-

витие критического мышления и донесения информации до публики в адекватном современности формате.

Отдельно хотелось бы пояснить, что именно мы подразумеваем под медиа и медиа-дискурсом. Это также представляет собой особую, новую научно-исследовательскую задачу. В рамках данного исследования нам важно избежать чрезмерно расширительного толкования терминов, таких как «риск», «дискурс», «медиа», поскольку в противном случае мы потеряем актуальность исследования, его практическую значимость. Под медиа мы в данном исследовании будем подразумевать совокупность информационных каналов, методов и приемов, посредством которых происходит трансляция информационного сообщения от отправителя потребителю. При таком понимании медиа мы отмечаем «приписывание» статуса медиа различным техническим феноменам, таким как линии электропередачи, транспортные линии и так далее. Такое понимание порой помогает достичь необходимых результатов, как, к примеру, в работе Маклюэна «Понимание медиа», который описал современную эпоху следующим образом: «Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне – стадии технологической симуляции сознания»⁸. Для нас такое понимание медиа лишь размывает границы медиа, что не позволит указать на взаимосвязь рисков и развития массмедиа.

Именно медиа, по нашему мнению, являются ключевым фактором возрастания рисков. Однако в рамках данной статьи мы стараемся указать не только на негативные, но и на позитивные стороны влияния СМИ и медиа на социально-политические процессы. Массмедиа выступает некой «питательной средой» или же сферой распространения рисков, которые встраиваются в общий информационный поток, в структуру информационного сообщения, могущего быть переданным как в виде текста как такового, так и в «тексте» видео-, аудиосообщений. Как пишет Д. Матисон, «новостные СМИ и СМИ из индустрии развлечений представляют нашему вниманию не реальность, а отцензурированную, отшлифованную версию реальности»⁹. СМИ, таким образом, представляют собой очередное «кривое зеркало» между субъектом деятельности и реальностью. Они являются таковыми, наряду с культурно-смысловым априори, исторической обусловленностью процессов познания и творчества и прочими феноменами, тесно связанными с

категорией «постреальность». СМИ, так или иначе, определяют мировоззрение большинства своих пользователей, посетителей, так называемых «стейкхолдеров». В данном случае принципиально важно учитывать данный аспект современной социальной реальности, так как избавиться от него не представляется возможным, поскольку более-менее реальная альтернатива ему – неведение, что не является выходом как для исследователей социальной и политической жизни, так и собственно для реальных действующих субъектов вышеуказанных сред. Невозможность опосредования, независимости от массмедиа признавал уже в XX в. Н. Луман, который в своей работе «Реальность массмедиа» отмечал: «Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через массмедиа. Это относится не только к знанию общества и истории, но и к знанию природы. Мы узнаем о стратосфере так же, как Платон узнавал об Атлантиде: "люди говорят то-то и то-то"... С другой стороны, о самих массмедиа мы слышали такого, что не можем доверять этому источнику. Мы сопротивляемся их воздействию, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга»¹⁰.

Как мы уже отмечали выше, СМИ, массмедиа являются прекрасной «питательной» средой для распространения, трансляции информации и сообщений. Причем с распространением Интернета, увеличением числа небольших (вплоть до того, что сегодня фактически каждый человек с той или иной степенью успеха может стать СМИ), но авторитетных массмедиа информация практически начинает жить автономно от реального положения дел, событий. Происходит симулякризация реальности, знания и информации, о чем в своей блестящей работе писал Бодрийяр¹¹. В результате при помощи СМИ могут быть искусственно созданы, имитированы события, которые в реальности никогда не существовали, а то и вовсе не могли существовать. В подобных условиях риски, имплицитно содержащиеся в тех или иных сообщениях, также начинают множиться, происходит так называемая мультипликация рисков. Следует определить, что именно мы будем понимать под мультипликацией рисков. На наш взгляд, мультипликация рисков – это процесс нарастания, умножения рисков, протекающий независимо от

воли субъекта деятельности, с которой эти риски сопряжены. Важным для нашего исследования аспектом является тот факт, что мультипликация рисков в условиях медиареальности зачастую протекает более интенсивно, чем даже нарастание объема информации в источниках массмедиа, не говоря уже о физическом мире. Именно поэтому мы можем оценить развитие медиатехнологий как один из важнейших факторов становления общества риска в его современном состоянии.

Таким образом, проблема взаимосвязи развития медиатехнологий и мультипликации рисков в современном мире являются диалектически связанными, поскольку медиа-дискурс является средой для тиражирования рисков и даже их формирования, а риски, в свою очередь, активизируют интерес к медиа, их оценкам и мнениям со стороны публики. Именно поэтому регулирование рисков и противодействие манипуляциям сознанием должно быть основано на сотрудничестве власти, гражданского общества, в лице СМИ, медиа, образования и других социальных институтов оказывающих влияние на формирование общественного сознания. Взаимная ответственность участников данного процесса и их солидарность в вопросах свободы слова и самоцензуры являются ключевым условием борьбы с мультипликацией рисков, которая не может быть выгодна ни одной из сторон в долгосрочной перспективе, поскольку угрожает стабильному и долгосрочному развитию общества в целом. При соблюдении условия самоцензуры и ответственному отношению к свободе слова медиа способны стать инструментом диалога и просвещения, что позволит им не множить, а напротив минимизировать риски, донося до масс верную информацию и способы борьбы с объективными проблемами.

---

¹ Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI в. – Москва : АСТ, 2007. – С. 16

² Православский С. С. Трансформация социальной коммуникации в информационном обществе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4. – С. 107

³ Бек У. Общество риска : на пути к другому модерну. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 15

⁴ Turner B. S. *Orientalism Postmodernism and Globalism*. – Routledge, Taylor & Francis eLibrary, 2003. – 288 с.

---

⁵ Гидденс Э. Непokoйный и могущественный континент : что ждет Европу в будущем?. – Москва : ИД «Дело», 2015. – С. 10

⁶ Там же. – С. 13.

⁷ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – Москва : Эксмо, 2005. – 832 с.

⁸ Маклюэн Г. М. Понимание медиа : Внешние расширения человека. – Москва : Кучково поле, 2014. – С. 5

⁹ Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. – Харьков : Гуманитарный центр, 2013. – С. 212

¹⁰ Луман Н. Реальность массмедиа. – Москва : Праксис, 2005. – С. 9.

¹¹ Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было. – Москва : РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.

О. А Иванова
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАТЕРЕЙ С ПРЕЖДЕВРЕМЕННО
РОЖДЕННЫМИ ДЕТЬМИ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ И
ПРАКТИКЕ *

Обзор современных зарубежных практик психологического сопровождения взаимодействия матерей и преждевременно рожденных детей показывает, что успешность их выхаживания зависит от эмоционального состояния, настроения, понимания ситуации и отношения к ней родителей. Для преждевременно рожденных детей связь с матерью, удовлетворение потребности в заботе взрослого особенно важны, так как от этого напрямую зависят результаты выхаживания ребенка. Таким образом, на сегодняшний день актуальными являются исследования программ сопровождения взаимодействия матерей и преждевременно рожденных детей, которые сосредоточены на психологических характеристиках матерей, особенностях их состояний в постнатальный период, влиянии научно доказанных программ раннего вмешательства на результаты выхаживания младенцев¹.

Данные проведенных ранее обзорных исследований психологических характеристик матери и ее взаимодействия с ребенком

---

* © Иванова О. А., 2021.

являются достаточно давними и касаются 80–90х гг. XX века (О. Л. Борковская, Р. Ж. Мухамедрахимов, 2010 г.)². Становится очевидной актуальность рассмотрения современных комплексных исследований психологического сопровождения взаимодействия матерей и их преждевременно рожденных детей. Проблема выхаживания недоношенных младенцев рассматривается чаще всего в клинической и коррекционной психологии. Рассмотрение же ее в исследованиях с позиции психологии развития и социальной прикладной психологии, представленных за границей, расширяет научные представления о проблеме. Научная значимость представленных в статье результатов состоит в возможности комплексного теоретического осмысления проблемы психологического сопровождения взаимодействия матерей и преждевременно рожденных детей с точки зрения общемировой науки. В целом, это позволяет понять механизмы формирования и функционирования системы «мать – преждевременно рожденный ребенок», развития преждевременно рожденного ребенка в раннем возрасте. Это открывает широкие возможности применения выводов в практике для повышения эффективности выхаживания преждевременно рожденных детей с учетом психологических факторов данного процесса.

Среди англоязычных публикаций по данной теме особого внимания заслуживают следующие.

А. Тоотен, Х. Хоффенкамп и др. провели рандомизированное исследование эффективности интерактивного видеоруководства для родителей недоношенных детей (А. Тоотен, Х. Хоффенкамп и др., 2012)³. Н. М. Кине, И. Х. Равн, Р. Линдемманн и др. осуществляют поиск источников стресса и беспокойства у родителей недоношенных детей и опыт их работы с программой раннего вмешательства (Н. М. Кине, И. Х. Равн, Р. Линдемманн и др., 2013)⁴. К. Бензис, Д. Мэджилл-Эванс и др. остановились на систематическом обзоре и метаанализе ключевых компонентов программ раннего вмешательства для недоношенных детей и их родителей (К. Бензис, Д. Мэджилл-Эванс и др., 2013)⁵. Э. Нери, Ф. Агостини, П. Сальватори, А. Биазини, Ф. Монти рассмотрели взаимодействие матерей и недоношенных детей в возрасте 3 месяцев после проведенной коррекции здоровья, а также исследовали влияния материнской депрессии, тревожности и массы тела на новорожденного младенца (Э. Нери, Ф. Агостини, П. Сальватори, А. Биазини,

Ф. Монти, 2015)⁶. П. Сальватори, Ф. Андрэй, Э. Нери, И. Кирико, Э. Тромбини сосредоточились на изучении характера взаимодействия матери и ребенка во время кормления недоношенных и доношенных детей в возрасте 18 и 24 месяцев (П. Сальватори, Ф. Андрэй, Э. Нери, И. Кирико, Э. Тромбини, 2015)⁷. Исследованием депрессии, тревоги и представлений матерей после преждевременных родов провели во время госпитализации детей в неонатальном периоде в отделение интенсивной терапии К. Трумелло и др. (К. Трумелло, К. Канделори, М. Кофини, С. Чимино, Л. Чернилья, М. Пачелло, А. Баборе, 2018)⁸.

Среди исследований, опубликованных на немецком языке, интерес представляют результаты эмпирического исследования взаимосвязи нарушения привязанности у преждевременно рожденных детей и отношения матерей к их состоянию и диагнозу, выполненного в Цюрихском университете (Э. Цюррер-Тоблер, 2005)⁹.

Данные французских исследователей отражают достаточно систематизированный накопленный опыт внедрения перинатальной сети наблюдения за уязвимыми новорожденными P'tit Mir (А. Корин, К. Делькло-Бользони, 2016)¹⁰.

На наш взгляд, особого внимания заслуживают исследования, касающиеся научного поиска предикторов эмоциональных и когнитивных нарушений у преждевременно рожденных детей. Очевидна связь медицинских и социальных факторов с возникающими у них трудностями в разные периоды детства. К социальным факторам можно отнести психологическое состояние матери, которое и определяет характер взаимодействия с ребенком, а, значит, и его эмоциональных, когнитивных и поведенческих особенностей в будущем.

В результате длительных исследований С. Сейгал, Л. В. Дойл выявили медицинские (гестационный возраст, задержка внутриутробного развития (гипотрофия), повреждения головного мозга и др.) и дополнительные социальные (низкий социально-экономический уровень, депрессия у матери и нарушения детско-родительской связи) факторы нарушения когнитивного развития уязвимых новорожденных (S. Saigal, L. W. Doyle, 2008)¹¹. С. Маррет с соавторами установили, что практически треть из недоношенных детей, родившихся на ранних сроках гестации, имеют умеренный или тяжелый когнитивный дефицит в 5 лет (S. Marret,

2013)¹². Эти данные согласуются с ранее проведенным масштабным исследованием К. Хадди, в котором было показано, что 40,0% глубоко недоношенных детей имеют трудности в обучении в 8 лет, а треть недоношенных детей, родившихся на сроке 32–35 недель, – проблемы в школе в 7 лет (С. Huddy, 2001)¹³. Очевидна необходимость дальнейшего исследования проблемы прогнозирования когнитивного и эмоционального развития преждевременно рожденных детей.

В рамках лонгитюдного исследования изменения состояния преждевременно рожденных детей в связи с психологическими характеристиками матери были проанализированы данные нейросонографии и рентгенографии позвоночника у преждевременно рожденных детей на скрининг-обследованиях в разные возрастные периоды. Объем выборки составил 30 недоношенных детей 2020–2021 года рождения. Анализ проводился в Перинатальном центре БУЗ ВО ВРКБ 1 и БУЗ ВО Областной детской клинической больницы 1 г. Воронежа на 1–5 сутки после рождения, а затем – в БУЗ ВО «Детская поликлиника 11» – в 1–2 мес. и 6 мес. ребенка.

С помощью нейросонографии установлено, что у всех обследованных детей при рождении наблюдался перивентрикулярный отек, незрелость или субэпендимальное кровоизлияние головного мозга. В 1–2 месяца у детей обнаруживались последствия данных нарушений в виде кист, ликвородинамических нарушений или сохранения отека. С помощью рентгенографии при рождении у большинства детей диагностировались нарушения шейного отдела на уровне сегментов С₁ – С₂.

У 50,0% обследованных детей возраст отца составлял 36–40 лет, а мать обладала высшим образованием. В данных семьях ребенок подвергался большому количеству медицинских дополнительных обследований (кровоток брахио-цефальных артерий, анализ микрофлоры кишечника, дополнительное УЗИ головного мозга) по сравнению с семьями, где возраст отцов составлял до 30 лет, а мать не обладала высшим образованием. Помимо обязательных скрининг-тестов они наблюдались в платных медицинских центрах в 1,5, 2, 6 месяцев ребенка.

Таким образом, можно сделать вывод о выявленной тенденции связи уровня образования матери и возраста отца с качеством заботы о ребенке. Зрелые отцы обеспечивают более высокий мате-

риальный и социально-экономический статус семьи, а матери с высшим образованием осуществляют поиск лучших практик поддержания здоровья ребенка.

Современные исследования связи медицинских и социальных факторов с когнитивными, эмоциональными, поведенческими трудностями преждевременно рожденных детей в разные периоды детства показали, что на их когнитивное развитие оказывает значительное влияние группы неонатальных (гестационный возраст, задержка внутриутробного развития, инфекции, повреждения мозга, боль и стресс при госпитализации и др.) и дополнительных факторов (социально-экономический уровень, депрессия матери и нарушения детско-родительских отношений). Представленные результаты первого этапа лонгитюдного исследования изменения состояния преждевременно рожденных детей в связи с психологическими характеристиками матери демонстрируют существование связи нарушения кровотока брахио-цефальных артерий (сонных и позвоночных), недостаточности работы головного мозга у преждевременно рожденных детей на скрининг-обследованиях в разные возрастные периоды с уровнем образования матери, возрастом отца и социально-экономическим статусом семьи. Это позволяет сделать вывод о том, что преждевременно рожденные дети нуждаются в особом уходе, обеспечение которого зависит от психологических и социальных характеристик родителей. Таким образом, уровень образования матери и возраст отца являются основаниями для прогноза психологического развития преждевременно рожденных детей, а также характеристики взаимодействия в диаде. Эти данные, в свою очередь, важны для разработки эффективных программ психологического сопровождения взаимодействия матерей с преждевременно рожденными детьми.

---

¹ Иванова О. А. Психологическое сопровождение матерей преждевременно рожденных детей в условиях перинатального центра // Медицинская психология в России. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mprj.ru/archiv_global/2019_1_54/nomer05.php (дата обращения : 29.06.2021).

² Борковская О. Л. Особенности взаимодействия матерей и детей раннего возраста в связи с психологическими характеристиками матерей : Дис. ... канд. психол. наук : – Санкт-Петербург, 2010. – 178 с.

-
- ³ Tooten A. et al. The effectiveness of video interaction guidance in parents of premature infants : A multicenter randomised controlled trial. *BMC Pediatrics* 2012 12 :76 doi :10.1186/1471-2431-12-76.
- ⁴ Кыно N. et al. Parents of preterm-born children; sources of stress and worry and experiences with an early intervention programme – a qualitative study *BMC Nurs.* 2013 ; 12 (1): 28. doi : 10.1186 / 1472-6955-12-28.
- ⁵ Benzies K. et al. Key components of early intervention programs for preterm infants and their parents: a systematic review and meta-analysis *BMC Pregnancy and Childbirth* 2013, 13 (Suppl 1): S10. – Режим доступа : <http://www.biomedcentral.com/1471-2393/13/S1/S10>
- ⁶ Neri E, Agostini F, Salvatori P, Biasini A., Monti F (2015) Mother-preterm infant interactions at 3 months of corrected age: influence of maternal depression, anxiety and neonatal birth weight. *Front. Psychol.* 6 :1234. doi : 10.3389/fpsyg.2015.01234.
- ⁷ Salvatori P, Andrei F, Neri E, Chirico I, Trombini E (2015) Pattern of mother–child feeding interactions in preterm and term dyads at 18 and 24 months. *Front. Psychol.* 6 :1245. doi : 10.3389/fpsyg.2015.01245.
- ⁸ Trumello C, Candelori C., Cofini M, Cimino S, Cerniglia L, Paciello M., Baborre A. (2018) Mothers’ Depression, Anxiety, and Mental Representations After Preterm Birth: A Study During the Infant’s Hospitalization in a Neonatal Intensive Care Unit. *Front. Public Health* 6 :359. doi : 10.3389/fpubh.2018.00359.
- ⁹ Zürrer-Tobler E. Beratung und Begleitung von Eltern eines frühgeborenen Kindes. Forschungsarbeit, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.grin.com/document/47205> (дата обращения : 06.08.2021).
- ¹⁰ Материалы зарубежных спикеров Международной конференции «Ранняя помощь в фокусе межведомственного взаимодействия: опыт Франции и России, 28–29 ноября 2016 г. / А. Корин, К. Делькло-Бользони. – Москва : ГАУ ИДПО ДТЦЗН. – 79 с.
- ¹¹ Saigal S., Doyle L. W. An overview of mortality and sequelae of preterm birth from infancy to adulthood // *Lancet.* – 2008 ; 371 : 261–269 doi : 10.1016/S0140-6736 (08) 60136-1.
- ¹² Marret S. et al. Brain Injury in Very Preterm Children and Neurosensory and Cognitive Disabilities during Childhood : The EPIPAGE Cohort Study. *PLoS ONE* 2013; 8(5) : e62683.
- ¹³ Huddy C. Educational and behavioral problems in babies of 32–35 weeks gestation // *Arch Dis Child Fetal Neonatal Ed*, 2001. – P. 23–28.

А. А. Костюк
ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ *

Что значит *реализовать* себя в творчестве? Что значит реализовать *себя*? Корректно ли задавать подобные вопросы? Иными словами, существует ли какой-то внешний или внутренний критерий самореализации, который бы позволил нам рассуждать о творчестве с таких позиций? Вопросов, которые возникают при упоминании «творческой самореализации», достаточно для того, чтобы предположить: феномен творчества неисчерпаем и не замыкается рамками присущей человеку рационализации. Однако философский дискурс о творчестве разворачивается, быть может, именно потому, что философы изначально подошли к его изучению с позиции некой философской интуиции, по-бергсониански схватывающей не стадии, но процесс. Все это позволяет нам говорить о современном творчестве как отчужденном *процессе*: «В творчестве может отчуждаться: продукт от человека, сам человек (кризис идентичности), человек от окружающего мира (разрыв диалогических отношений). Данные аспекты, воплощаясь в творческой деятельности, меняют ее структуру, что, в конечном итоге, приводит к трансформации самой этой деятельности, к изменению способа бытия человека в мире – к отчуждению творчества»¹. Феномен отчуждения творчества, в свою очередь, позволяет по-новому взглянуть на процесс творческой самореализации и выяснить, что скрывается за фразой «реализовать себя в творчестве».

Для того чтобы перейти к современным условиям творчества, необходимо реконструировать историко-философский сюжет, который утвердил бы за творчеством его процессуальность в качестве главной характеристики.

Творчество получает философское осмысление в тот момент, когда ставится вопрос о первоначале, а философская мысль улавливает за сказанием (μῦθος) слово (λόγος), за застывшим преданием текучесть, процессуальность, которая не исчерпывается простым высказыванием. Необходим закон – закон, который бы охватил всю реальность в ее многообразии. А для этого он сам должен быть подвижен. В этом плане гераклитовский принцип πάντα ῥεῖ есть пря-

---

* © Костюк А. А., 2021.

мое воплощение этой интуиции. Объяснить перманентную изменчивость реальности можно, обратившись к такой же подвижной субстанции. Эта первичная философская интуиция указывает нам на важное открытие древних греков: наша реальность во всем ее многообразии требует не только закона, логоса, слова, которое объяснит и зафиксирует ее, но и огня, движения, хаоса, который сохранит главную характеристику самой жизни – длительность, процессуальность: «Ибо без изменения невозможна перемена свойств, а кто изменяется, тот не тождествен самому себе, но коль скоро не есть тот же самый, то и не есть, но именно изменяется, становясь одним из другого»².

В целом, в античной философии за творчеством утверждается статус переходного процесса, однако разговор о творческой самореализации особенно не идет, поскольку творчество человека относится к сфере конечного бытия, и в этом процессе человек лишь подражает божественному творчеству. В этой связи, феномен созерцательной жизни, как неотъемлемая характеристика греческой философии, становится важным в контексте осмысления античного восприятия творчества, поскольку созерцание возвышается над всякой деятельностью, в том числе и творческой. Концепт созерцательной жизни ($\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma \theta\epsilon\omega\rho\eta\tau\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$) играет ключевую роль в изучении специфики античного философского мировосприятия. Термин $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ отсылает к теоретической деятельности, которая противоположна практической / продуктивной, включающей искусство, совершающееся под воздействием божественного начала.

Эпоха Возрождения переносит акцент на творческие способности человека, рассматривая человека как личность, реализующую себя в творчестве. Творчество человека становится в эту эпоху самоценным, реализовать себя в творчестве значит приравнять себя к Богу в творческом акте. Гуманисты используют в своих трудах категорию деятельной жизни, отражающую установку на активное, творческое преобразование реальности. Так, Леон Баттиста Альберти интерпретирует труд как нравственный идеал, отмечая, что именно активность, а не праздность становится для человека источником счастья: «Ничто так не противоречит жизни и положению человека в мире, как отсутствие какого-либо почетного дела. Не для того дает природа человеку величие разума, ума, таланта,

чтобы он прозябал в покое и изнеженности. <...> Искусство жить достигается в деяниях»³.

Деятельной жизни гуманисты противопоставляют созерцательную. Рассуждению о соотношении деятельной и созерцательной жизни посвящен трактат Кристофоро Ландино «Диспуты в Камальдоли»⁴. По мысли Ландино, в деятельной жизни человек стремится к справедливости, а в созерцательной – к истине. Завершается трактат мыслью о необходимости гармоничного соотношения действия и созерцания, которые одинаково нужны каждому человеку и обществу в целом, а поэтому обретают гражданственный смысл. В целом, представления гуманистов о творческой самореализации тесно связаны с представлениями об общественно-полезной деятельности.

В эпоху Нового времени творчество воспринимается как нечто менее значимое в сравнении с познанием. Творческая деятельность представляет собой некую комбинацию уже существующих элементов, следовательно, она не может рассматриваться в качестве самостоятельного предмета исследования. Существенный вклад в изучение творческого процесса был сделан И. Кантом, проанализировавшим творческую способность воображения, которая объединяет все многообразие чувственных впечатлений с понятиями рассудка. Кантовское трансцендентальное воображение представляет собой тождество созерцания и деятельности. Таким образом, творчество помещается в основание процесса познания. Учение о творческой способности воображения было развито Шеллингом, который понимал ее как единство сознательной и бессознательной деятельности. Творчество провозглашается им высшей формой человеческого существования⁵.

Подобный подход в трактовке творчества завершается выявлением истории сферой реализации человеческого творчества в философской системе Гегеля и близкого, в этом аспекте, к его концепции – К. Маркса. Маркс под творчеством понимает деятельность человека, который создает себя в ходе истории. В целом, в Новое время происходит поворот от онтологического аспекта творческой деятельности к гносеологическому, творчество рассматривается преимущественно в структуре познавательной деятельности.

Новый виток в исследовании творческой деятельности происходит на рубеже XIX–XX вв. Существенный вклад в осмысление

творчества как продуктивной, созидающей деятельности и процессуальности внес представитель философии жизни А. Бергсон.

Творчество, как непрерывное рождение нового, составляет, по Бергсону, сущность жизни, которая есть жизненный порыв – потребность в творчестве. Деятельность интеллекта не способна создавать новое, а лишь комбинирует уже существующее: «Что же касается изобретения в собственном смысле слова, составляющем отправной пункт самого творчества, то нашему интеллекту не удастся охватить его *поток*, т. е. то, что в нем есть нераздельного, ни его гениальность, т.е. то, что в нем есть творческого»⁶. Работа интеллекта, в данном случае, заключается в разложении на известные элементы, что указывает на его неспособность допустить полную новизну, которая составляет суть творчества: «Интеллект характеризуется природным непониманием жизни»⁷.

А. Бергсон противопоставляет интеллекту интуицию, которая выходит за его пределы, постигая жизнь в ее длительности: «Интуиция, т. е. инстинкт, который не имел бы практического интереса, был бы сознательным по отношению к себе, способным размышлять о своем объекте и бесконечно расширять его, такой инстинкт ввел бы нас в самые недра жизни»⁸. В этом плане философия жизни сходна с экзистенциализмом, в рамках которого творческое измерение так же противопоставляется интеллектуальному и техническому измерениям, признается его интуитивная или экстатическая природа.

Бытийная трактовка творческой деятельности, или онтологизация творчества, является закономерным итогом изучения творчества как процессуальности. В словаре социально-философских терминов мы находим важное уточнение на этот счет: «В философских концепциях бытия, вырастающих из опыта XX в., проблема творчества оказывается одной из самых важных. <...> Она рассматривается как проблема существования отдельного индивида (людей) в мире, как вопрос его личностного опыта, развития, жизни. Объектом творчества становится сам человек (конкретный индивид) в единстве с предметными условиями, формами общения и самореализации, которые ему необходимо воспроизводить или изменять, сохранять или обновлять»⁹. Творчество, таким образом, становится не только продуктивной деятельностью, но и особым способом существования человека в мире.

В современном обществе именно обесценивание процессуальности как важнейшей характеристики творчества приводит к его отчуждению, к растворению индивида в информационном пространстве, к различным проблемам в процессе самореализации.

Первый аспект влияния информатизации на творчество – огромное количество информации и проблемы ее усвоения. Современная стадия развития общества несет опасность для творчества в виде излишней рационализации, которая приводит к шаблонности мышления.

Второй аспект связан с кризисом идентичности: «В мире, пронизанном глобальными потоками богатств, власти и образов, поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений»¹⁰. Трансформируется не только среда, в которой существует человек, но и его восприятие этой среды.

Еще одним важным аспектом в исследовании феномена отчужденного творчества в современном обществе является пространство виртуальной реальности, киберпространство. В работах Ж. Делеза для описания нового типа реальности используется термин «ризомы», для которого характерны «принципы соединения и неоднородности: любая точка ризомы может – и должна быть – присоединена к любой другой ее точке»¹¹.

Виртуальное пространство представляет собой некую разветвленную, самовоспроизводящуюся структуру, находящуюся в постоянном движении. Субъект, помещенный в подобную среду, сталкивается с новыми возможностями в сфере коммуникации и саморепрезентации. Виртуальное измерение появляется даже у человеческого тела, которое, в терминологии Делеза, трансформируется в тело без органов, в котором нет ничего от реального тела, которое есть чистая поверхность.

Деятельность в виртуальном пространстве может быть охарактеризована как бесконечное движение, скольжение по поверхности, переход от одной точки к другой: «Мир киберпространства – мир номадической реальности, реальности ускользания, реальности, где отсутствует репрессивный надзор. Единственный смысл такой реальности – просто скользить по поверхности, в пространстве образов»¹².

Таким образом, саморепрезентация и самоидентификация субъекта в виртуальной реальности оборачиваются ризоморфным движением, а деятельность становится симулированием самой себя, не приводя субъекта данной деятельности к реальному результату. Следовательно, отчуждение в пространстве виртуального принимает форму симулятивности, которая распространяется на все сферы социального функционирования, начиная с уровня самоидентификации и заканчивая коммуникацией и деятельностью в целом.

Установки персонализма дополняют выстраиваемую систему, поскольку разговор о творчестве возможен именно в контексте персоналистической традиции. Персонализм вносит существенный вклад в решение проблемы противоречия между личным и социальным, утверждая человека в качестве действующей, творящей личности в противовес абстрактному понятию субъекта.

Личность для персоналистов становится онтологической категорией, важнейшим свойством которой является непрекращающаяся деятельность. Формы, в которых эта деятельность проявляется, а именно: интериоризация, экстериоризация и трансценденция, – соответствуют выделенным нами ранее формам, в которых проявляется отчуждение творчества.

Интериоризация подразумевает рефлекссию, самоидентификацию – деятельность, направленную на упорядочение внутреннего мира.

Экстериоризация сопряжена с самоутверждением человека в мире, установлением определенного отношения между человеком и внешней реальностью. Процесс трансцендирования предполагает наличие некой высшей реальности, с которой человек себя соотносит, выходя за рамки индивидуального существования.

По мысли Э. Мунье, в трансцендировании человек преодолевает себя, становясь личностью, способной на подлинную коммуникацию, устремленной к миру: «Принцип преодоления является силой, тесно соединяющей принцип экстериоризации и принцип интериоризации и не дающей интериоризации превратиться в субъективизм, а экстериоризации в вещизм»¹³.

Индивидуалистический анархизм М. Штирнера¹⁴, напротив, делает центром философского исследования уникального индивида, главным интересом которого является упрочнение своего внут-

ренного Я, направленность на себя, а не на окружающий мир. Штирнер считает, что свобода реализуется через присвоение – расширение своего Я в мире, реализуется посредством экзистенциальной экспансии, но не направленностью своего Я в окружающий мир, не способностью видеть внешнее в качестве непознанного, разнообразного, прекрасного, вечного. Эгоистическая философия Штирнера интересна и значима в той мере, в какой она представляет собой протест конкретной человеческой личности против поклонения коллективности или некой абстракции. Радикальная позиция М. Штирнера иллюстрирует общую тенденцию в философии XX века, вскрывающую те условия социальной реальности, в которых оказывается индивид. Понятие структуры в данном контексте наделяется особым значением, поскольку структура – это всегда нечто, ограничивающее человека, и наделяющее его определенными функциями. Отчуждение в рамках структуры может быть направлено как на изоляцию человека (атомизация), так и на растворение его в структуре целого (массовизация).

Таким образом, говоря о процессуальности как главной характеристике творчества, мы рассматриваем творческую самореализацию не только, и не столько в виде получения конечного продукта творчества, но как совокупность трех уровней: «внутренний, связанный с самоидентификацией, то есть с оправданием творчества в себе, внешний, связанный с коммуникацией, то есть признание творчества Другим, и бытийный, отсылающий к поддержанию определенного способа существования человека в обществе, оправданию себя в творчестве»¹⁵. Как отмечает С. Моран, «в творчестве как выражении главное – это движение и момент, а не продукт, который можно поставить на постамент в качестве эталона»¹⁶.

---

¹ Костюк А. А. Процесс творческой самореализации в условиях информационного общества // Вестник Воронежского гос. университета. Серия : Философия. – 2020. – № 1. – С. 73.

² Гераклит. Фрагменты // Фрагменты ранних греческих философов / Под ред. А. В. Лебедева. – Москва : Наука, 1989. – С. 212.

³ Брагина Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). – Москва : Изд-во МГУ, 1983. – С. 158.

-
- ⁴ См. об этом : Брагина Л. М. Этические взгляды итальянского гуманиста второй половины XV в. Кристофоро Ландино (по его трактату «Диспуты в Камальдоли») // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. – 1965. – № 5. – С 48–65.
- ⁵ Шеллинг рассматривает творческие усилия человека как воплощение божественного начала. Например, «божественное творчество объективно выявляется через искусство» (Шеллинг Ф. В. Й. фон. Философия искусства. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – С. 46).
- ⁶ Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. – Минск : Харвест, 1999. – С. 182.
- ⁷ Там же. – С. 183.
- ⁸ Там же. – С. 196.
- ⁹ Социальная философия : Словарь / Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – Москва : Академический проект, 2003. – С. 440.
- ¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – С. 305.
- ¹¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. – С. 12.
- ¹² Барановская М. В., Малкин В. М. «Капитализм и шизофрения», и киберпространство // Перспективы науки и образования. – 2015. – № 6 (18). – С. 70.
- ¹³ Мунье Э. Манифест персонализма. – Москва : Республика, 1999. – С. 39.
- ¹⁴ Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков : Основа, 1994. – 561 с.
- ¹⁵ Костюк А. А. Указ. соч. – С. 74.
- ¹⁶ Moran S. The Roles of Creativity in Society // The Cambridge Handbook of Creativity. – New York : Cambridge University Press, 2010. – P. 83.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. Г. Авакян-Форер «ЧЕЛОВЕК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ» VERSUS «ЧЕЛОВЕК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ»: СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ *

Для классической экономической теории основным действующим субъектом является «экономический человек», своего рода человекоподобный автомат, способный принимать совершенно рациональные решения и опирающегося на максимизацию собственной выгоды. Такие линии обсуждения были заданы А. Смитом, который в труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» пытался показать, что эгоизм и поиск выгоды «невидимой рукой» рынка ведут к росту благосостояния всего общества. А. Смит утверждал, что «преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»¹. Методологию анализа поведения экономического человека, предложенную А. Смитом, принято сегодня представлять моделью REMM (resourceful, evaluative, maximizing man (изобретательный, оценивающий, максимизирующий человек))². В социальных концепциях XXI века особое место отводится значимости общественных благ. Акцент модели социологического человека делается на значимости социального регулирования человеческого поведения, на роли социального порядка и норм. П. Вайзе отмечал, что «обычно под нормой понимает общепризнанное правило, имеющее обязательную силу... Нормы задают параметры поведения людей; знание норм координирует это поведение»³.

Исследование человеческого поведения была основной задачей англо-германского философа и социолога Р. Дарендорфа. Мыслитель полагал, что «каждое общества представляет собой многомерное поле социальных отношений и социальных позиций»⁴. Процесс освоения и принятия норм происходит в процессе воспитания,

---

* © Авакян-Форер А. Г., 2021.

или социализации. В процессе социализации происходит усвоение не только языка, навыков и умений, но и формируются механизмы внутреннего самоконтроля, схемы поведения. Как доказывает «эффект Маугли», если нет социального воздействия на ребенка в возрасте до шести лет, то позже он не в состоянии будет освоить человеческий язык и сложные модели поведения. Здесь можно вспомнить слова Аристотеля: «Человек по своей природе есть общественное животное»⁵. Он не может стать таковым вне общества, без общества, в отрыве от общества. Человек развивается духовно, интеллектуально, психически только в окружении себе подобных. Эту абстракцию социологи и представили как модель социального человека «То, что человек – существо общественное – больше, чем метафора, его роли – больше, чем маски, которые можно снять, его социальное поведение – больше, чем просто комедия или трагедия, откуда и актера отпускают в подлинную действительность»⁶.

Основные черты социологического человека голландский социолог С. Линденберг представил в версии SRSМ (socialized, roleplaying, sanctioned man) – «социализированный человек, человек, исполняющий роль, человек, который может быть подвергнут санкциям»⁷. Данная модель базируется на принципах методологического холизма, признании первичности социума и надиндивидуальных структур. Считается, что глобальные потрясения в итоге становятся движущей силой прогресса. Сейчас эту концепцию можно применить при коронавирусе, с одной стороны, привел мир к медицинскому и экономическому коллапсу, а с другой – ускорил цифровизацию. В настоящее время классической экономической модели Homo economicus противопоставляется современная социологическая модель Homo sociologicus. Общую линию развития дискуссий можно наметить следующим образом: от индивидуалистически настроенного эгоистического человека – к коллективистскому альтруистическому человеку; от базовой REMM – к базовой SRSМ; от методологического субъективизма – к методологическому объективизму, от стремления к персональной выгоде и максимизации личной полезности – к солидарности, взаимопомощи, состраданию; от приоритета личных интересов – к приоритету интересов общества и коллектива.

В XXI веке исследования в рамках поведения человека приобретают новые черты. Философский анализ современных соци-

альных и экономических концепций показывает, что реальное поведение человека базируется на широком спектре деятельностных ориентаций, включающих, помимо эгоистических предпосылок, нравственные регулятивы. Данная проблематика находит глубокое осмысление и новое научное обоснование у таких авторов, как С. Вендель, А. В. Банерджи, Э. Дуфло, А. Алтер и др. Отметим основные идеи данных авторов.

С. Вендель⁸ анализирует новую волну продуктов и выявляет тот новый курс поведения экономического человека, который возникает под давлением новых перемен. Исследователь показывает, как новая реальность меняет не только поведение человека, но и его распорядок дня, контроль над финансами и т. д. Он разрабатывает процесс применения экономики и социологии к практическим экономическим проблемам.

А. Алтер⁹ показывает, как экономические субъекты через рычаги поведенческой зависимости могут менять поведение общества. Люди думают, что Facebook, Instagram, Twitter, You Tube, электронная почта – платформы, которые сделают жизнь лучше. Но, по мнению ученого, эти изобретения имеют глубокие недостатки. Технологические компании и маркетологи имеют команды инженеров и исследователей, нацеленных на то, чтобы держать всех занятыми. Они знают, как нажать на слабые точки и как «уго-варивать» каждого использовать их продукты часами, днями и неделями подряд.

В работе «Хорошая экономика для трудных времен»¹⁰ исследователи в области поведенческой экономики А. В. Банерджи и Э. Дуфло доказывают, что залогом успешного общества является такие люди, экономическое поведение которых базируется на сострадание и уважение. Эти идеи являются оригинальными и какой-то степени провокационными. Авторы утверждают, что хорошая экономика трудных времен – убедительный аргумент, чтобы перестать враждовать, выдвигать бессмысленные санкции, переплетать экономические проблемы с политическими. Нужно выстроить такое экономическое поведение, которое базировалось бы на разумности, уступках, сострадании и уважении. Только так можно преодолеть экономический кризис, оценить и понять наш ненадежно сбалансированный мир.

Таким образом, в последние десятилетия изменились и оценка модели экономического человека, и специфика экономического поведения, и статус самой экономической теории. Культура совместного потребления, подразумевающая коллективное использование ресурсов, в последние годы становится все популярнее. Первыми ее подхватили миллениалы, для которых гибкость и мобильность очень важны, а экономические кризисы их дополнительно мотивировали. Предприниматель считает, что популярность co-working и co-living – это предпосылки формирования общества, в котором материальные блага перестанут быть маркером успеха. В настоящее время социология и экономика имеют фундаментальные области пересечения в предметном поле «поведение».

Однако социологические концепции, противопоставляя модели экономического человека модель социологического человека, по сути, не решают проблему. Попытки преодолеть разрыв между экономической теорией и социологией были предприняты М. Вебером. Мыслитель призвал экономистов обратить внимание на социальные аспекты человеческого поведения и создать единую науку «социальную экономику». Нам представляется, что обе эти модели не альтернативны друг другу, а репрезентируют звенья одной и той же цепи, которую можно описать в терминах функций полезности.

От альтруистических мотивов зависят предпочтения в области распределения денег или прибыли. Индивидуально-психологические особенности этической мотивации являются важным фактором поведения. Альтруистическое поведение может быть не только моральное, но и взаимовыгодное, например, в семье. На это указывает и в настоящее время активно развивающаяся такая отрасль новой экономики, как социальное предпринимательство. Предприниматель этой области создает продукт для общества, безвозмездно помогая обществу. Он не наполняется накопленными денежными средствами, а, разрабатывая, финансируя и реализуя социальные, культурные или экологические проблемы, наполняется ощущениями (собственного достоинства, собственной важности, полезности, цельности), и это важнее для него, чем частная выгода.

Подытоживая сказанное, заметим, что сегодня как никогда важен комплексный подход к человеку, в котором социальные, моральные, политические и культурные механизмы поведения рассматриваются в их взаимосвязи.

-
- ¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – Москва : Эксмо, 2009. – С. 332.
- ² Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума : два подхода к пониманию общества // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 59.
- ³ Вайзе П. Homo economicus и Homo sociologicus : монстры социальных наук // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 116.
- ⁴ Дарендорф Р. Тропы из утопии. – Москва : Практикс, 2002. – С. 270.
- ⁵ Аристотель. Политика. – Москва : АСТ, 2010. – С. 4.
- ⁶ Дарендорф Р. Тропы из утопии. – Москва : Практикс, 2002. – С. 271.
- ⁷ Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy : Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular // Sociological Theory. – Spring. – 1985. – P. 103.
- ⁸ Wendel St. Designing for behavior change : Applying psychology and behavioral economics. – O'Reilly Media, 2013. – 394 p.
- ⁹ Alter A. Irresistible: The Rise of Addictive Technology and the Business of Keeping Us Hooked. – Penguin Press, 2017. – 368 p.
- ¹⁰ Banerjee A. V., Duflo E. Good Economics for Hard Times. – PublicAffairs , 2019. – 432 p.

В. Л. Алиханова

**ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ:
К ПРОБЛЕМЕ УТРАТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ***

Утрата культурного наследия – проблема, остающаяся актуальной на протяжении практически всей истории человечества. Постоянные кровопролитные войны, природные бедствия, несчастные случаи, человеческая халатность и многое другое на протяжении веков становятся причинами уничтожения памятников культуры и искусства, святынь, целых городов с многовековой историей. И современность тому не исключение – пожар в Соборе Парижской Богоматери, разрушение святынь в сирийском городе Алеппо вследствие войны, пожар в Карелии, в результате которого сгорел Успенский храм XVIII века, и этот список, к сожалению, можно

---

* © Алиханова В. Л., 2021.

продолжать. Без сомнения, масштабы этих событий таковы, что их можно назвать катастрофой, и последствия подобных происшествий отражаются на многих сферах общественной жизни, но сильнее всего, влияют на ее духовную составляющую.

Утрата культурного наследия, в первую очередь, связана с утратой культурной памяти. Как работает ее механизм? По нашему мнению, культурная память сохраняется через связь с неким ее материальным источником – через некий артефакт, объект культурного наследия, символ, знак и т. д. То есть, определенный материальный объект помогает воссоздавать в памяти некие образы, ассоциируется с определенными событиями и т. д. Через связь с этим объектом/предметом/символом происходит как бы трансляция ценностей между поколениями – объект существует на протяжении веков, и каждое следующее поколение имеет возможность наблюдать его, при этом вкладывая в него примерно идентичный смысл, воспринимая его одинаково ценным. Конечно, механизм культурной памяти гораздо более сложен, но на наш взгляд, материальное наследие – важный носитель культурной памяти. Например, статуя Свободы является символом борьбы американского народа за независимость, а Эйфелева башня – символом Франции и ассоциируется с Великой французской революцией, ведь именно ей была посвящена выставка, на которой продемонстрировали башню. Исходя из этого, можно предположить, что утрата материального памятника культуры ведет к постепенному сбою в работе механизма культурной памяти. Человеческой памяти как бы больше не за что «зацепиться», нет некоего материального напоминания о неких событиях истории, нет преемственности, нет привязки к реальности. Теряется та ниточка, которая вела бы человека в прошлое, связывала бы его с представителями его культуры, заставляла его чувствовать себя частью единой истории. Человек просто сохраняет некую информацию до тех пор, пока она хранится в памяти, но этот срок довольно-таки недолгий, если эту память не подпитывать чем-либо. Это наиболее актуально в современных условиях, когда памятники искусства претерпевают существенные изменения. Например, Е. Н. Шапинская в статье «Культура в эпоху "цифры": трансформация культурных форм и эстетических ценностей» пишет: «С одной стороны, идет активный процесс оцифровки самых различных текстов и памятников культуры, с другой – невероятная информационная избыточность затрудняет процесс встраивания памятников

наследия в систему ценностей человека и общества, выработывания бережного отношения к наследию, воспитания чувства гордости за те тексты и памятники, которые принадлежат отечественной и мировой культуре в целом и ее отдельным регионам»¹

Кроме того, возможно, эти события будут приводить и к потере связи между поколениями. Мы, вероятно, увидим это через представителей следующего поколения. Трудно представить, что наши дети больше не увидят Собор Парижской Богоматери таким, какой он был (если работы по восстановлению продлятся слишком долго). И потеря памятников культуры приведет к тому, что потеряется какое-либо связующее звено между старшим и младшим поколениями. Как мы уже отмечали выше, культурные объекты существуют на протяжении жизни не одного поколения людей, через них происходит установление неких культурных связей «отцов и детей». Например, каждый человек в нашей стране представляет себе статую Веры Мухиной «Рабочий и Колхозница». Это понятно и узнаваемо для любого человека, независимо от возраста, социального положения, рода занятий. Наверное, в нашем понимании, именно данный культурный объект ассоциируется с советским прошлым нашей страны и с ценностями советского гражданина, является неким символом коммунистических времен нашей истории. А теперь представим, что эта статуя бесследно исчезла и современные дети не представляют себе, как она выглядела. Теряется один из важнейших объектов, который олицетворял бы советское прошлое, и родителям уже более сложно показать детям, в какой стране они жили, что ценили, к чему стремились.

Кроме того, важнейшим последствием утраты культурного наследия является постепенный кризис культурной идентичности. Как пишет Р. Брубейкер, «Человеку бывает необходимо идентифицировать себя – охарактеризовать себя, определить свое место среди знакомых ему других людей, найти себе место в нарративе, поместить себя в категорию – в различных контекстах. В ситуациях современной жизни, когда нам все чаще приходится взаимодействовать с другими людьми, с которыми мы не знакомы лично, таких поводов для идентификации особенно много»². Осознание человеком собственной принадлежности к определенной культуре основано на языке, территории, ценностях, религии, традициях и т. д., в том числе, и на объектах культурного наследия. С помощью определенных символов можно почувствовать себя как бы при-

частным к какой-либо культурной системе. К примеру, все мы слышали истории, когда граждане Америки говорят, что плачут, смотря на Статую Свободы. Это вызывает у них чувство гордости, а значит – причастности к истории своей страны и своей культуре. Соответственно, утрата таких символов ведет к тому, что человек лишается одного важного элемента, символа, с которым может себя соотнести. Наличие некоего психологического стержня, будь то национальная идея, историческая память, религиозные убеждения и другое, что позволяет сохранить этническую общность, не дает возможности раствориться в иноэтнической среде, является субъективным фактором устойчивости диаспоры³.

Если обратиться к истории, то мы увидим некоторые примеры, когда утрата культурного наследия приводила к серьезнейшим последствиям как для духовной жизни людей, так и к реальным человеческим жертвам. Например, в Средние века религиозные объекты имели чрезвычайно важную роль. С 637 года Палестина находилась под властью мусульман и в течение веков христиане не могли вернуть ее себе. На Святой земле сосредотачивались многие основные святыни христиан, в том числе, и Гроб Господень. Христиане не имели возможности вернуть их, были лишены главных реликвий. Однако настало время, когда идея о вооруженном освобождении Святой земли и Гроба Господня из рук мусульман распространилась среди западных христиан. Это в итоге привело к первому Крестовому походу. Кровавопролитная война кончилась возвращением святыни в 1099 году, однако успех Крестовых походов был временным и ограниченным, поскольку спустя 88 лет, в 1187 году, Иерусалим был утерян. И хотя крестоносцы еще возвращали себе Святой город на короткое время, в сентябре 1244 года они лишились его. Этот пример показывает, что утрата культурного наследия приводит к тотальным разрушительным последствиям для огромных социальных групп – готовности с оружием в руках возвращать его, отдавать за него жизни, убивать. Последствие Крестовых походов проявляется и в духовной жизни. Например, появляются смешанные элементы в искусстве – черты мусульманского и византийского стиля. Такие заимствования можно проследить в архитектуре (подковообразные и сложные арки, арки в форме трилистника и остроконечные, плоские крыши), в скульптуре (арабески – само название указывает на заимствование у арабов). Авторитету римско-католической церкви был

нанесен серьезный удар, который сильно подкреплялся неудачами тех стремлений и крушением надежд, которые возлагались на крестовые походы. Значительное количество восточных, преимущественно арабских слов, вошедших в эпоху крестовых походов в западные языки, указывает обыкновенно на заимствование того, что обозначается этими словами. Конечно, у данных событий были и положительные последствия. Например, историки говорят о том, что результаты Крестовых походов стали подготовительной почвой для эпохи Возрождения. Однако огромные человеческие жертвы, жестокость, насилие, уничтожение реликвий, памятников культуры, несомненно, являются негативными последствиями утраты культурного наследия, явившейся одной из причин Крестовых походов.

Если обратиться к более современным примерам, то можно сказать об уничтожении в результате террористических актов памятников культуры в Сирии. В арамейском городе Маалюля боевиками взорвана статуя Девы Марии, разрушена древняя церковь святых Саркиса и Бахуса, из которой похищены иконы и разграблен женский монастырь святой Феклы. В ходе боев нанесены повреждения монастырю Сейдная, построенному в 574 году. Под ударами боевиков оказался также всемирно известный археологический музей в Мосуле. В феврале 2015 года боевики ИГИЛ взорвали центральную библиотеку Мосула, уничтожив от 8 до 10 тысяч книг, среди которых – древние труды по философии, истории, культуре. Во дворе библиотеки исламисты устроили костер из книг и рукописей. На Юге Сирии в провинции Дераа, в городе Бусра поврежден крупнейший античный амфитеатр Сирии. И это далеко не полный список потерь. Что становится результатом данных событий в духовной жизни? Во-первых, усиление ксенофобских настроений. Данные вероломные поступки, которые совершаются лишь преступными организациями – террористами, начинают «по умолчанию» приписываться всему мусульманскому сообществу. Во-вторых, рост социальной напряженности, усиление интолерантных настроений. Возрастающее число конфликтов на почве национальной и религиозной розни. В-третьих, окончательное уничтожение некоторых античных памятников культуры, которые просто перестают существовать, т.к. не подлежат восстановлению, что в свою очередь, ведет нас к началу нашего рассуждения и приводит к тем последствиям, о которых упоминалось выше (потеря преемствен-

ности, исторической памяти, идентичности). Сирия в скором времени может полностью утратить свое культурное и религиозное разнообразие, если вооруженные силы оппозиции будут продолжать уничтожать христианские церкви и места поклонения мусульман-шиитов, об этом заявили эксперты международной правозащитной организации «Human Rights Watch». В-пятых, создается опасность межрелигиозной войны.

В ситуации, когда погибают десятки тысяч людей во время кровопролитной войны, утрата культурного наследия становится еще одним фактором, заставляющим стороны как бы пошатнуться, оказаться в ситуации, когда больше нечего терять и не за что удержаться, не на что опереться. И это создает огромную угрозу мировой стабильности и вообще дальнейшему выживанию народов-участников данного конфликта. Каким образом можно существовать в стране, в которой не остается ничего, что целые поколения людей ценили и берегли веками? В будущем мы можем столкнуться с народом, у которого просто больше не останется общего прошлого.

Таким образом, утрата культурного наследия ведет к таким серьезным последствиям духовной жизни, как потеря культурной памяти, отсутствие преемственности между поколениями, утрата культурной идентичности, рост социальной напряженности и потеря стабильности, усиление ксенофобских настроений.

---

¹ Шапинская Е. Н. Культура в эпоху «Цифры»: культурные смыслы и эстетические ценности // Культура культуры. – 2015. – № 3 (7) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-v-epohu-tsifry-kulturnye-smysly-i-esteticheskie-tsennosti> (дата обращения : 14.04.2020).

² Аносова Т. Ф., Кирилук С. С. Диаспора – оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестник Челябинского гос. университета. – 2005. – № 1 (4). – С. 65.

³ Брубейкер Р. Этничность без групп. – Москва : ИД ВШЭ, 2012. – С. 90.

Сол Крипке (1940 г. р.) произвел революцию в мире современной философии посредством множества статей, лекций и книг, изменивших направление философской мысли двадцатого века. Свою первую научную работу он написал, еще будучи школьником. Крипке переосмыслил идею Лейбница о том, что логическая непротиворечивость есть критерий истины во всех возможных мирах. Возможный мир – это один из вариантов существования мира. Лейбниц считал, что Бог изучает все возможные миры и затем выбирает лучший, чтобы его создать. Крипке отталкивается от этой идеи, позволяя нам рассмотреть логическую непротиворечивость и возможность мира не только с божественной, но и с человеческой точки зрения. Для нас необходимое и возможное со временем меняются в зависимости от наших действий. Крипке сумел это обосновать и тем самым поспособствовал развитию нового направления логики. Важнейшее место в философии Крипке занимает теория референций.

Язык – это основная забота философов-аналитиков, особенно использование языка для выражения концепций и обозначения единичных объектов. В книге «Именованное и необходимость»¹ Крипке рассматривает несколько вопросов, важных для аналитической философии:

Как имена относятся к вещам в мире?

Все ли утверждения, которые могут быть известны априори, необходимо истинны, и все ли утверждения, которые известны апостериори, случайно истинны?

Обладают ли предметы (в том числе люди) какими-либо существенными свойствами?

Какова природа идентичности?

Крипке отталкивается от концепции Бертрانا Рассела. В соответствии с теорией конечных дескрипций (описаний) Бертрана Рассела, определения «телефон», «пишущая машинка», «восьмиканальный магнитофон» не просто относятся к конкретным объектам материального мира. По утверждению Рассела, предложения с

---

* © Арапов А. В., 2021.

этими словосочетаниями суть общие утверждения о мире, определяющие единственный конкретный объект как телефон и наделяющие этот объект некими качествами. В целом между нами и реальностью существует область концептов. И наше взаимодействие с миром складывается опосредованно, через имеющиеся концепты. Мы непосредственно не ссылаемся на объекты в мире. Традиционно логики считали некоторые высказывания о конкретных объектах мира единичными. Хрестоматийные случаи – высказывания, содержащие имена собственные: «Никсон подал в отставку», «Аристотель был древнегреческим философом», «Цицерон обличал Катилину» и тому подобные. Данные утверждения, кажется, непосредственно приписывают объектам свойства и отношения. Однако Рассел придерживался того взгляда, что имена собственные являются синонимами дескрипций. А значит, они не соединяются с объектами напрямую – только посредством концептов. Таким образом, высказывания, содержащие имена собственные (подобные тем, которые включают дескрипции), действительно составляют общие утверждения о мире. Крипке отвергает эту точку зрения. Он считает, что мы можем иметь непосредственные, прямые референции по отношению к объектам этого мира. Начинает он с точного изложения теории дескрипций.

С точки зрения Рассела, имена собственные действительно сокращают дескрипции. Называть имя собственное – значит держать в уме дескрипцию, которая указывает на уникальный объект, или же по меньшей мере подразумевать набор дескрипций, которые указывают на объект сообща – из-за того, что он походит под все эти описания или наиболее значимые из них. Рассмотрим имя «Аристотель». Оно может быть частью фразы «самый известный ученик Платона», или «учитель Александра Македонского», или «последний великий философ античности». Также оно может, и частью комбинации этих или каких-либо других фраз. Возьмем имя «Никсон». За ним могут стоять фразы: «вице-президент Эйзенхауэра», «тот, кто проиграл Кеннеди в 1960 году», «избранный президентом в 1968 году», «переизбранный в 1972 году» и так далее.

Согласно этой точке зрения, высказывания вроде «Аристотель был самым известным учеником Платона, учителем Александра Македонского, последним великим философом античности» и «Никсон был избран президентом в 1968 году и переизбран в

1972 году» должны быть логически необходимым. Они должны быть истинными по определению, и, следовательно, априорными. А значит, их содержимое должно передаваться независимо от опыта слушателя, вместе с узнаванием имени Аристотеля или Никсона, что невозможно. Является ли необходимой истиной тот факт, что Аристотель был последним великим философом античности? Разумеется, нет. Аристотель вообще мог выбрать другую стезю. Так же и Александр Македонский мог в иных обстоятельствах стать философом, а не полководцем. Можно ли назвать необходимой истиной то, что Аристотель был самым знаменитым учеником Платона? Снова нет: он мог учиться не у Платона. А тот факт, что Никсон проиграл на выборах в 1960 году, победил в 1968 году и был переизбран в 1972 году? Разумеется, нет. Любые из выборов могли пройти иначе. Кроме того, мы не можем узнать обо всем этом, просто научившись употреблять имя «Никсон». Таким образом, ни одно из этих высказываний не является априорным.

Общая точка Крипке такова: имена суть жесткие десигнаторы – они выделяют общее в каждом возможном мире. Когда я думаю о том, что мог бы сделать Никсон, я думаю о том, что мог бы сделать «Никсон», а не о том, что мог бы сделать вице-президент Эйзенхауэра, что мог бы сделать победитель выборов 1968 г. и т. д. Крипке отрицает утверждение Рассела о том, что имена являются замаскированными определенными описаниями. Он подставляет другую картину употребления имен. Кто-то дает кому-то имя. По его словам, существует первоначальное «крещение», при котором кто-то называет объект – например, родители Никсона называют его «Ричард Никсон». Затем другие люди учатся использовать имя через причинно-следственную цепочку – получатель узнает имя от того, кто знает, как его использовать, намереваясь сослаться на то же самое. Итак, другие люди узнают имя Ричард Никсон от его родителей, из больницы и т. п. Другие учатся у них и т. д. Важно, чтобы они намеревались использовать одно и то же имя для одного и того же объекта. Если кто-то назовет своего кота «Никсон» и затем позовет его, он не будет иметь в виду 37-го президента США.

Крипке говорит, что между мной и реальностью существует прямая связь. Мы не отделены от реальности облаком концепций; мы напрямую контактируем с реальностью. Вещи, сами по себе относятся к определенным видам, обозначаемым естественными

видовыми терминами, такими как «река», «человек» и т. д. У нас есть прямая, непосредственная связь с реальностью, которая не зависит от того, что мы думаем и говорим.

---

¹ Kripke S. Naming and Necessity. – Harvard University Press, 1980. – 84 p.

Ю. В. Бизяева
АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
СМЫСЛОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПОСТМОДЕРНА *

1. *Назревшая актуальность.* Все более отмечается возрастающий интерес к взаимосвязи мифологических структур и траекторий развертывания постмодерна в современных реалиях культурного и философского пространства. С чем это связано, и на каких основаниях можно проводить параллели между двумя этими мирами?

Согласно одной из теорий, постмодерн выступает неким темпоральным маркером состояния культуры, выступая как явление духовной и интеллектуальной жизни, проявляющееся в каждой исторической эпохе на стадии ее завершения, Постмодерн представляет собой рубежное транс-историческое явление, резюмирующее и описывающее реальность новым синтетическим способом. Образно говоря, постмодерн – это летучее по своему принципу и структуре и находящееся в постоянной изменчивости соединение распадающегося (трансформирующегося) накопленного (сложившегося) культурного смыслоопыта, возникшее в силу потребности нового символического описания современности.

Архаический же символизм мифа составляет константные основания культуры, основообразующие и неизменные. При всей своей многомерности и многоуровневости миф стремится сохранить и воспроизвести сам себя в максимально изначальной форме. Описывая реальность, миф использует язык перцептивных образов и представлений, метафор, переносов, запечатлевая и фиксируя события и переживания. Только перцептивный образ имеет воз-

---

* © Бизяева Ю. В., 2021.

возможность репрезентировать стабильность события, его координированность во времени и пространстве, что есть важное условие достоверности сохранения информации. Перцептивный образ полностью реализуется в настоящем времени и является завершенной когнитивной структурой, включающие в себя так называемые пространственные и временные «метки», то есть условия, при которых какие-либо конкретные события могут восприниматься. Таким образом, миф предоставляет собой обусловленное и привязанное к внешним факторам «считывание» реальности.

Символизм архаического мышления строится на конкретике соответствия. Познание новых явлений и принципов реальности протекает сложно и медленно, но его итоги достаточно прочно внедряются в мироописательную концепцию мифа, и дополняют его основную ось. Семантика мифа довольно строга, иерархична и последовательна. В ней четко прослеживаются магистральные структуры и разветвленные символические системы, где содержание символа напрямую связано с событиями жизни людей... Наверное в этом есть некая «мудрость» мифа, стремящегося сохранить структурный порядок, пронизать им человеческую жизнь, быт, душу, сохранить вертикаль человекосозидания, выстроить ценностные категории и обозначить границы и направление развития. Механизм этого сохранения оказался настолько прочным, что, спустя века, архетипические формы продолжают прорастать в нелинейном пространстве постмодерна.

2. Специфика преломлений и трактовок «архетипов исторической памяти» и изменений архетипических образов в современности. К. Г. Юнг говорит об архетипах как о пластических инструментах познания, отвечающих многоуровневости мифа, многофункциональности мифологических образов. Постмодерн и миф – это своего рода дуэт семантических систем, рождающих новую искусственную реальность в причудливом смешении времен и акцентов. Обращение к архетипическим образам и смылосимволам есть одно из возможных направлений в преодолении кризиса ценностных оснований культуры. Возможна также игра с этим кризисом как постмодернистский способ его решения.

Рискнем взять на себя смелость провести параллели между постмодерном и мифом, дабы проследить, имеет ли место отображе-

ние, участие архетипических форм в смысловой реальности постмодерна.

В свое время постмодерн явился реакцией на разочарование в упорядоченном строении бытия и фиксировал гибель идеи прогресса. В нем мы видим манифестацию неполноты и несостоятельности известных описательных механизмов. Один из подходов к постмодернизму как философскому направлению состоит в следующем. Постмодернизм может быть представлен как многозначный и динамически подвижный комплекс философских, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений, зависящий от социокультурного контекста. Истина здесь предстает как нечто неоднозначное, она многогранна и поливариантна. Здесь постулируется первичная незаданность внешнего мира, человек не познает суть мира, но выстраивает бесконечные интерпретативные конструкции. Познание перестает быть накоплением данных, но становится вольнотрактуемой мозаикой. Исчезает прямая линия развития. Реальность складывается в азартной перетасовке не связанных друг с другом элементов, которые в своем соединении приобретают новый смысл, и цель теряет свое логическое назначение. Постмодерн – увлекательное приключение нелинейного безвекторного творения, свободный синтез смысловых элементов, блистательно и бесконечно развертывающийся во времени и пространстве культуры. Считывание реальности как текста и текста, как реальности. Дистраивание и непрерывное дорисовывание сюжетов и загадок в самом процессе разгадывания этих самых взаимосвязанных загадок. Символическая реальность стала игровым пространством, в котором происходит уже не воспроизведение, а вольное создание искусственных культурных моделей. Как следствие, постмодернистская логика и этика выплеснулась со страниц произведений и стала живой, уже не описывающей, а вполне себе происходящей реалией жизни.

Но тогда почему мы продолжаем говорить о кризисе культуры? Почему это привело к онтологическому разочарованию? Вероятно, в ходе этой бесконечной игры было утеряно звено, отвечающее за принцип ценности живого человеческого содержания. Возникла опасность в потере субъектом самого себя, пусть даже уже и не познающего, а интерпретирующего. Снятие границ привело к обесцениванию смыслов.

Оказалось, что мы живем во время мировоззрения, манифестирующего свою свободу от прошлых культурных ориентиров и устойчивых нравственных норм, некогда укорененных в мифологическом сознании. Так возникает феномен духовного и смыслового вакуума «опрокинутого» опыта, накопленного человечеством столетиями ранее. Отсюда – необходимая потребность заполнить эту пустоту, что составляет парадокс эпохи постмодерна. Возвращение к мифологическим моделям, «технологиям» осмысления мира в огранке постмодерна – это новое своеобразное выстраивание онтологической системы условий выживания и сохранения субъекта в пространстве культуры. В данном случае архетипические формы выступают как некая спасительная память, важная для выживания человека в экстремальной духовной ситуации, какой стала для нас эпоха постмодерна. Ведь если утрачиваются вектора нормативных смыслов и принципов, и если ты больше не знаешь, *как и что* делать, то *как ты будешь это делать?*...

Возможно, миф выступит как своего рода вспомогательное орудие, новая опорная точка описательной семиотической системы. И сама реальность постмодерна предстанет как новый виток мифологического мышления и вместе с тем – его интерпретация.

П. Е. Вахренева
ВЫБОР КАК ФОРМА СОЗНАНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
ДОСТОИНСТВО, ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕКУ ОБРЕСТИ
НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРИЧИН
Поправки Мамардашвили к исторической концепции выбора*

Убежденный в том, что порядок возникает там, где есть возможность продолжения порядка, М. Мамардашвили размыкает свинцовые скрепы объективной философии, и взвешивает далее на весах сократического критерия исторические усилия мировой философии в борьбе с безвозвратной необратимостью, которая не первый раз встала на пути исторического развития сознания. И поскольку камнем преткновения оказалась проблема свободы выбора и условия

---

* © Вахренева П. Е., 2021.

ее применимости, он продолжает расчищать историческое пространство для творческого мышления и в этом направлении.

В силу динамического характера вечности и изменчивости ее, автоматически включенного сознания не бывает, поскольку все необратимо меняется. И когда человек рождается к сознанию, мир каждый раз для него как бы срезан до нуля и начинается заново, – с его попытки мышления, – фиксирует новое понимание состояния проблемы наш автор.

Попадая в сцепления слов, смыслов, силовых линий культуры, человек учится мыслить в этом пространстве готовых форм мысли наличного сознания. Но есть такие вещи, которые за нас никто сделать не может. – За нас прочесть Пушкина никто не сможет. Мы должны прочесть, чтобы знать Пушкина. Никто за нас не сможет состояться, – мы должны научиться стоять снова и снова, ибо *мир непрерывен и необратим*. И к тому же последнее никого не устраивает. Потому, то что мы не успели сделать, уносится временем в недостижимость и объективируется хаосом. «Что же такое в данном случае необратимость? А вот именно то, что *между*, в непрерывность нельзя извне вставить ничего другого»¹, – поясняет Мамардашвили, – поэтому он предупреждает, что, если мы не поднялись до измерения динамической вечности – пространства смыслопонимания, возникает разрыв непрерывности мышления и начинается склонение бытия. – Поэтому отсюда он начинает и очередные поправки, срезая все возможные отступления.

Никто не может сделать за нас наш выбор. – Мы должны делать выбор, ибо все – через нас. А, если учесть, что мир необратим, мы должны делать выбор, причем, – непрерывно. Но, *если мы оказываемся в бесконечной последовательности выборов*, – это уже не выбор, а произвол, – напоминает автор. Выбрать нечто из бесконечного числа – произвол, требующий либо отказаться от выбора, либо *перейти в другое состояние – мир творчества*. Следовательно, *условия выбора есть не всегда. Но всегда мы имеем дело либо с непрерывностью, либо с цейтнотом, либо с апокалипсисом*. А раз мы включены в движение последствий, и обстоятельств, где мы – часть, где все течет и меняется, то есть становится безвозвратно необратимым, *для нас не должно быть ситуации выключенного сознания*.

Вне нас – нет истории. Потому что *история – человеческое учреждение*, фиксация состоявшегося опыта человека, *матрица*

текущего бытия, необходимая в условиях текучести мира. Все, что есть в истории, – много великого, и не очень, – есть результат индивидуального выбора, и сам *выбор тоже индивидуален, как способность сознания, а по назначению он всегда представляет собой пересмотр непрерывности, где мы – часть этой непрерывности*. Поэтому, вникая в мысль Мамардашвили, мы всегда должны помнить о том, что для человеческого существования все необратимо. Что сам момент выбора – еще не мышление, а лишь прикидка по совокупности необходимого нам².

Он отмечает, что впервые пытался навести порядок в этой *безвозвратной необратимости* Сократ, когда выдвигает свой критерий остановки текущего потока исторических событий: «познай самого себя» – в результате которого возникают философские системы Платона и Аристотеля.

Затем сократической точкой Нового времени стал Р. Декарт с его принципом: *«cogito ergo sum» – мыслю, следовательно, существую*, в результате которого, *произошел исторический возврат к человеку* и – напряжению его сознания. Р. Декарт, собственно, потому и предстает как «творец... систематической философии и один из создателей науки Нового времени»³.

Далее решить *«вопросы текучести»* и *«динамической вечности»* предпринимает немецкая классическая философия – *через абсолютное сознание* – Г. Гегель, а затем К. Маркс и Ф. Энгельс. Однако, и у Маркса, и у Энгельса, по справедливому замечанию нашего автора, мышление объективно, как мир, часто выстроено по аналогии, или, по совокупности, просто, путем *дублирования идеального начала*, и часто довольно архаично структурировано: план, цель, средства.

Поэтому продолжает корректировать тему *«завоевания себя»*, провозвестник экзистенциализма датский философ XIX века С. Кьеркегор. Его вопрос – задача: *«Как узнать, кто ты?»*. Этот вопрос есть, фактически, «перелицовка сократовского требования "познай самого себя"»⁴, – замечает в историческое продолжение темы Мамардашвили. Но главным для Кьеркегора, становится не просто свобода выбора, и даже не сам человек, а *условия применения свободы выбора, формы связи выбора и человека, их сопряженность*. Но, прежде всего, его интересовала *энергия, напряженность, скорость и сосредоточенность выбора*. А также возмож-

но ли с неоформленной внутренней энергией и напряжением состояться в пространстве выбора, если выбор еще не мышление даже. По Кьеркегору не существует безразличного наблюдателя событий, ибо наблюдатель включен в происходящее, а значит, – сам меняется. Выбор связывает, и человека, и мир – необратимо, через напряжение энергии, повязав, и личность, и способы ее существования, и последствия.

Такой подход, разумеется, существенно отличался от позиции традиционной философии, которая считала, что мир стоит и ждет нашего выбора, а мы сами при этом не меняемся. Хотя, на самом деле, мир не стоит, и не ждет, и мы меняемся, и время уплывает как гераклитовская вода в реке, и мы – в этой реке. И ко всему: выяснилось, что выбор – не самодостаточен вне добра и зла, и вне человека может быть рефлексивным, безразличным и даже – непредсказуемым, ибо он – внешняя структура по отношению к тому, кто выбирает.

А это означало, что то, что подлежит выбору, находится в глубокой связи, прежде всего с тем, кто выбирает, когда выбирает, и как выбирает. Поэтому важно перед тем, как выбрать что-нибудь, измениться самому, завоевав себя. Необходимо выбрать сначала различие добра и зла, через которые, и начинается в человеческой истории завоевание самого себя. Это и было для Кьеркегора первостепенной задачей, потому что победить – это и значит сначала завоевать самого себя. Ибо, если я не меняюсь, значит я умер, и побеждать некому и нечем.

Кроме того, при внимательном изучении вопроса, выяснилось: если человек, связанный с выбором, препятствует изменению, он с необходимостью приходит к ситуации, когда выбирать поздно. Подобная ситуация возникнет и в том случае, если забудешь подсчитывать скорость принятия решения. Скажем, мы изменились, пока выбирали свободу выбора, и за это время погасла наша энергия выбора, или исчезла сама возможность выбора, кто-то выбрал за нас, и мы потеряли себя. – Это и есть проблема отложенного выбора у Кьеркегора. Даже время меняет нас самих, и может возникнуть ситуация, в которой не будет свободы выбора. «...Толстой устами Кутузова провозглашает, что фактически нет даже такой проблемы, поскольку оставление Москвы решилось

где-то в другом месте...»⁵. То есть, Толстой хотел тоже сказать: *«что бы мы не выбрали, – выбирать надо себя, и свое решение»*.

Мамардашвили согласен с Кьеркегором. Он пишет, что *«...сам выбор имеет решающее значение для личности и с актом выбора она, как в пропасть, падает в выбранную вещь, а когда не выбирает – застывает, мертвеет»*⁶

Мы вынуждены мыслить, пока есть энергия держания мысли, пока сохраняется свет впечатления, пока сложилась ситуация выбора, и даже откладывание выбора – это тоже выбор, но уже выбор «потери себя» и частицы своей судьбы. И вернуть ситуацию уже нельзя, не получится, *даже если ты на коленях*. – Ведь в *промежутке идет непрерывное смещение в цепи взаимодействий, обстоятельств и смыслов*, которые меняют саму ситуацию выбора, и, прежде всего, нас самих. Это и есть противостояние *безвозвратной необратимости* С. Кьеркегора.

Именно после Кьеркегора *в непрерывности мышления мысль выделяется как «энергия держания бытия»*. Она – самое важное, *чего откладывать нельзя*. Иначе, «отложенный выбор» изменит побочные обстоятельства и ничего переделать будет нельзя, потому что нельзя вернуть ситуацию.

Предложения М. Мамардашвили можно выразить следующим образом.

Предупредить склонение мышления и бытия через все-связь всех сил человеческого существа – полноту бытия, и достоинство мысли, поставив на место склонения – потенциальные возможности сознания.

Первый акт – начало мышления – это понимание того, что никто не виноват и склонение неминуемо.

Второй акт – попробовать мыслить, то есть изменить склонение. Платой за попытку изменения склонения будет страдание. Но наградой станет постижение правды.

Третий акт – увидеть все-связь всех сил человеческого существа, и через концентрацию всех потенциальных возможностей решить какую-либо задачу человечности перед своим уделом судьбы, то есть исполниться в полноте своих сил и средств через мысль.

Как узнать эту мысль? Такая мысль всегда приходит в терминах человеческого возвышения, или, динамической вечности, где всегда открыт выход в свободу мышления, а через произведения искусства,

еще и выход на второй уровень – «производящих произведений мысли». Где в цепи взаимодействий форм сознания создается «измерение, в котором мы действуем в полноте своего существа»⁷, ибо находимся в предельной ситуации социума. Эта ситуация, «которая сама способна производить новые смыслы, независимо от причинных действий и от реальных контактов»⁸. Потому что наше знание законов динамики культуры и производящих произведений мышления, возмещает там недостаточность эмпирических данных и возможностей. Оно, – здесь Мамардашвили пользуется выражением Пруста, – действует, «объединив... разнородные вещи в одну пространственную точку воображаемого»⁹.

Там другая интенсивность энергии, которая она генерирует «напряжение способности и силы производить»¹⁰, привлекая удачу, как собранная могучая структура, более мощная, чем все разрозненные структуры. *В ней и рождаются особые состояния души, для которых нет внешних причин реальности, душа – свободна, потому что творит мир. И это состояние само как произведение искусства*, поскольку дает сразу спектр строения культурных миров.

В каждой ячейке взаимодействия в этом пространстве перед человеком, который *мыслит и переживает в терминах своего назначения*, встает проблема: *что с этим делать? Может ли он собрать свою жизнь из растерзанных кусков и, осознав свои потенциальные силы, исполниться во всей полноте этих сил?* Ответ потрясает доверием к мыслящему: «...нужно как-то держать в воображении то, что мы называем мышлением, или то, что мы улавливаем уже на уровне произвола (я говорил вам, что выбор из бесконечного числа возможностей не есть в строгом смысле выбор, а произвол – в смысле создания нового, другой ситуации, творчество). И все это есть как бы взятие того, что уже было и совершалось в цепи взаимодействий; взятие, повторение на уровне "второй производной"»¹¹. «Второй» – потому что то, что задействовано в *живой структуре мышления*, с участием *продуктивного воображения*, в *пространстве понимания*, как мысль, или *производящие произведения искусства*, уже способно *участвовать в действующей современной цепи взаимодействий и производить новые смыслы, независимо от причин и реальных контактов*. Но на этом уровне – «"второй производной", то есть в тексте сознания»¹², – *до совершенства, до полноты, или, если говорить о мышлении, – до идеального вида доводится то, что уже фактически дей-*

ствуует в полноте своего существа, и одновременно создаются идеальные измерения предельной ситуации существования социума.

Эти состояния творчества можно узнать по комфортности и ровному расположению духа, потому что «само поле сознания» определяется там участием всех сил. Не случайно, в этом пространстве «второй производной» мы имеем «эквиваленты для особых состояний нашей души», для которых, в общем-то, нет никаких причин в реальности.

---

¹ Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. – Москва : Моск. школа пол-лит. исследований. – 2000. – С. 317.

² См. : Там же. – С. 176.

³ Там же. – С. 319.

⁴ Там же. – С. 320.

⁵ Там же. – С. 324.

⁶ Там же. – С. 323.

⁷ Там же. – С. 328.

⁸ Там же. – С. 328.

⁹ Там же. – С. 329.

¹⁰ Там же. – С. 300.

¹¹ Там же. – С. 328.

¹² Там же. – С. 328.

А. Г. Вяткина

СВОБОДА И МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СЛУЧАЙНОСТИ *

В конце XX – начале XXI вв. в рамках аналитической философии появляется большое количество новых исследований по проблеме свободы, свободной воли и моральной ответственности. Интерес к данным исследованиям продиктован, во-первых, их новизной; многие авторы и их концепции остаются мало известными отечественному читателю. Во-вторых, полемика, развернувшаяся в рамках аналитической философии, выявляет ключевые, принципиальные трудности, возникающие при попытке теоретического обоснования феномена свободы.

---

* © Вяткина А. Г., 2021.

Примечательно то, что, хотя аналитическая философия стремится учесть современные достижения наук о человеке, психологии, нейрофизиологии, физики, она по сути повторяет все те тупики, в которые попадали мыслители прошлого, прежде всего представители классической рационалистической философии. И не случайно, ведь рассматриваемые современные исследования осуществляются в поле той же парадигмы, стремящейся представить феномен свободы с позиции логики сущего (онтологии предзаданного бытия), элиминирующей сложность и двумерность человеческого существования. В результате свобода сводится к подчинению внешнеположенной человеку необходимости, что ставит под вопрос требование моральной ответственности индивида.

Так, например, Д. Перебум прямо заявляет: «...Хотя разумная возможность того, что мы являемся недетерминированными агентами, не исключена как таковая, она неправдоподобна, если принять во внимание наши лучшие физические теории... Мы должны принимать всерьез перспективу, что у нас нет свободы, необходимой для моральной ответственности»¹. При этом автор сохраняет «оптимистичный» взгляд на проблему человеческих взаимоотношений, по сути, повторяя в ключевых пунктах своей аргументации хорошо известную позицию Гольбаха. Хотя у человека нет свободы и мы не можем считать его ответственным за совершенные поступки, это вовсе не вносит хаос в систему оценок поведения и не отрицает необходимости наказаний или поощрений. Ведь если некто не свободен в своих действиях, наносящих вред окружающим людям, отсюда еще вовсе не следует, что не должно противодействовать его негативному или разрушающему влиянию.

Кроме того, полагают Гольбах и Перебум, осознавая необходимость поведения индивида как результирующую влияний наследственности, среды, воспитания, образования и т. д., мы, во-первых, осознаем необходимость совершенствования общества и его социальных институтов, а также и самих себя, могущих оказать положительное и негативное влияние на окружающих. И, во-вторых, мы обретаем основания для того, чтобы стать более снисходительными и терпимыми к недостаткам и порокам других людей, понимая, что их надо не винить, а исправлять противоположным влиянием.

В данном контексте уместно обратиться к концепциям психологов и педагогов. Рассматривая проблему духовного развития лич-

ности, ученые обращают внимание на внешние влияния и условия воспитания человека с самого раннего возраста. Появляясь в школе, ребенок уже не представляет собой чистый лист бумаги, как это зачастую хочется видеть родителям и учителям, а является индивидом с целым набором готовых черт и форм поведения, усвоенных под влиянием внешних воздействий, хотя данные формы в столь раннем возрасте и осуществляются бессознательно. Но ведь даже взрослый человек далеко не всегда, а зачастую редко когда, отдает себе отчет о своем поведении. И если индивид сам не видит своих слабых сторон, недостатков и просто не понимает обращенные к нему требования и претензии, то в его ли воле стать зрячим, да и вообще захотеть что-то менять?.. П. Ф. Лесгафт обращает внимание, что подобное «обретение зрения» возможно, когда человек попадает в иную среду, иное окружение. Но ведь это дело случая...

«Случай», «ситуация» – эти категории оказываются одними из центральных в антропологических построениях философов XX века. Мы вернемся к ним несколько позднее, уже в другом логическом и концептуальном контексте. Сейчас же хочется отметить относительную справедливость позиции рассматриваемых авторов, при этом подчеркивая, что это лишь один угол зрения на проблему. Но не единственный. Если я могу снисходительно относиться к другим, то почему же избегаю такого отношения к себе... И всегда ли оправдано такое снисхождение в отношении к другому... Человек может счесть его унижающим и даже требовать признания своей свободы и ответственности, в том числе и за свои ошибки. Вспоминая Ницше: вину на себя берет не тот, кто действительно ошибся или виноват, а тот, кто сильнее. И тут буквально просится обращение к сартровскому понятию вины, всеобщей, метафизической вины.

Сколько раз приходилось испытывать чувство вины, стыда за те действия людей, причинами которых ты вовсе не являешься. Человек и его судьба никогда до этого не пересекались с твоей, ты не ответствен за его характер и личностные качества, за его дурное настроение сегодня, но, тем не менее, краснеешь, когда слышишь его слова и действия, и испытываешь потребность поправить дело. Ибо здесь раскрывается пространство твоей свободы, а она не определяется внешними чуждыми детерминантами. Это не абстрактная свобода классической философии, а собственная свобода человека. Именно об этой ответственной свободе говорит Сартр. Внешнее и чуждое, не обу-

словенное фактами моей биографии, как, например, невоспитанное поведение моего знакомого, может стать событием моей свободы и, следовательно, вины и ответственности, ибо мое я (мое сознание, в терминологии Сартра) способно полагать новые ряды детерминации, независимо от обусловленности внешней реальностью.

Свобода как полагание нового ряда причинных отношений необходимо выводит сартровскую свободу в логическую связь с понятием случайности. Однако в понимании Перебума случайность выступает препятствием для признания поведения человека ответственным и морально обусловленным. «...недетерминированный выбор или действие будут произвольными, непостоянными, случайными, иррациональными, бесконтрольными, необъяснимыми... а следовательно, вообще не будут свободными и ответственными действиями»². Но ведь если допустить, что жизнь человека целиком и полностью определяется внешними, независимыми от него причинами, то его поведение ничуть не легче признать моральным. Проблема свободы и ответственности необходимо попадает в логический тупик. И этот тупик неизбежен, если мы будем рассматривать свободу человека в плоскости онтологии одномерного бытия, в рамках которой отклонение от заданного движения всегда представляется чем-то «ирреальным», «необъяснимым», провалом в цепи причинно-следственных связей, чем-то наподобие эпикуровского самопроизвольного «чуточного» отклонения атомов, над которым много иронизируют представители аналитической философской мысли.

В свете сказанного особый интерес обретает позиция другого лагеря аналитической философии, называемого либертарианством, представители которой пытаются обосновать недетерминированную свободу. Как пишет Р. Кейн, наше действие свободно, если связано с самостоятельным, независимым от внешних причин формированием личностных качеств, то есть если я сам выбираю себя, свой характер, цели и т. д. При этом получается, что человек свободен не в каждом своем поступке и решении, а только в «формирующих самость действиях», последующие поступки фундированы в этом изначальном недетерминированном выборе.

Интуитивно Кейн выходит к онтологии двумерного бытия, но попытки рационального обоснования американского философа сознательно располагаются в плоскости онтологии одномерного сущего, в результате чего логика заходит в тупики, явные и для са-

мого автора. Не видя других возможностей, Кейн стремится фундаментализировать индетерминизм свободного выбора в естественнонаучной картине мира. Допустим, в процессе выбора себя у человека есть альтернативы, при этом он не может предпочесть одну другой, то есть в сознании имеет место неопределенность. Этой сознательной неопределенности соответствует индетерминизм в движении нейронов в мозге человека. Обоснование Кейна сродни критикуемому эпикуровскому обоснованию свободы.

Свобода воли Эпикура вытекает из самопроизвольного отклонения атома, а свобода Кейна – из самопроизвольного отклонения нейрона. Шаткость этой позиции осознается Кейном особенно отчетливо в вопросе о моральной ответственности: может ли такой выбор считаться подлинно моим, чтобы нести за него ответственность? По Кейну, самость обратно пропорциональна произвольности свободного действия. Подобно тому, как Эпикур говорит о «чуточном» отклонении, Кейн утверждает, что во всяком свободном действии «остаточная произвольность сохраняется»³. Не имея возможности логически связать «самость», в смысле «человечность», выбора со случайностью, Кейну приходится признавать аргумент «от удачи». То есть выбор себя – это не «необходимое» (наущное, нужное, наболевшее) полагание своей подлинности, несводимой к внешнеположенной определенности фактического бытия, как характеризуется незаданность свободы в экзистенциализме, а в самом буквальном смысле счастливый, или несчастный, случай, бездушный случай, продиктованный нейронами. Вместе с тем в логике Кейна встречаем весьма глубокие рассуждения: «...Свободный выбор не может быть полностью объяснен совокупностью прошлого, включая прошлые основания или мотивы агента... Всякий недетерминированный "формирующий самость" выбор является началом нового пути в будущее... Его не делают необходимым мои прошлые мотивы, однако он совместим с моим прошлым и является одной из развилки, по которой может осмысленно пойти моя жизнь»⁴. В данном пункте рассуждения Кейна выходят к гуссерлевской идее горизонта незаданных возможностей, которые хотя и совместимы с предметными формами, однако не определяются ими однозначно⁵. Горизонт представляет собой «поле потенциальности, на котором совершает свои свободные акты «я»⁶. Кейн подчеркивает, что с позиции ставших характеристик

личности и ее прошлого осуществляемый свободный выбор оказывается недостаточно обоснованным и неопределенным.

Еще одной продуктивной идеей Кейна в контексте проблематики свободы является мысль о незавершенности человеческого бытия: «Как и автор романа, я продолжаю писать незавершенную историю и творить незавершенный персонаж, которым, в моем случае, я сам и являюсь»⁷. Как очевидно, Кейн подступает к тем определениям человека и бытия, которые на языке экзистенциализма выражаются в понятии ничто. Образно говоря, Кейн нащупывает дверь выхода, но не пользуется им, предпочитая идти в знакомом логическом коридоре, на первых этажах которого можно найти поддержку нейронауки, физики. У американского философа присутствуют глубокие и продуктивные идеи, но выбранные теоретические основания не адекватны тематике свободы и в целом антропологической проблемности, требующей выхода к онтологии незаданного бытия с ее двумерностью сущности и существования, нечто и ничто. Отсюда и вытекают все те трудности и тупики, неизбежно возникающие в рассуждениях автора. В частности, к ним относится и указанная проблема обоснования моральной ответственности в случае фундированной случайностью свободы.

В философии экзистенциализма конечной основой свободного выбора является не отклонение нейронов, а существование самого человека, отвечающего на ситуацию бытия-в-мире актом своей подлинности. Экзистенциализм исходной точкой отсчета в своих построения берет не космический универсум в целом, рассмотренный аналитической философией через призму естественнонаучных теорий, а бытие человека, взятое из своих ближайших структур и феноменов. А именно, как незаданный, обращенный в будущее проект (Сартр), как ничто из сущего, как открытый горизонт возможностей становления себя чем-то. При этом непосредственной и ближайшей структурой человеческого бытия берется его фактичность. А через фактичность автоматически впускается случайность: «...Две эти категории (случайность и фактичность) для Сартра являются двумя сторонами одной медали»⁸.

В то же время внешние и случайные факты моей биографии, будучи восприняты и переработаны моей субъективностью (сознанием, в терминологии Сартра), превращаются в подлинно мое: мой дом, моих друзья, мою любовь... Свободный незаданный акт не

есть внешний, чуждый моему бытию «счастливый случай», напротив, это именно мой способ самоопределения, выражающий мою подлинность, мою первейшую насущную «не-обходимость», которая, однако, не сводится к детерминации прошлым и заданным характеристикам моей личности. Лишь на уровне застывших структур сущего акты моей свободы выглядят как чистая случайность, как необъяснимое и непонятно откуда взявшееся внезапное прерывание линии моей определенности, моего характера, моей психики, как нечто мне несвойственное, если смотреть со стороны внешнего наблюдателя, пытающегося рассчитать мою личность исходя из наличных фактических данных. Но это не единственный уровень бытия человека, и тем более не самый глубинный.

При этом мы вовсе не пытаемся нивелировать значимость онтического уровня бытия. Напротив, моя свобода и подлинность необходимым образом встраиваются в этот уровень. Образно говоря, мои духовные порывы, застывая, претворяются в твердые структуры сущего, без этого претворения мой порыв оказывается бесплодным... Кроме того, сущее необходимо мне как фактичность, как материал для самополагания и творчества, и моя свобода, конечно же, ограничивается моей фактичностью... В тоже время представляются исключительно важными естественнонаучные исследования в области познания человека. Ибо высшие формы человеческой духовности существуют на базе биологических и психических уровней бытия. Но на данных уровнях рождаются структуры куда более сложные и несводимые к своим основам. Эти структуры трудно поддаются рационализации, ибо их содержание, впервые обращающееся не к разуму человека (эта тема более подробно раскрыта в других наших работах), не разложимо в строгих понятийных формах. Думается, наука необходимо будет приближаться к пониманию этих высших форм человеческого бытия, не имея, однако, принципиально возможности исчерпать всю их сложность.

Итак, фундированный случайностью свободный способ самополагания раскрывает меня как уникальное неповторимое я. Хотя этот способ и не рассчитывается исходя из наличных фиксированных данных, однако естественно делает меня ответственным за самостоятельные, собственные акты самополагания.

Каждая точка зрения имеет свои исходные посылки. Отталкиваясь в своем рассмотрении от человеческого существования и

его ближайших феноменов, Сартр берет случайность, фактичность, незавершенность как некую исходную данность, с которой потом работает. Иначе говоря, эти структуры не выводятся логически, как у Кейна. Как прекрасно выразила данную мысль О. В. Пастушкова, «в "Бытии и ничто" Сартр именно впускает случайность, а не вгоняет ее при помощи логики»⁹. И если у Кейна утверждение данных структур является финальным пункт исследования, то в экзистенциализме – это отправная точка, отталкиваясь от которой могут и идут дальше. Безусловно, в философии экзистенциализма присутствуют свои противоречия и сложности. Вместе с тем разработанная в ее рамках онтология, как представляется, позволяет намного ближе подойти к познанию человека, чем те системы, где свобода и подлинность ищутся в отклонениях атомов и нейронов. И в последних строках хочется отметить один напрашивающийся вывод: являются ли мыслители представителями экзистенциализма или далекой от него аналитической философии, но когда они обращаются к проблеме свободы, то начинают говорить на принципиально близком языке, или отрицают подлинность самого феномена.

---

¹ Перебум Д. Оптимистичный скептицизм относительно свободы воли // Логос. – 2016. – № 5. – С. 62.

² Кейн Р. Поступать «по своей собственной свободной воле»: современные размышления о древней философской проблеме // Логос. – 2016. – № 5. – С. 111.

³ Там же. – С. 124.

⁴ Там же.

⁵ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – Т. 1. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 66.

⁶ Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб.: Наука, 2001. – С. 208.

⁷ Кейн Р. Указ. соч. – С. 125.

⁸ Пастушкова О. В. Онтологическое пространство свободы: Дис. ... канд. филос. наук, спец. 09.00.01; Воронежский гос. университет. – Воронеж, 2005. – С. 103.

⁹ Там же.

И. А. Журавлева
ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА *

Как бы далеко не продвинулся процессе модернизации, мы до сих пор наблюдаем присутствие религиозной компоненты в пространстве общественных отношений. После страшных событий 11 сентября Ю. Хабермас заявил о том, что «напряженные отношения между секулярным обществом и религией были взорваны совершенно иным образом»¹. Размышления об этом и привели его к разработке новой характеристики современного западного общества – постсекулярности.

В европейской интеллектуальной среде долго доминировало представление о том, что религия постепенно уходит в прошлое. Поле ее влияния сжимается, так как количество людей, участвующих в церковной жизни, сокращается, а авторитет религиозных институтов в эру научно-технического прогресса неминуемо снижается. Зачастую, следование религиозным ритуалам и обычаям поддерживается как часть культурной традиции, из которой уже давно ушло то, что принято именовать «подлинной верой». Однако Ю. Хабермас обращает внимание на некоторые сдвиги в социальных практиках и общественном сознании, которые свидетельствуют об обратных тенденциях. Например, значительная часть современных конфликтов освещается в СМИ в качестве столкновений на религиозной почве, зачастую имеющих исток в исламском мире, но по своим последствиям выходящих далеко за его пределы. Одним из них являются потоки мигрантов, хлынувшие в Европу и актуализировавшие огромное количество в том числе религиозных дискуссий между мусульманами и христианами. Помимо этого, мы можем наблюдать активизацию позиции церквей и религиозных организаций по вопросам, связанным с развитием и внедрением в жизнь различных биомедицинских технологий, затрагивающих природную идентичность человека. Все это указывает нам на поспешность выводов об окончательной секуляризации современной жизни и заставляет задуматься о том, что же представляет из се-

---

* © Журавлева И. А., 2021.

бя этот новый этап в отношениях общества и религии, который и получил характеристику «постсекулярного».

Стоит сразу сказать, что постсекулярность это не только констатация возрастающей роли религии, но и новая реальность, или парадигма, из которой можно уже по-другому взглянуть на противоположность светского и религиозного и на саму идеологию секуляризма. Приставка «пост» говорит о том, что произошло преодоление предшествующего состояния, вызвавшее качественный сдвиг в отношениях, а не так пугающее многих наступление «нового Средневековья».

Если внимательно проследить логику развития отношений между сферами сакрального и профанного, то можно увидеть, что противопоставление этих миров в виде дихотомии «религиозное – секулярное» ошибочно. Остановимся подробнее на исходных определениях.

Как мы помним, термин *religio* восходит еще ко временам античности, где под ним понималось особое, благоговейное отношение к чему-либо, то есть особого рода добродетель в отношении не только богов, но и власти, родителей и т. п. Христианская интерпретация внесла свои коррективы в смысл этого понятия – благоговейное отношение к Богу. Но, разумеется, что ни Августин Аврелий, ни Ансельм Кентерберийский, ни кто-либо еще из деятелей церкви тех времен не понял бы современного определения религии как «особого типа мировоззрения, характеризующегося верой в сверхъестественное» просто потому, что термин *religio* не воспринимался в качестве родового понятия, объединяющего такие частные проявления как христианство, ислам и буддизм. Для сознания европейского христианина Средних веков слово *religio* имело значение религиозной добродетели, верности и любви к Богу. Не было четкой демаркационной линии, которая пролегла бы между религией с одной стороны, и наукой, политикой или искусством, с другой: «...никто не стал бы называть анонимных архитекторов, посвятивших свой гений проектированию и сооружению величественных соборов, или безымянных художников, создававших фрески на темы из жизни Христа или на ветхозаветные сюжеты, религиозными художниками, так как содержательно такая деятельность ничем не отличала их от других людей»². Примечательно,

что в это же период использовалось выражение «секулярное духовенство», т. е. не принадлежавшее к монашеским орденам.

Все меняется в Новое время. Особо следует отметить, что процесс отграничения религии от целостной социальной жизни произошел в том числе и благодаря появлению в философии категории «субъект». Именно благодаря Декарту и Канту религиозная концепция «Я» как грешного, раздираемого противоречиями создания, сущность которого сосредоточена в душе, сменилась идеей субъекта как мыслящего разума, автономного, способного к познанию объективных закономерностей этого мира. Религия же постепенно стала оттесняться в пространство субъективного (в смысле необъективного, недостоверного), иррационального и сугубо внутреннего.

Обратимся к «Посланию о веротерпимости» Дж. Локка. В нем провозглашается идея, что религия должна быть ограничена в сфере своей ответственности, а эта последняя замыкается кругом вопросов, связанных со спасением души: «Цель религиозного сообщества, как было сказано, есть совместное почитание бога и обретение благодаря этому жизни вечной. А посему именно этим должно ограничиться все учение, в этих пределах должны действовать церковные законы. Никогда в этом обществе не идет и не может идти речь о благах гражданских, о владении земными благами; здесь никогда, ни по какой причине не должно применяться насилие, целиком относящееся к компетенции гражданского правителя, равно как подлежит его власти владение внешними благами и пользование ими»³. Так, по сути, в Новое время и была изобретена религия в современном смысле слова.

Секулярное, так же пройдя путь от значения отчуждения церковных земель в частную собственность к более общему понятию эмансипации различных сфер жизни общества (образования, науки, искусства) от влияния религиозных ценностей и норм, стало в оппозицию к религиозному.

Все вышеизложенное позволяет нам заключить, что движение от религиозного Средневековья к светскому Новому времени (которое по сути происходило только в интеллектуальной среде, не затрагивая стихийной религиозности народных масс) сопровождалось и новым смысловым наполнением самих этих понятий.

Возвращаясь к началу наших рассуждений, можем сказать, что и сейчас происходит нечто подобное – трансформируется вся ситуа-

ция целиком. Привычные нам значения понятий снова требуют переосмысления, что и оправдывает необходимость говорить о современном состоянии общества как о «постсекулярном». Не стоит полагать, что отмечаемый феномен восстановления религией утраченных позиций грозит нам откатом к прошлому (хотя Россия страна непредсказуемых возможностей, но мы говорим об общеевропейском контексте). Современный религиозный дискурс разворачивается в пространстве секуляризованного общественного сознания, но открытого диалогу. Что же вызвало потребность в таком диалоге, в котором слово может быть предоставлено религии? Как считает сам Ю. Хабермас, «чистый практический разум больше не может быть уверенным в том, что одними лишь благоразумными идеями теории справедливости – голыми руками – сможет противостоять сходящей с рельсов модернизации»⁴. Тем самым, немецкий философ отводит религии роль сдерживающего фактора или, по крайней мере, той инстанции, которая будет в современном публичном пространстве инициировать общественные дискуссии по темам, затрагивающим базовые основы человеческого бытия (например, в тех же спорах вокруг применения биомедицинских технологий). Не смотря на очевидный факт (и сам Ю. Хабермас очень много об этом пишет), что продуктивность таких дискуссий напрямую зависит от высокого уровня развития демократических процедур, от реального плюрализма мнений, от возможности свободного высказывания и взаимного стремления к достижению консенсуса.

---

¹ Хабермас Ю. Вера и знание [Электронный ресурс] Режим доступа : https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haberm/Ver_Znan.php (дата обращения : 07.08.2021)

² Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. – № 3. – 2011. – С. 190.

³ Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Собр. соч. : В 3 т. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 98.

⁴ Хабермас Ю. Граница между верой и знанием. К истории воздействия и актуальному значению философии религии И. Канта // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. – Москва : Весь мир, 2011. – С. 200.

Е. Н. Ищенко
**ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ***

Духовная ситуация современного мира предельно проблематизирует основания и способы ее философского осмысления. Топос философии в контексте культуры, так или иначе, подразумевает бытие в «*между-мирии*». Можно вспомнить, скажем, расселовскую метафору «ничьей земли» (*No Man's Land*) между теологией и наукой, подвергающуюся «атакам с обеих сторон»¹. Однако возникает резонный вопрос о возможных стратегиях мысли в условиях распада культурных конструкций, прежде обозначавших хотя бы и подвижные, но все-таки более или менее определенные границы. Смутные ощущения и предчувствия глобальных сдвигов, духовных кризисов и надвигающихся социальных катастроф зачастую приводят к эффекту расщепления философского дискурса. Как предельно точно замечает А. А. Грякалов, «при высокой частотности слова и множественности коннотаций современность оказывается ускользающей, хотя способна предстать словно бы совершенно ближайше-очевидной. Множественность определений порождает два противоположных стремления: полное или частичное нежелание с одной стороны – выстраивать и признавать общий образ, с другой стороны – утверждать в качестве образца более или менее устойчивые в истории мысли идеи, понятия или смыслообразы. Даже воображаемая целостность в первом случае оказывается под вопросом, во втором случае – предельно дробится»². Неутешительный диагноз подтверждается вполне определенными симптомами. Сегодня с некоторой степенью определенности можно утверждать, что рубеж XX–XXI вв. знаменовал собой переход к нескольким философским проектам. Именно в это время происходит очередное возрождение идеи *конца философии*³, формулируются основания *мета-онтологии (мета-метафизики)*⁴, возникает и набирает популярность проект *мета-модернизма*⁵, обозначаются границы *нейро-философии*⁶. Попробуем – хотя бы в самых общих чертах – обозначить контуры декларирующей себя в качестве *современной* философской мысли. С одной стороны, просматривается тенденция воз-

---

* © Ищенко Е. Н., 2021.

вращения к онтологическим (метафизическим) штудиям. Если пафос *объектно-ориентированной онтологии* заключается в возврате к временам до *лингвистического поворота*, то *мета-онтология (мета-метафизика)* в рамках аналитического дискурса сигнализирует о серьезных внутренних проблемах, не поддающихся традиционным решениям. В обоих случаях властно заявляет о себе проблема *реальности*, ускользающая из концептуального садка. С другой стороны, *мета(пост)постмодернизм* скорее указывает на завершение постмодернистского проекта, нежели предлагает собственную внятную повестку. Отталкиваясь от стремительно меняющихся реалий современного мира, не укладывающихся в постмодернистские конструкции, мета(пост)модернизм занят поисками нового языка и дискурсивных правил их описания. Если говорить о попытках философов разгадать загадку человеческого сознания сквозь призму нейронаучных исследований, то они демонстрируют понимание философской классики как своего рода предчувствия научных открытий. Неважно, кто становится *кумиром* или *Enfant terrible* – Платон или Аристотель, Спиноза или Декарт. Дело в другом. Философы в такой редакции выступают в качестве *подмастеров*, подготовивших фундамент для возведения мощной конструкции *подлинно научного знания*, предполагающего тотальную рационализацию интеллектуальных процессов. Как кажется, попытки избавиться от наследия предшественников зачастую сочетаются с нарочито осовремененными интерпретациями классического наследия. Приходится признать, что при отсутствии определений *современности* контуры *современной философии* скорее фиксируют со-существование разнонаправленных усилий в сиюминутном культурном контексте, нежели задают целостный концептуальный каркас его осмысления.

Но так ли влиятелен *внешний* контекст по отношению к развитию философского знания *per se*? Задаёт ли он в буквальном смысле слова *предельные* основания философской рефлексии? По нашему глубокому убеждению, философское *видение* предполагает специфический *хронотоп*, который не столько фиксирует, схватывает наличное, но задает, определяет дальнейшее развитие. В этом контексте философское осмысление культуры не предполагает запаздывания, скорее напротив, оно связано с предвидением и предвосхищением. Обращение к философскому наследию в его акту-

альном осуществлении является важным способом разработки понимания *современности*.

В этом смысле особое внимание привлекает опыт философского исследования, предложенный К. Ясперсом – автором принципиально важной в рассматриваемом нами контексте идеи *духовной ситуации эпохи*. В лекциях «Разум и экзистенция» (1935 г.) он пишет: «Современная философская ситуация определяется тем фактом, что значение двух философов: *Киркегора* и *Ницше*, – с которыми при жизни не считались, и которые затем еще долго оставались незаметными в истории философии, – постоянно возрастает. <...> Как в ситуации философствования, так и в ситуации действительной жизни человека Киркегор и Ницше выступают как выражение судьбы (*Ausdruck des Verhängnisses*), которая как таковая тогда еще не была никем замечена – разве что в мгновенных, вскоре опять забываемых предчувствиях, – но которая в них уже понимает себя»⁷. Другими словами, в развитии философской мысли случаются *пробросы*, важные интуиции оказываются как бы *забытыми*. Но это, разумеется, не означает, что они навсегда предаются забвению. Духовная ситуация эпохи способна актуализировать, проявлять укрывшееся от внимания современников их подлинное содержание. Принципиально открытым остается, между тем, важнейший вопрос о *предопределении*. Как кажется, именно этот вопрос сегодня является одним из подлинно философских, требующих серьезного размышления. Ясперс предлагает свой взгляд на эту проблему. «Мы впали бы в заблуждение, – пишет он, – если бы полагали, что можем вывести из *всемирно-исторического* обозрения развития человеческого духа ответ на вопрос, что должно совершиться теперь. Мы не стоим вне этой истории, как понимаемый подобным образом Бог, который мог бы, предвосхищая, усматривать ее как целое. Никакую современность не может заменить для нас мнимая мировая история, из которой бы выяснялось наше место в ней и наша задача»⁸. Такое понимание современности позволяет вырваться из герменевтического круга *традиция vs новация*, в котором оказывается заключенной философская рефлексия. Иначе говоря, оценка достижений мыслителей связывается не столько с предлагаемыми ими новыми способами осмысления бытия, но с изменениями представлений о месте философии в культуре.

Ясперс справедливо указывает, что Кьеркегора и Ницше «невозможно отнести ни к одному из прежде составленных типов (поэт, философ, пророк, святой, гений); с ними вступил в историю новый облик человеческой действительности: они – словно замещающая судьба, жертва, путь которой ведет ее из мира к *опытам, переживаемым за других* (Курсив наш – Е. И.). Они, без остатка жертвуя всем своим существом (mit dem restlosen Einsatz ihres ganzen Wesens), как современный облик мученичества (moderne Gestalt der Märtyrer), и однако, они именно отрицают, что они – мученики. Самим своим бытием исключений они исполняют свою задачу. <...> Как если бы в них говорила сама истина, возбуждающая беспокойство, которое распространяется все дальше в глубины нашего сознания бытия»⁹. Остановимся на этом фрагменте подробнее. Итак, Кьеркегор и Ницше, по мысли Ясперса, не просто высказали идеи, опередившие свое время. Они воплощают в себе новый образ самой философии, ее, если угодно, культурно-историческую миссию. При этом *опыты, переживаемые за других*, вовсе не избавляют последних от страданий, но открывают для них возможности переосмыслений и поступка. Но если есть жертвы, то во имя чего они принесены? И не были ли они напрасными, если мы признаем неотменяемую поступь истории? Всегда ли слепота и глухота являются спутниками тех, кому довелось быть современниками гениев? Когда Ясперс работает над этими лекциями, предчувствие надвигающихся катастроф ощущается едва ли не физически, оно буквально разлито в воздухе. Осознание неизбежности, неотвратимости культурно-исторической *судьбы* меняет *режим видения*, побуждая к напряженным поискам в прошлом непонятого, непрочитанного, неосмысленного.

Иррационализм как философское направление XIX в. содержательно не был *современен* своему веку. Более того, иррационализм обозначил дискурсивное пространство, не вполне освоенное и в современном контексте. Фактически весь XX век проходит под знаком тех прозрений, которые воплотились в фигурах Кьеркегора и Ницше. Непроработанность травмы, нанесенной человечеству XX веком, вновь и вновь приводит к Вечному Возвращению исходных тематизаций. Если обратиться к сегодняшней ситуации, то мы обнаружим удивительный парадокс. Кьеркегор и Ницше являются достоянием современной культуры ровно потому, что разум, обра-

тившийся безумием (вспомним формулу Кьеркегора *помешательство на почве объективности*), прагматизм, оборачивающийся собственной противоположностью, отчетливо манифестируют себя в актуальной современности. Неслучайно проблемы *постгуманизма, переоценки ценностей, воли к власти*, соотношения *веры и разума* путешествуют поверх границ, разделяющих традиции философствования. Пользуясь языком Ясперса, можно сказать, что фигуры мучеников постоянно проступают сквозь ткань современной философии. Будучи считанными по большей части буквалистски, идеи *последнего человека, постистории, абсурда человеческого существования* не просто не отменяют, но напротив, сегодня откровенно взывают к поискам глубинных прочтений. И если это так, то современная философия может двигаться по пути развития собственной традиции, оставаясь предельно актуальной.

Модели развития истории философской мысли, разумеется, предполагают разные подходы. С одной стороны, существует гегелевский подход, согласно которому философия есть квинтэссенция культуры. Внутренняя логика развития мысли задана, она не предполагает спонтанности. Проходя все ступени познания, философия неизбежно исчерпывается, исполнив свою миссию. Стоит заметить, что сегодня идея *конца философии* лишь отчасти наследует гегелевской интерпретации. Утрата собственной предметности представляется, пожалуй, главным вызовом или, если угодно, угрозой ее дальнейшему осуществлению в пространстве современной культуры. С другой стороны, философия может рассматриваться как концептуализация актуальной культурно-исторической ситуации. Такая позиция основывается на потребности в целостном объяснении мира, представляющем особую ценность в эпоху *пост-правды (post-truth)*. Как нам представляется, подход Ясперса позволяет избежать крайностей подобных позиций, выработать новый *режим видения* современности.

Позволим себе подвести некоторый итог. Разнонаправленные поиски самоидентификации современной философии отражают духовную ситуацию эпохи. В лекциях Ясперса присутствует замечательный образ *прибоя возможностей*, который может сбить с ног философа, но в то же время испытывает его готовность подняться и встать во весь рост. В шуме времени одинокий голос философа востребован как выражающий исконную человеческую по-

требность понимания мира посредством со-бытия. Современность, как никогда прежде, нуждается в том, чтобы философия внятно сформулировала стоящие перед ней задачи. Философские интуиции прошлого на этом пути становятся *местом силы*. Переосмысление собственной истории, трансформаций образа философа является значимым не только для самой философии, оно вносит важный вклад в современную культуру.

---

¹ Рассел Б. История западной философии. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – С. 6.

² Грякалов А. А. Топос и субъективность. Свидетельства утверждения. – СПб. : Наука, 2019. – С. 20.

³ Fairlamb H. L. Critical Conditions : Postmodernity and the Question of Foundations. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994 ; Cahoon L. E. The Ends of Philosophy. – New York : State University of New York Press, 1995 ; Doomen J. Philosophy's End // Kritike. – 2011. – Vol. 5. – No. 2. – P. 1–9.

⁴ См. : Metametaphysics. Essays on the Foundations of Ontology. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 544 p. ; Berto F., Plebani M. Ontology and Metaontology : A Contemporary Guide. – London : Bloomsbury, 2005 ; Inwagen P. van Meta-Ontology // Erkenntnis. – 1998. – Vol. 48. – No. 2/3. – P. 233–250.

⁵ См. : Metamodernism : Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism. – London ; New York : Rowman & Littlefield, 2017 ; Corsa A. Grand narratives, Metamodernism, and Global Ethics // Cosmos and History : The Journal of Natural and Social Philosophy. – 2018. – Vol. 14. – No. 3. – P. 241–272 ; Piro J. S. Integral education within metamodernism // Educational Philosophy and Theory. – 2018. – Vol. 50. – No. 14. – P. 1455–1456.

⁶ Globus G. G. The Transparent Becoming of World : A crossing between process philosophy and quantum neurophilosophy. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009 ; Churchland P. Neurophilosophy : Towards a Unified Understanding of the Mind-Brain. – Cambridge (MA) : MIT Press, 1986 ; Block N. Neurophilosophy or Philoneuroscience // Science. – Vol. 301. – P. 1328–1329 ; Чечкин А. В., Алексеев А. Ю., Петрунин Ю. Ю., Савельев А. В., Янковская Е. А. Нейрофилософия, впервые в России // Нейрокомпьютеры : разработка и применение. – 2014. – № 10. – С. 58–69.

⁷ Ясперс К. Разум и экзистенция. – Москва : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2013. – С. 11–12.

⁸ Там же. – С. 38.

⁹ Там же. – С. 29.

В. Ю. Коровин
МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ ПРОГРАММАХ *

На рубеже XX–XXI вв. традиционные функции музея претерпели значительную трансформацию. В условиях быстрой смены приоритетов современного общества, музеи вынуждены активизировать свою работу в сфере музейного образования и воспитания. В этой связи актуальными становятся стратегии, которые основываются на понятии «пробуждение». Они нацелены на то, чтобы вызвать у посетителей любознательность, привести их к задаванию вопросов и развить в них способность думать. Здесь акцент переносится с выработки условных рефлексов и внушений (модель середины XX века) на развитие посетителя, которое предполагает изменение и трансформацию. При этом важно, чтобы музейно-педагогические технологии затрагивали не только разум, но и сердце (эмоциональную сферу).

В литературных музеях выбор «инструментов» музейной педагогики логично связать с самой спецификой экспозиции. Русской усадьбе здесь принадлежит особое место. В Воронежской области усадьба Веневитиновых одно из немногих сохранившихся до настоящего времени «дворянских гнезд». Сегодня восстановлен экстерьер бывшего господского дома, интерьеры наполнены типологической мебелью XIX столетия и при этом в некоторых залах используются современные технологии подачи материалов. Усадьба репрезентирует не только архитектурные черты особого стиля, но характеризует самобытность русской дворянской культуры. Еще Ю. М. Лотман подчеркивал, что это – отдельный, особый мир, в котором господствовали свои традиции, законы и правила. «Создатели и владельцы усадеб были сами частью этого мира, а мы, их глазами, пытаемся рассмотреть, понять и оценить его через их восприятие»¹.

На этом принципе в современном музее-усадьбе Д. В. Веневитинова, фактически, и построены многие культурно-досуговые программы. Разумеется, актуализация знаний посредством участия в них возможна для людей всех возрастов. Но сегодня нам бы хотелось остановиться на музейно-педагогических тех-

---

* © Коровин В. Ю., 2021.

нологиях с элементами, так называемой, внемузейной деятельности, рассчитанных на детскую и подростковую аудиторию. Выделим основные направления:

1) Экскурсионное, когда музей предоставляет школе «непосредственное учение». Скажем, тематическая экскурсия «Образование дворянских детей» помогает предметно познакомиться с малоизвестными местами в произведениях русских классиков. Здесь используются вопросно/ответный метод, приемы игры, театрализации и продуктивной деятельности (мастер-классы «Язык веера, «Письмо металлическим пером»). Ежегодно проводятся дидактические выставки «одной книги» (из фондовой коллекции), посвященные книге-юбилею из школьной программы. Рассказ научного сотрудника сопровождается обучающими играми, квестами. Вспомогательные программы к периодическим (временным) выставкам способствуют получению учащимися опыта, отличного от аудиторной обстановки. В этом году в рамках выставки «У истоков русской фантастической прозы» была презентована программа «Были и небылицы». Мероприятие проходит в форме учебной демонстрации, где актеры – сотрудники музея. Театрализованная программа воспроизводит атмосферу кабинета ученого Михаила Веневитинова, увлекавшегося в XIX веке сбором народных преданий. В сопровождении народных песен, звучат отрывки из «таинственной прозы» русских писателей, а также «страшные истории», записанные в окрестностях Воронежа, Курской и Орловской губерниях (научно-архивный материал).

2) Культурно-просветительское, когда дети приходят со своим учителем, а музей предоставляет ресурсы. Урок в музее-усадьбе по произведениям литературных классиков – частое явление в музейных программах.

3) Совместные (детско-взрослые) программы, когда музейный педагог выступает отчасти, либо как организатор, либо консультант. Наглядный пример совмещения педагогических технологий с тематикой экспозиции – «теневой театр», который являлся популярным домашним развлечением в дворянских семьях XIX века. Уже в то время педагоги пришли к тому, что через театральную игру дети учатся расслабляться, управлять своим телом, бороться с застенчивостью. Сегодня в музее-усадьбе регулярно проводится программа «Театр теней», которая несет в себе не только развлекательные черты. Она состоит из двух частей – исторической

и творческой. Первая часть знакомит ребят с понятием театра в целом, с историей развития мирового и отечественного театрального искусства и раскрывает его разножанровость. Вторая часть программы включает в себя показ мини-спектакля, поставленного по мотивам сказки Д. В. Веневитинова «13 августа», где кукловодами выступают научные сотрудники музея. Завершается представление практическим занятием с детьми по обучению основным принципам работы теневого театра и изготовлению подобного театра в домашних условиях.

Другой популярной забавой в провинциальных усадьбах была игра, известная под названием «живых картин». В XIX веке она представляла собой костюмированную инсценировку, а поскольку сцены были немыми, то это давало возможность продемонстрировать участникам во всем блеске свою грацию. Зачастую все делалось на скорую руку, а потому зрители строго не относились к недостатку костюмов, освещения, отсутствию рамы, занавеса и т. д. В такого рода театральных пантомимах, поставленных незаурядным итальянским художником и певцом Сальватором Тончи, участвовали юные братья Веневитиновы – Алексей и Дмитрий Владимировичи. Вот как описывает в своем письме В. Л. Пушкин один из таких спектаклей, состоявшийся в 1819 г.: «Соседки мои Пушкины дали прошедшего 1 мая прекраснейший вечер. У них были картины так называемые движущие, и всем этим управлял Тончи. Первая картина изображала Корнелию, мать Граков, указывающую жене Кампанейской на детей своих. Кн. Волконская с детьми своими была Корнелия, а сестра двоюродная ее мужа, кн. Волконская – Кампанейская – жена. Во второй картине гр. Варвара Алексеевна (Оленина) представляла святую Сецилию, играющую на арфе и окруженную поющими ангелами (сыновьями Веневитиновой)»².

Сегодня в музее-усадьбе ролевая игра (импровизация) инкорпорируется в сценарий музейного праздника. Как и в прежние эпохи, для нас важно, чтобы сюжет «картин» был поставлен по случаю какого-нибудь семейного праздника и соответствовал торжеству. При этом соблюдается главный принцип построения театрализованных форм в музейном пространстве – когда участники музейного «действия» одновременно становятся и его актерами, и зрителями. Приведем для наглядности два примера. Ежегодно в

начале июля в парковой зоне музея-усадьбы Д. В. Веневитинова проходит массовый праздник, посвященный Дню семьи, любви и верности. В один из блоков сценария было решено внести элементы свадебного ритуала, при этом театрализация оказалась связана с тематической направленностью основной экспозиции. Художественной основой первого перфоманса (2018 год) послужило эссе М. А. Чернышева, саратовского поэта, публициста, критика, автора научной биографии Д. В. Веневитинова. В одной из неопубликованных рукописей он в беллетристической манере описывается последний приезд поэта в родовое имение Новоживотинное летом 1824 года. Мастерски соединив документальность с художественной фантазией, автор рисует сцену посещения поэтом-дворянином сельской свадьбы в доме крестьянина. Но при этом используются общие сведения о свадебных обычаях. Видимо, ему оказался недоступен дореволюционный источник – статья с этнографическим описанием села Новоживотинное 1871 года. Решено было совместить два этих текста в формате «живых картин» и показать сцену приезда свадебного поезда в дом невесты. Действующие лица из числа зрителей предварительно получили элементы костюма, соответствующие их статусу; из реквизита также используются: стол со скатертью, каравай на рушнике, 2 скамьи, дорожка, подарок невесте в красивом мешке. Ведущие заранее рассказали актерам принятые в прошлом правила игры (напр., «стоять спокойно и серьезно, а при смене театральной позы не шалить и не смеяться»).

На следующий год в новый сценарий был включен другой исторический факт. Театрализованная импровизация свадебного обряда была подготовлена по записям выдающегося ученого своего времени, историка М. А. Веневитинова. Среди его научных работ есть небольшой очерк, который называется «Старинное изображение обряда смотрин в городе Торопце». Описание обряда излагается Михаилом Алексеевичем на основе сюжета картины XVIII столетия, приобретенной им у воронежского жителя Лебедева. Изображение имеет определенную этнографическую ценность, как памятник утраченного быта и народной культуры; оригинал ее хранится в Русском историческом музее. На празднике в музее-усадьбе посетители получили возможность «оживить» данное изображение и представить себе в виде живых картин этапы обряда смотрин невесты.

4) Специальные проекты (с применением форм нестандартного представления образовательного материала), когда музей ведет диалог с определенной аудиторией (семейной). С начала 2021 года музей-усадьба совместно с Центром развития творчества детей и юношества (г. Воронеж) подготовили цикл музейных занятий «Образование в пространстве культуры». Видео контент охватывает большой круг тем, связанных с дворянским бытом XIX столетия – от форм домашнего досуга до тонкостей великосветского бала. Первый выпуск посвящен «святочным обычаям», которые были распространены в среде провинциального дворянства. Занятие выстраивается как «театрализованная прогулка» по музею-усадьбе Д. В. Веневитинова с рассказом научного сотрудника о различных вариантах святочных гаданий. Сценарной основой мероприятия послужило анонимное сочинение 1855 года «Святочный подарок молодым девицам, или Выйду ли я замуж?» Второй выпуск «Скоро масленицы бойкой закипит широкий пир...» сделан по мотивам романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина».

На основании приведенных примеров можно заключить, что методологическая проработка сценариев культурно-досуговых программ позволяет одновременно популяризировать основные музейные темы и аранжировать музейные предметы без ущерба для «высокой музейной планки». Сегодня литературные музеи все активнее становятся частью неформального сектора образования. Особую ценность системе школьного, да и высшего образования музеи добавляют тем, что их экспозиция, как правило, соотносится с образовательным стандартом по истории русской литературы. Музеи-усадьбы имеют возможность расширить школьную (и вузовскую) программу, предлагая различные способы не просто обучения, а получения удовольствия от коллекций и обсуждения по поводу музейных предметов.

---

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 2001. – С. 10.

² Пушкин : Исследования и материалы. – Ленинград : Наука, 1983. – Т. 11. – С. 229.

А. А. Костюк
САМООТЧУЖДЕНИЕ В КОНЦЕПЦИЯХ
Э. ФРОММА И К. ХОРНИ *

Проблема отчуждения концептуализирована в философском дискурсе довольно давно, на генезисном уровне отчуждение последовательно рассматривается как феномен, понятие и категория. Исследование категории отчуждения представляется наиболее перспективным в контексте социальной реальности, содержащей отчуждение как необходимый элемент системы и неизбежное явление социальной жизни. Теоретическое оформление категории отчуждения позволяет сегодня исследовать ее с позиций философии как явление социальной реальности, включающее множество аспектов и проявляющееся на различных уровнях социального бытия. Современное состояние проблемы отчуждения указывает на важный аспект отчуждения в современном обществе – самоотчуждение индивида как социально-философскую проблему.

Важной вехой в истории изучения отчуждения является рубеж XIX–XX вв. – время появления новых подходов к исследованию данной категории. Наиболее значимым в контексте заявленной темы является социальный подход, реализуемый представителями Франкфуртской школы, а также неотрейдиизм и фрейдомарксизм К. Хорни и Э. Фромма. В указанных концепциях отчуждение человека представляется обусловленным как внешними, социальными факторами, так и внутренними, психологическими механизмами.

В рамках социального подхода исследуется пространство общественного бытия, закономерности его функционирования, структура социальных отношений и, соответственно, механизмы проявления отчуждения в социальном пространстве. Т. Адорно и М. Хоркхаймер, представляющие Франкфуртскую школу, начинают исследование проблемы отчуждения с анализа положения человека в мире. По их мысли, освобождаясь из мира природного, человек воспринимает окружающую его реальность как объект для господства.

Именно в результате такого отношения к реальности возникает отчуждение: «Господство оплачивается не просто отчуждением человека от порабощаемых им объектов: с овеществлением духа

---

* © Костюк А. А., 2021.

заколдованными становятся и отношения самих людей, и даже отношение единичного к себе самому. Последний сморщивается до размеров узлового пункта конвенциональных реакций и способов функционирования, объективно от него ожидаемых»¹. В данной интерпретации отчуждение рассматривается сразу на нескольких уровнях – как опредмечивание/овеществление, как трансформация коммуникации и как самоотчуждение.

Отчуждение и самоотчуждение рассматриваются в системе социальных отношений, построенных на господстве и подчинении. С появлением таких отношений возникает соответствующий тип общества, характеризуемый высоким уровнем стереотипности, объективизации и подавления индивидов. В таком обществе связи между индивидами разрываются, возникает явление атомизации, отчужденные и овеществленные отношения, указывающие на трансформацию коммуникации.

Преодоление отчуждения на всех уровнях, в частности, возвращение человеком собственной сущности в таком обществе практически невозможно: «...сама жизнь искажена, изуродована настолько, что ни один человек уже не способен самостоятельно жить правильно, не в состоянии правильно реализовать свое собственное предназначение. Мир устроен теперь так, что даже простое требование честности, порядочности неизбежно вызывает у человека чувство протеста»².

Э. Фромм придерживается несколько иного подхода в интерпретации отчуждения. Он делает акцент на господстве отчужденного продукта над создавшим его человеком: «Людьми управляют экономические кризисы, безработица, войны. Человек построил свой мир; он построил дома и заводы, производит автомашины и одежду, выращивает хлеб и плоды. Но он отчужден от продуктов своего труда, он больше не хозяин построенного им мира, наоборот, этот мир, созданный человеком, превратился в хозяина, перед которым человек склоняется, пытаясь его как-то умилостивить или по возможности перехитрить»³.

Эта внешняя сторона отчуждения, тем не менее, обуславливает внутреннее ощущение отчужденности, характеризующееся чувством изоляции и беспомощности, которое, по словам Э. Фромма, усугубляется в связи с изменившимся характером взаимоотношений между людьми. Проявляется это в манипулятивном характере общения, когда другой человек используется как средство: «Не только экономические, но и личные отношения между

людьми приобрели тот же характер отчуждения; вместо человеческих отношений они стали напоминать отношения вещей»⁴.

Важным следствием изменения процессов коммуникации, безусловно, является самоотчуждение: «...ни в чем этот дух отчуждения не проявился так сильно и разрушительно, как в отношении индивида к самому себе»⁵. Отчуждение от себя заключается, согласно Фромму, в отношении человека к своему «Я» как к рыночному товару, который необходимо продать. Ценность человека, его восприятие себя становятся отражением того, что о нем думают окружающие.

В общем виде Фромм определяет отчуждение как способ общественного бытия, при котором человек теряет связь, как с самим собой, так и с другими людьми. Находясь в некоей изоляции, будучи отчужденным и от себя, и от других людей, человек становится орудием внешних, навязанных целей. Это состояние Фромм называет негативной свободой: «такое состояние подрывает человеческую личность, ослабляет и запугивает человека, подготавливает его к подчинению новому рабству»⁶.

Позитивной свободой Фромм называет полную реализацию способностей индивида, которая дает ему возможность жить активно и спонтанно. Таким образом, спонтанная деятельность является ключом к достижению позитивной свободы: «...позитивная свобода состоит в спонтанной активности всей целостной личности человека»⁷. Под деятельностью Фромм подразумевает деятельность творческую, проявляющуюся в эмоциональной, интеллектуальной и чувственной жизни человека.

Продолжая линию осмысления личностной целостности, К. Хорни определяет отчуждение как психическое состояние личности, как неспособность чувствовать себя органическим целым: «отчуждение – это постепенное отдаление невротика от своих собственных чувств, желаний, верований и сил. Это утрата чувства, что он сам активно определяет свою жизнь. Это утрата ощущения себя единым органическим целым. В свою очередь, это указывает на отчуждение от самого живого, что есть в нас, и что я предложила называть *подлинным Я*»⁸. Подлинным *Я* Хорни называет ту часть нашей личности, которая стремится к самоосуществлению и развитию. Подлинное *Я* ведет человека к явственному ощущению своей цельности, когда подлинное *Я* сильно и активно, исчезает необходимость искусственно собирать себя воедино, характерная для состояния самоотчуждения.

Важной характеристикой самоотчуждения К. Хорни называется субъективное ощущение, сходное с деперсонализацией, характерное для невротика: «Его отношение к себе становится безличным; и таким же становится отношение к жизни в целом. Если бы слово «деперсонализация» не было специальным психиатрическим термином, оно хорошо подошло бы к тому, что по сути представляет собой отчуждение от себя: это процесс обезличивания и, следовательно, умерщвления»⁹. Следовательно, результатом самоотчуждения становится полное обезличивание человека, утрата связи между внутренним содержанием и внешним образом.

Что касается воздействия самоотчуждения на личность человека, то Хорни отмечает, что в этом состоянии чувствами невротика управляет гордость: «Осознанность, сила и род чувств определены в основном гордыней. Искренние собственные чувства заглушены или пришиблены, иногда до полного исчезновения»¹⁰. Все это приводит к тому, что отчуждение от себя делает возможным изменение личности в зависимости от той или иной ситуации – невротик с легкостью меняет роли, демонстрируя искусственную непосредственность и заинтересованность.

К. Хорни описывает этот процесс как активное отдаление от подлинного себя. Все это проявляется в стремлении переделать себя, подстроиться к определенным условиям: «Он чувствует то, что Надо чувствовать, желает то, что Надо желать, любит то, что Надо любить. Другими словами, тирания Надо неистово влечет его быть кем-то другим, а не тем, кто он есть или мог бы быть»¹¹. Возникновение такого идеализированного образа Я, воплотить который стремится невротик, искажает внутреннюю и внешнюю реальность, придавая его действиям навязчивый характер.

Другой важный результат самоотчуждения – утрата способности принимать на себя ответственность, которая заключается, в первую очередь, в простой честности перед самим собой. Такой уход от ответственности мешает человеку увидеть и преодолеть свои проблемы. Таким образом, все указанные аспекты самоотчуждения требуют работы над собой, поскольку они напрямую связаны с неврозами. Согласно теории К. Хорни, у невротиков способность направлять свою жизнь, задавать цель и план своим действиям ослабевает с возрастанием самоотчуждения: «Пустые грезы занимают место прямой деятельности; следование случаю – место

честных стремлений; цинизм служит подпоркой идеалам. Нерешительность может достигать такой степени, что тормозит любые целенаправленные действия»¹².

Теория самоотчуждения К. Хорни затрагивает важный, на наш взгляд, аспект феномена отчуждения, указывая на необходимость решения внутренних конфликтов для преодоления в дальнейшем конфликтов внешних. В интерпретации отчуждения как социального феномена возможна следующая схема: отчуждение внутреннее или самоотчуждение, преодоление которого – первоочередная задача человека, отчуждение в процессе коммуникации и отчуждение внешнее или отчуждение вещей/продуктов деятельности.

Концепции отчуждения Э. Фромма и К. Хорни дополнили теоретические построения Франкфуртской школы в изучении отчуждения как феномена социальной реальности, раскрыв психологические аспекты социального отчуждения как внутриличностного конфликта. Рассматриваемый в этих концепциях внутренний уровень отчуждения неразрывно связан с другими его проявлениями, поэтому изучение самоотчуждения является перспективным для создания целостной философской теории отчуждения.

---

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – Москва ; Санкт-Петербург : Медиум – Ювента, 1997. – С. 44.

² Адорно Т. Проблемы философии морали. – Москва : Научный мир, 2003. – С. 191.

³ Фромм Э. Бегство от свободы. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 105.

⁴ Там же. – С. 107.

⁵ Там же. – С. 107.

⁶ Там же. – С. 224.

⁷ Там же. – С. 215.

⁸ Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. – Санкт-Петербург : Восточно-Европейский ин-т психоанализа и БСК, 1997. – Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/hornk03/index.htm> (дата обращения : 08.08.2021).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

А. С. Кравец
ВЕБЕРОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ДУХА КАПИТАЛИЗМА» *

Работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», опубликованная в 1905 г., является фундаментальным социологическим исследованием возникновения и развития капитализма. Выход этой работы в свет вызвал широкие дискуссии в социологии, и она до сих пор обсуждается в науке. Фокусом критических возражений против концепции М. Вебера стал вопрос о роли религиозного этоса, возникшего в постреформационный период в европейских странах, в том числе и в Америке. Для современного читателя сама мысль о том, что идейной пружиной становления нового капитализма была этика (более того, религиозная этика) является нонсенсом. Например, В. И. Ленин подчеркивал, что заслуга экономической теории Маркса заключалась в том, что в ней не было ни грана этики, а существовал лишь строгий анализ формационных законов экономического развития общества. В указанной концепции М. Вебера, безусловно, присутствует оппозиция марксистским взглядам.

Вебер признает, что капитализм существовал задолго до возникновения новоевропейской формы его проявления. Он существовал не только в Европе, но и в Китае, Индии, Вавилоне, во всех этих регионах существовали формы продажи производимых товаров, финансовые организации, решающие вопросы о займах, банки, ростовщичество, авантюризм, безудержное накопительство, сопровождаемое часто насилием, отбором земельной и другой собственности. В этом капитализме витал «дух наживы», сулящий блага жизни. Такой капитализм всегда осуждался обществом с позиции морали.

Возникающий новоевропейский капитализм также обвинялся в стремлении к «наживе» как морально недостойный образ жизни. По мнению Вебера эта «нажива» предполагала приобретательство (термин Вебера) в промышленном производстве, привлечение новых ресурсов (в том числе и финансовых) для развития предприятий. Вебер формулирует закон, согласно которому полученный в результате продажи капитал должен превышать капитал, затраченный на производство товаров. Кстати, следует отметить, что когда Вебер обращается к

---

* © Кравец А. С., 2021.

проблеме отличия нового капитализма от старых его форм, он употребляет термин «докапиталистическая» форма хозяйства.

«"Безудержная" алчность в делах "наживы", – пишет Вебер, – ни в коей мере не тождественная капитализму и еще менее его "духу". Капитализм может быть идентичным *обузданияю* этого иррационального стремления, во всяком случае, его рациональному регламентированию. Капитализм, безусловно, тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно *возрождающейся* прибыли, к *рентабельности*. И таковым он должен быть. Ибо в рамках капиталистической системы хозяйства предприятие, не ориентированное на рентабельность, неминуемо обречено на гибель»¹.

Основой рациональности как в докапиталистическом, так и в новом капиталистическом предприятии является расчет и калькуляция всех доходов и расходов в денежном выражении. Рациональность нового типа выходит за пределы бухгалтерского учета. «К безусловно важным компонентам следует отнести рациональную структуру *права* и управления, – пишет Вебер, – ибо современный рациональный промышленный капитализм <...> нуждается в рационально разработанном праве и управлении на основе твердых формальных правил, без которых может обойтись авантюристический, спекулятивно-торговый капитализм всевозможных видов, но не рациональное частнохозяйственное предприятие с его основным капиталом и точной *калькуляцией*. Подобное право и подобное управление в *требуемой* юридической и формальной законченности представил хозяйственной сфере *лишь* Запад»².

Только на Западе формируется особый класс предпринимателей, называемый буржуазией, только на Западе возникает наемный труд, или, как его называет Вебер, свободный труд. Однако помимо рациональных норм экономической деятельности, возникших на Западе, существенным фактором, как считает Вебер, являются этические (иногда Вебер называет их «психологическими») условия предрасположенности к предпринимательской деятельности. Таковую предрасположенность, по мнению Вебера, обусловил протестантский этос (или мораль). Протестантская аскеза помогла отказаться от осуждающих моральных ярлыков капитализма и добиться если не признания его особой важности и ценности, то хотя бы уравнивать предпринимательство с другими видами хозяйст

ния. Все виды труда одинаково полезны, согласно протестантской этике, ибо они запланированы Богом.

В некотором плане адекватную характеристику рациональных интенций нового западного капитализма дал известный американский политический деятель Бенджамин Франклин (1706–1740 гг.), которого цитирует Вебер. Вот выдержки из работы Франклина³: «Помни, что *время – деньги*», «Помни, что кредит – деньги», «Помни, что деньги *по природе своей плодородны и способны породить новые деньги*». «Никогда не задерживай взятых тобой займы денег ни на один час сверх установленного срока, чтобы гнев твоего друга навсегда не закрыл его кошелек»⁴. Эти наказания для молодого человека выражают мудрость предпринимательской деятельности, своеобразную «философию скупости»: «Идеал ее – *кредитоспособный* добропорядочный человек, *долг* которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель»⁵. Все императивы выражают не только общие правила экономической деятельности, но и ее этос. Этот этос имеет, по мысли Вебера, глубокие корни в протестантской религиозной аскезе. Правда, Вебер отмечает, что процитированные образцы житейской «мудрости» были бы строго осуждены в реформационный период истории как католиками, так и протестантами. Тот «дух» (т. е. мировоззрение) капитализма, о котором говорит Б. Франклин, – это то следствие наставительной этики, которое постепенно смог выработать современный капитализм, резко отличающийся от старого авантюрного капитализма.

Для того, чтобы понять эту идейную метаморфозу, необходимо пояснить, чем различаются католическая и протестантская религиозные парадигмы. Проблема, в решении которой принципиально расходились католики и протестанты, называется проблемой *спасения*. Решение этой проблемы связано с понятием *греха*, как первородного, так и приобретенного в жизни.

Согласно католицизму эти грехи, приобретенные людьми, бог может как простить, так и наказать вечным адом. Мирянин должен был постоянно готовиться к этому божественному суду, и, по существу, отрешиться от любых радостей мирской жизни, ревностно соблюдать церковные нормы. Мирская жизнь считалась временной и ограниченной так называемой «монашеской аскезой».

Вечный рай возможен только вне реального мира. Поэтому строго осуждалось чрезмерное усердие мирянина в благоустройстве своей личностной жизни. Безусловно осуждалась роскошь, богатство, алчность и особенно стремление к *наживе*. Поэтому в разряд осуждаемой деятельности попадало и предпринимательство, отмеченное ярлыком «наживы». Правда, католики считали, что любые грехи можно «замолить» богоугодными делами. Вебер отмечает, что некоторые христиане даже вели своеобразные дневники, где отмечали как свои грехи, так и благие (с их точки зрения) дела. Так возникла своеобразная бухгалтерия подсчета «греховного» и «благостного». Мирянин мог получить на исповеди прощение своего греха, покайсясь католическому священнику. Существовало и «отпущение» грехов священником на похоронах христианина. Особенно возмущала лидеров протестантизма продажа индульгенций.

Протестантство резко меняет религиозную парадигму католиков. Бог, с их точки зрения, не только является создателем мира и самого человека. Он живет также в человеческих делах, ибо они предопределены им. Своими успешными делами человек должен прославлять Бога. Лютер осуждал католическую притчу о греховности человека, считая, что она скорее отпугивает людей от христианства, чем способствует их христианизации. Он также отрицал католический ритуал исповеди и отпевания, считая, что своими действиями католические священники посягают на волю Бога.

В религиозной концепции Лютера не затрагивается вопрос об этосе предпринимательской деятельности. Но Лютер считает, что мирская деятельность, которой католицизм противопоставлял монашескую аскезу, не только не отдаляет человека от Бога, а, наоборот, приближает. Мирская деятельность направлена на выполнение нравственной задачи, поставленной Богом. Мирские обязанности становятся для человека его *призванием*. «С точки зрения Лютера, монашеский образ жизни не только бессмыслен для оправдания перед Богом, – пишет Вебер, – но и являет собой лишь порождение эгоизма и холодного равнодушия пренебрегающего мирскими обязанностями человека. Мирская же деятельность, напротив, характеризуется им как проявление христианской любви к ближнему...»⁶.

В идеях Лютера нет ни осуждения, ни нравственного одобрения предпринимательской деятельности. Однако само признание мирского труда как выполнения задачи, поставленной перед людьми

ми Богом, имплицитно предполагало легитимность (правомерность) предпринимательской (т. е. капиталистической) деятельности. Протестант-предприниматель уже избавляется от страха, что его осудят или лишат возможности трудиться.

Вторая идея Лютера касалась переоценки труда, его трактовки как профессии (*Beruf*). Всякое дело должно быть выполнено хорошо, с профессиональностью, соответствующей заветам Бога, а не халтурно, на «авось». Профессиональность и упорство в выполнении мирской задачи человеком труда выявляет его «избранничество» Богом. И эта трактовка профессии как «избранничества» открывает нравственные двери перед предпринимательским трудом.

Однако в целом концепция Лютера, по замечанию Вебера, носила компромиссный характер. С одной стороны, он отрицал католическую аскезу монашества, с другой стороны, признавал идею «покорности», соответствующую традиционалистской догме: «Каждый человек должен *оставаться* в том призвании и состоянии, которые даны ему Богом, и осуществлять свои земные помыслы в рамках этого данного ему положения в обществе»⁷. Как отмечает Вебер, «не может быть и речи ни о каком внутреннем родстве лютеровских взглядов с «капиталистическим духом»⁸.

Более строгой концепцией «избранничества» и «профессионального долга» была идея «спасения», выдвинутая Кальвином. Кальвин отрицал любую возможность католической церкви изменить судьбу человека в мире, простить ему грехи. «Избранные» к спасению уже с самого начала мира, с точки зрения Кальвина, определены Богом, так же, как и осужденные на вечные муки. И это Божье решение нельзя изменить никаким мирским образом. Кальвин исключает возможность спасения какими-либо делами, заслугами, глубокой верой или благими устремлениями мирянина. Не Бог существует, по Кальвину, для человека, а люди для Бога.

Анализируя предлагаемые варианты возможного спасения в протестантских сектах, Вебер отмечает две установки. В одном случае, отмечает Вебер, «верующему вменяется в прямую обязанность считать себя "избранником" Божьим и прогонять сомнения как дьявольские искушения»⁹. Второй способ состоит в том, что в качестве наилучшего средства для обретения уверенности в спасении рассматривается неутомимая деятельность в *рамках своей*

профессии. Она и только она прогоняет сомнения религиозного характера и дает уверенность в своем избранничестве¹⁰.

Религиозный человек, согласно Веберу, может удостовериться в своем избранничестве, ощущая себя *либо* сосудом божественной власти, *либо* ее орудием. В первом случае его религиозная жизнь тяготеет к мистически-эмоциональной культуре, во втором – к аскетической *деятельности*. Первому близок Лютер, ко второму принадлежит кальвинизм¹¹.

Возникает вопрос: каким же образом протестантство повлияло на становление «духа капитализма», который довольно живописно сформулировал Б. Франклин? Ведь протестантов интересовала не сама предпринимательская деятельность, тем более ее экономические основы.. Протестантство, особенно кальвинистического толка, сформулировало новую религиозную этику, которая была более жесткой, чем традиционная (католическая). Вебер называет протестантскую аскезу тиранией. И тем не менее протестантская этика открыла шлюз, который отделял мирянина от мира. Она обожествила мир, который считался в католицизме временным, грешным и недостойным занятий мирянина. Новая этика выдвинула новую идею спасения, она ввела идею «избранничества» Богом в профессиональном труде мирянина. Постоянный труд, а не монашеское заключение, становится знаком божественной милости. Труд спасает от суеверий, безволия, пустого времяпрепровождения, оргий и т. п. Только постоянным трудом человек пробивает дорогу к спасению. Такой труд должен быть профессиональным, полезным для людей. Он должен основываться на знаниях ремесла. Отсюда возникает интерес протестантских детей к получению ремесленного образования. Труд должен быть рациональным, интенсивным, расчетливым – отсюда и возникают правила бизнеса, озвученные Б. Франклином. Предпринимательская деятельность уже не осуждалась, а клише «наживы», богатства, накопительства и т. п. уже не страшило предпринимателей, ибо все указанное становилось необходимым материальным ресурсом развития капитализма. А «духом» такого капитализма являлся профессиональный этос: достоинство, честность, рациональность, профессиональная грамотность.

Современный капитализм существенно изменился принципиально. Он уже не нуждается в какой-либо религиозной поддержке. Он становится удовлетворяющим международным стандартам

делопроизводства. Это подтверждает и Вебер: «В настоящее время дух аскезы – кто знает – навсегда ли? – ушел из этой мирской оболочки. Во всяком случае, победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как он покоится на механической основе. Уходят в прошлое и розовые мечты эпохи Просвещения, этой смеющейся наследницы аскезы. И лишь представление о "профессиональном долге" бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей»¹².

---

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 48.

² Указ. соч. – С. 54.

³ Franklin B. Works, Ed. Sparks. – Vol. 2. – P. 87.

⁴ Вебер М. Указ. соч. – С. 73.

⁵ Там же. – С. 73.

⁶ Там же. – С. 97– 98.

⁷ Там же. – С. 101.

⁸ Там же. – С. 98.

⁹ Там же. – С. 148.

¹⁰ Там же. – С. 149.

¹¹ Там же. – С. 150.

¹² Там же. – С. 206.

М. Ф. Литвинов
СХОЛАСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
НАТУРФИЛОСОФИИ АНАКСАГОРА *

Атмосфера эстетически воссоздаваемой онтологии заключена в самих истоках натурфилософского видения, видения Анаксагора. Она учреждает себя в складках деформированного логоса, бесхитростным образом сопряженного с первородным естеством, с одной стороны, и искусно производимого поэтическим гением языка, – с другой. Она окутана неким подобием мрака, его приблизительным аналогом – таинственным в своей ординарности туманом фрагментарности, посредством которого привычные нам сегодня естественность и искусственность еще силятся поддерживать

---

* © Литвинов М. Ф., 2021.

всем знакомую контроверзу, одновременно и убаюкивающую, и намечающую очертания пропасти, однако, отсрочивая всегда только будущую гибель. Но является ли эта контроверза существенной для Анаксагора?

Анаксагоровы Нус и Хаос – главные действующие лица его натурфилософского проекта – находятся как бы в подвешенном состоянии морального нейтралитета, образуя невозможное единство хаоснуса. Они инициируют мировой процесс. У Анаксагора «это движение имеет характер концентрически прогрессирующих круговращений: оно началось в какой-нибудь точке хаотического смешения в форме небольшого вращения; постепенно это круговое движение все расширяется и, наконец, охватывает все бытие, повсюду побуждая равное сближаться с равным»¹. Как бы не хотелось мыслить это движение телеологически, к чему подталкивает стремление представить Нус как трансцендентальное чистое начало, такому круговращательному движению не может быть намечено никакого предела. Ибо само извлечение равного из неравного не может не прирастать дополнительным хаосом, вновь и вновь заявляющим о себе через дробление неравного и усвоение равного. Анаксагоров Мировой Ум играет и за себя, и за предполагаемый Хаос, беря на себя функции эмпедокловых Любви и Вражды: он соединяет разнородное, отталкивая однородное (функция сложения), для вычленения и сочленения однородного, путем разделения того сущего, что подвергается истреблению (функция разложения). К слову, здесь изначально задана возможность апологетизации смерти как «относительной негативности», отражающей чистоту идеалистического философствования об Уме-в-природе. Более того, Нус, механически определяющий противостоящую ему материю к круговому движению, сам не может не оказаться вовлеченным в инициируемый собою же, прерывающий его целостность вихревой поток. И направляя все смешанное сущее к спасительному апокатастасису, он сталкивается со своей собственной, как бы отъятой сущностью. Оставаясь свободным от смешения с каким-либо другим веществом, он сталкивается с необходимостью прилаживаться к умноженному самому себе. Здесь мы имеем дело с тем, что у Бозция фигурирует под именем *интеллектибельного*. При различении интеллектибельного и интеллигибельного (выраженном на латыни как *intellectibilia/intelligibilia*), подразумевается, во-первых, то, что может быть только помыслено в

качестве самого божества и/или примыкающих к нему самоотждественных и невоплощенных/развоплощенных сущностей, причем помыслено активным разумом, отвлекающимся от всякого рода рассмотрения божественного по аналогии. – Во-вторых, то, что может быть помыслено, исходя из своей данности, пассивно схватывающим умом.

Дело в том, что всякое интеллектибельное бытие немислимо вне представленности интеллигибельным бытием-для-себя, которое, как это показывает Гегель, идеалистически едино во многом и через многое. Утверждая великое возвращение к порядку (как если бы он когда-либо существовал), Нус вбирает в орбиту своего влияния поначалу самое легкое вещество, без труда поддающееся встряхиванию и перекомпоновке, постепенно вовлекая в круговое движение все остальное. Можно с легкостью, обладающей достоинством общедоступности, представить, как в процессе расширения зоны своего действия умножающая себя интеллигенция оказывается поймана тем, что привычно именуется пассивной природной стихией, вне всякого намеренного противодействия и желания к тому вносящей коррективы в начавшийся вдруг процесс упорядочивания, оспаривающей завоевание Разума.

Здесь ничто не мешает продолжать мыслить идеалистическую чистоту принципа разумного устройства всего сущего, представляя Природный Ум под видом особенно тонкого вещества, местами окаймленного грубым веществом, как ничто не мешает мыслить гегелевскую идею хранящей свою чистоту под спудом материального. Именно утверждение этой чистоты наитончайшего вещества оборачивается, следуя необходимости движения чистого логосного начала обернуться вокруг себя и, добавим, совпасть с собой, со своей растянутой и продырявленной темной основой, *Ungrund*, с которой оно неумолимо, в силу своей приводящей все в вихреобразное движение природы, должно разойтись в самый момент установления своего царствования.

Становление мыслимо через умножение расслаивающегося Нуса, предстающего в натурфилософской риторике Анаксагора как божественный принцип лишь в игре своих отблесков на собственном теле, игре, оскверняющей чистоту и незапятнанность исходного принципа. Его двуличность хорошо знакома последующей философской рефлексии. Так, она может различать *natura naturans* и *natura*

naturata, божественную и не-божественную природы одной и той же реальности. Но зачастую это различие лишь намекает на качественное своеобразие различающихся реальностей, ибо в пару устрояющему божественному Уму, в качестве противостоящего ему природного вещества, оно подставляет лишь мыслимую природу, уводящую в сторону от того, в чем интеллигибельное отпечатано, от того, чем интеллигибельное схвачено – от *natura non creans non creata*.

Этот фейербаховский аргумент против спекулятивной философии Гегеля является важной метой, помогающей обнаружить в натурфилософии Анаксагора возможность отойти от стихийной поэтичности натурфилософии, от присущей ей темы столкновения полярностей (Ума и Хаоса, например), и перейти к брутальной, диалектически неозначиваемой темной «материи» всего во всем. Нетворящее несотворенное бытие, очевидное для гения Анаксагора, улетучивается в последующей игре перехода, рефлексии и развития, являя данным жестом ускользания (ἀ)эстетическое как таковое, вычеркивающее себя даже тогда, когда оно подлежит тщательнейшей философской описи. В анаксагоровой мысли *natura non creans non creata* (предполагаемая здесь реальность требует именно такого порядка слов, хотя она и контрастирует с реальностью Благого Бога) еще не выхолощена артикулированной и логически выверенной мыслью, поскольку Ум для нее вещественен, он пленен этим, хоть в своей вещественности и не сводим к веществу любого другого смешанного бытия. Этим исключена возможность претворения ноуменального в Абсолют, возможность достижения идеей финальной фазы самопознания, возможность слияния идеи с собственным содержанием. Только игнорирование *natura non creans non creata* позволяет чистому разуму состояться и совпасть с собой, привнося во все мироздание Благовость. Вне этого игнорирования Нус и Хаос перестают представляться исходными началами, обнаруживая для мысли то самое онтологическое все, что объято аэром и туманом.

Дело в том, что исходную стихию натурфилософского разыскания Анаксагора трудно редуцировать к тому или иному веществу. Нус Анаксагора застревает в середине мира. Его положение двусмысленно, ибо Ум – особого рода вещество. Вещественный Нус, якобы противопоставленный хаотическому смешению остальных веществ – не есть ли это способ указать на вещественность вещества, над которым Нус может главенствовать, вечно оставаясь

им плененным, в нем расположенным? Фрагментарный текст, переводя внимание читателя к центральной фигуре, коей является Ум, в то же время продолжает сгущаться вокруг онтологического всеобъемлющего фона, не являющегося ни естественным, ни искусственным. «...все обнимали ээр (туман) и эфир, оба бесконечные»². Здесь важно «все», значение которого лишь усиливается бесконечными и обнимающими его взаимопроникающими началами. Поэтому прямая последовательность операций – «...из облаков выделяется вода, из воды – земля, а из земли под действием холода сплываются камни, впрочем камни скорее выходят [= образуются] из воды»³ – второстепенна и может быть подвешена с целью подчеркнуть действительное присутствие всего во всем, а Ума в природе. Такое положение подвешенности задано атмосферой эстетически воссоздаваемой онтологии, единственно вводящей, таким образом, в саму стихию становления, без привязки к конкретной или абстрактной вещественности натурального или естественного.

Недиалектическое (а значит более подходящее описанию действительности) столкновение трансцендентального принципа с непознаваемой средствами метафизической натурфилософии сферой, невозможность связать эти две области знания категорией духа, иллюстрируют анаксагорово представление о несостоятельности идеи полного разделения веществ в разнородных телах таким образом, чтобы произошло мессианское возвращение к дохаотической однородности отдельных начал⁴. В этом отношении можно сказать, что более действенной натурфилософией предстает схоластика.

Именно схоластика ставит вопрос о природах, описывая противостояние одной и той же реальности, одна из ипостасей которой подлежит разделению и усвоению, другая же – приращению, причем, *вне логики противопоставления*. Именно схоластическая мысль сталкивает мышление с абсолютным парадоксом, без возможности в последний момент отказаться от самого мышления. Этот парадокс заключается в данном апостериори переживании Слова во плоти, Логоса в теле, Ума в природе. Анаксагорова вещественность Нуса задолго до появления схоластической риторики вводит мысль в эту обитель. И как логика спасения отнюдь не подразумевает избавления от того, что таковому препятствует как телесное, так и Ум-в-природе никоим образом не направлен *снять*

свою вещественность. Ведь поскольку в своем стремлении соотнести равное с равным Нус всякий раз оказывается сам расколот, постольку настоящая проблема, которой занят Анаксагор, заключается не в придании бесконечному и безобразно смешанному определенной образности, что могло бы случиться только в том случае, если бы Нус оставался незапятнанным трансцендентальным началом, бессильным даже затронуть нагроможденное Хаосом.

Проблема для Анаксагора состоит в том, что Нус способен действовать, действуя также и от лица Хаоса, являя сквозящее в его плененности веществом нетворящее несотворенное бытие. Иначе было бы истребление в то же самое время приростом, а потребление – производством?

---

¹ См. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху Греции // Воля к власти. – Москва : Эксмо ; Харьков : Фолио, 2003. – С. 194.

² См. Фрагменты ранних греческих философов / Подготовка изд. : А. В. Лебедев. – Москва : Наука, 1989. – Ч. 1 : От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – С. 531.

³ Там же. – С. 534.

⁴ Вот что замечает по этому поводу вторящий Анаксагору Еврипид:
«Не гибнет ничто из рожденных на свет,
Но одно с другим разделяясь врозь,
Являет иное обличье» (Фрагменты ранних греческих философов... – С. 530.)

Е. Г. Серебрякова
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
СОВЕТСКИХ НОНКОНФОРМИСТОВ В «ПЕТИЦИОННОЙ
КАМПАНИИ» ПО «ДЕЛУ ЧЕТЫРЕХ»*

Петиционные кампании в защиту неконформистов, подвергнутых судебным преследованиям, составляют особую форму выражения несогласия действиями властей: по признанию Людмилы Алексеевой, подпись под документом в защиту репрессированного становилась первой пробой на готовность всерьез приобщиться к диссидентской деятельности¹. Из повседневно-будничного поведения данная

---

* © Серебрякова Е. Г., 2021.

акция переводила подписанта в сферу социально-гражданскую, наделяла статусом активного участника общественных процессов. Анализ «писем протеста» позволит оценить стереотипы массового сознания и универсальные поведенческие модели советских интеллигентов, ориентированных на демократические ценности.

Петиционные кампании 1960–70-х годов набирали размах постепенно. Кульминацией эпистолярной активности явился суд над Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой. Это был ответ властей на консолидацию неконформистского сообщества, продемонстрированную в «деле Синявского и Даниэля». Главный фигурант Александр Гинзбург был подвергнут уголовному преследованию за составление «Белой книги по делу Синявского и Даниэля», публикацию ее в «Посеве» (Франкфурт-на-Майне), Галансков за издание самиздатовского альманаха «Феникс-66», Лашкова за машинопись неподцензурных материалов, в том числе «Белой книги», Добровольский за распространение самиздата. Объединение в одном судебном процессе людей, действовавших независимо друг от друга, позволяло упрочить позицию обвинения, придав действиям арестованных статус антисоветской группировки. По ст. 70 УК РСФСР Гинзбург был приговорен к 5, Галансков – к 7, Добровольский – к 2, Лашкова – 1 году заключения (с учетом времени, проведенного под арестом, она была освобождена после вынесения приговора).

В отличие от предыдущего процесса, фигуранты которого были писателями, подсудимые не были известны в научных и творческих кругах. Их место в социальной иерархии было незначительным (на момент ареста Гинзбург и Галансков – рабочие Литературного музея, Лашкова машинистка, Добровольский перебивался случайными заработками) и, казалось бы, не позволяло им рассчитывать на ширококомасштабную поддержку художественного и интеллектуального сообщества. Однако по размаху кампания 1967–68 годов превзошла предыдущие. В сборнике Павла Литвинова «Процесс четырех» собраны преимущественно коллективные послания в адрес правительства, содержащие более 700 подписей. География их широка: Москва, Ленинград, Новосибирск, Харьков, Одесса, Прибалтика. Таким образом, «процесс четырех» показательен для оценки побудительных мотивов и логики социального поведения защитников диссидентов.

Знаковым текстом петиционной кампании стало обращение «К мировой общественности» Ларисы Богораз и Павла Литвинова. Мировоззренческая позиция, сформулированная в нем, определила не только специфику нарратива последующих посланий, но и поведенческую стратегию единомышленников арестованных.

Обращение было написано на третий день процесса, 11 января 1968 года, открыто передано авторами иностранным журналистам, толпившимся около здания суда, и уже вечером прозвучало в эфире Би-Би-Си на русском и английском языках. Ориентация на мировую общественность свидетельствовала о принципиально новом повороте коммуникации – от представителей власти к Западу и сочувствующим соотечественникам. Всякая попытка достучаться до власти называлась бесполезной, эффективным признавалось только давление на нее. Потому новым союзником провозглашалась зарубежная общественность, с мнением которой официальные органы считались. Заметим, что авторы настаивали на вынужденности подобного шага, апелляция к зарубежью для них – мера крайняя, рожденная логикой сопротивления.

Воззвание Богораз и Литвинова программировало активные действия единомышленников. Одним из них было письмо 46-ти ученых из Новосибирска, отправленное в адрес членов правительства через неделю после суда. Текст подписали сотрудники тринадцати из четырнадцати НИИ Академгородка, физико-математической школы и Новосибирского госуниверситета. Хотя научная элита (академики и члены-корреспонденты) не приняла участия в акции, состав был представительным: 6 членов партии (Игорь Алексеев, Светлана Рожнова, Людмила Борисова, Владимир Конев, Эсфирь Косицына, Григорий Яблонский) 13 кандидатов и 5 докторов наук: математики Юрий Борисов, Алексей Гладкий, Абрам Фет, биолог Раиса Берг, историк Марина Громыко.

Многие новосибирцы считали авторами письма оппозиционеров из Москвы. Для такого убеждения основанием могли послужить очевидные текстовые совпадения «письма сорока шести» и обращения «К мировой общественности» Богораз и Литвинова. Близость двух текстов свидетельствует не о подражательности новосибирцев, а о концептуальной целостности картины мира и общности способов объяснения социальных процессов, сформировав-

шихся в сознании либеральной общественности вне зависимости от региональной принадлежности.

Появление письма было результатом местной самодеятельности: авторами были сотрудники различных научно-исследовательских институтов. Инициаторы всесторонне продумывали последствия для себя и коллег, предполагали наказание, но считали необходимым выразить общественную позицию. Дальнейшие события показали справедливость опасений авторов послания.

Реакция местных властей на «письмо сорока шести» активизировалась через два месяца. 23 марта в газете «Нью-Йорк таймс» текст был опубликован, а 27 марта послание было оглашено радиостанцией «Голос Америки» с указанием всех фамилий «подписантов», а также их научного и должностного статуса. Зарубежные СМИ заявили о чуть ли не восстании ученых в Академгородке. Местные власти не имели права отмолчаться.

Однако приходилось учитывать специфику аудитории. Восстановить против себя научную общественность всего Академгородка и Новосибирска означало спровоцировать новый всплеск протестной активности. Прагматические соображения диктовали характер воздействия на ученых: осудить, но не переусердствовать, приструнить фронду, но не возвращать потенциальных врагов. В каждом конкретном случае избирались меры, соответствующие масштабу причиненного урона, определявшегося как прямо пропорциональный зарубежной огласке. В итоге из 46 новосибирцев пострадала примерно треть.

Поведение «подписантов» в процессе «проработочных» мероприятий определялось решением прагматической и этической задач: надо было минимизировать возможные потери в профессиональной сфере и при этом сохранить личное достоинство и уважение сочувствующих коллег. Первая достигалась тактическими приемами – сожалением по поводу негативных последствий публикации письма за рубежом и возможности использования его в целях антисоветской пропаганды.

Нравственно-этическое наполнение поступка – выражение протеста против несправедливого приговора и нарушений закона в ходе процесса – должно было подкрепляться достойной позицией «подписанта» перед лицом показательного осуждения со стороны трудового коллектива и партактива.

Поведение ответчиков в ходе «проработок» основано на соблюдении универсальных этических правил, именуемых в обыденном моральном сознании порядочностью. Как категория обобщенная, она вбирает в себя не одно свойство личности (доброта, отзывчивость и прочее), а полный набор этических норм, реализующийся через систему самозапретов: нельзя солгать, подвести человека, нарушить данное слово, предать товарища, совершить низкий поступок и так далее. Важно, что порядочность – это не идеал, а норма, ставшая стереотипом, определяющая ежедневное поведение людей и внутригрупповую коммуникацию.

Для интеллигенции соблюдение норм обыденной морали можно считать главным критерием оценки своих и чужих поступков в повседневной практике. Мотивация «порядочно – непорядочно» особенно актуализируется в ситуациях, предполагающих нравственный выбор.

Система этических самозапретов реализовывалась в практических действиях:

- не отрекаться от гражданской позиции, декларированной в письме. Свою подпись не отозвал ни один из 46 человек. Более того, в ходе официальных мероприятий многие участники акции подтвердили неизменность взглядов. Правда, настойчивость в защите убеждений все же требовала соблюдения ритуальных норм официального этикета – хотя бы частичного признания ошибочности своих действий;

- не выдавать друзей: имена товарищей, предложивших присоединиться к акции не назывались;

- не ставить личных интересов выше коллективных;

- не ронять достоинства: «подписанты» не просят мягких наказаний, игнорируют обвинения личного характера, стараются не поддаваться на провокации;

- не совершать низких поступков.

Соблюдение норм бытовой этики можно считать поведенческой константой, от которой «подписанты» старались не отступать.

Из совокупности свойств, входящих в понятие «порядочность», в кризисной ситуации актуализировались навыки взаимопомощи, определяющие целостность сообщества. Рожденные из потребности поддержать людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, они получили в 1970-е годы структурную завершен-

ность в организации разнообразных Комитетов. В 1969 году создана «Инициативная группа по защите прав человека в СССР», трансформированная в ноябре 1970-го в «Комитет прав человека в СССР» (основатели Валерий Чалидзе, Андрей Сахаров, Андрей Твердохлебов), зимой 1973–1974 годов – «Фонд помощи политзаключенным» (основатели Александр Солженицын и Александр Гинзбург). В 1975-ом начала работу советская секция движения «Международная амнистия», в 1976-ом образована «Московская Хельсинская группа» (основатель Юрий Орлов) и «Христианский комитет защиты прав верующих в СССР» (основатель Глеб Якунин). В 1977-ом – «Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях» (основатель Александр Подрабинек).

Таким образом, в ходе петиционных кампаний по «делу четырех» сообщество диссидентов отработывало навыки самозащиты, обеспечивающие ему социальную мобильность.

«Письмо сорока шести» со временем обросло легендами, превратилось в одну из тем академического фольклора, главной сюжетной линией которого стало поведение «подписантов» на различных «проработочных» мероприятиях. В зависимости от позиции рассказчика – участник или свидетель – мемуаристы предлагали различные способы осмысления и артикуляции событий – от героических до анекдотических.

Пример анекдотического дискурса – воспоминания Ларченко, свидетеля событий. В соответствии с жанром «байки» реальный эпизод получил соответствующую интерпретацию: «Член КПСС N. N. (под этими инициалами, как указывает И. Кузнецов, скрыт В. А. Конев²) работал на кафедре философии НГУ <...>. N. N. вызвали на партком и спросили: каким же образом подпись коммуниста оказалась на антисоветском документе <...>. И тогда преподаватель "прикинулся шлангом". "Да я, – сказал он, – даже не понял, что за бумагу подмахнул! Я гулял с ребенком, подбежала женщина, подсунула листочки – и прямо на коляске я и подписал". Словом, преподаватель закосил под кормящего отца – и его не исключили из партии <...> не наказали»³. Как видим, автор предложил свою версию защитной стратегии – притворство, вероятно имеющую, по его мнению, ряд достоинств: человек не отступил от принципов, никого не выдал и снял возможное обвинение в «антисоветчине».

Однако игровые формы поведения весьма ограничены в сфере функционирования: прикинуться, будто не понимал, что делал, можно в бытовом общении. На парткоме это неприемлемо. Использовать анекдотические фигуры речи на официальном мероприятии означало бы признать свою политическую незрелость.

И действительно, документы дают иную картину: на партсобрании НГУ 11 апреля 1968 года, где обсуждались персональные дела коммунистов И. Алексеева и В. Конева, оба вели себя адекватно ситуации. Сожалели, что письмо было использовано идеологическими врагами, обещали впредь ничего подобного не совершать. В финале благодарили коллектив и старших коммунистов за идейное руководство – такая концовка, как свидетельство полной лояльности, была нормативной в строго регламентированных партийных собраниях. В результате оба получили строгий выговор с занесением в учетную карточку, аннулированный через два года⁴.

Таким образом, «процесс четырех» показателен как для оценки универсальных поведенческих моделей неконформистов, так и для выявления распространенного в сообществе типа высказывания.

---

¹ Алексева Л. История инакомыслия в СССР: новейший период. – Москва: Московская Хельсинская группа, 2012. – С. 222–223.

² Кузнецов И. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести»: документальное исследование. – Новосибирск: Офсет-ТМ, 2015. – 486 с. – Режим доступа: <http://modernproblems.org.ru/history/162> (дата обращения: 08.08.2021).

³ Ларченко С. Подписанты // Морской проспект. – 2007. – 1 марта. – С. 2.

⁴ Кузнецов И. Указ. соч.

С. И. Сулимов **ФЕНОМЕН «ДВОЙНОЙ» ПСЕВДОМОРФОЗЫ***

Историческое развитие очень редко бывает линейным для всех своих участников. Почти никогда не получается, чтобы каждое общество поступательно развертывало свои возможности и от века к веку реализовывало свой потенциал развития. Гораздо чаще

---

* © Сулимов С. И., 2021.

общества сталкиваются между собой в ходе многочисленных политических, экономических и духовных экспансий, когда участники исторического процесса с неодинаковой силой навязывают друг другу свою волю и пытаются превратить друг друга в спутники. Экспансия далеко не всегда протекает в непосредственной и грубой форме, то есть военным путем, но всегда при ее удачном завершении общество-экспансионист доминирует над проигравшей стороной и оказывает на ее развитие определяющее влияние в той или иной сфере. В данной работе мы рассмотрим некоторые побочные эффекты такого влияния.

Немецкий философ О. Шпенглер, изучая взаимодействие культур и цивилизаций, открыл такое явление как псевдоморфоза. Этот геологический термин означает ситуацию, в ходе которой одна геологическая порода заполняет пустоты другой. Применительно к социальной философии О. Шпенглер имел в виду следующее: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая старая культура настолько сильно довлеет над страной, что местной молодой культуре нечем дышать и она не в состоянии не только создать свои выразительные формы, но даже не приходит к полному разворачиванию собственного самосознания. Все, что поднимается из глубин молодой души, отливается в пустоты чужой жизни. Молодые чувства застывают в устаревших произведениях, и вместо подъема собственного формообразования (*Gestaltungskraft*) до невиданных размеров вырастает только ненависть к чужой и далекой силе»¹.

Характерными примерами псевдоморфоз могут служить колониальная система, при которой колония является политическим и экономическим придатком метрополии, или неравноправный экономический договор, в ходе которого одна страна является только лишь рынком бесперебойного сбыта для другой. При таких псевдоморфозах представители подчиненного общества участвуют в войнах за чужие интересы, оплачивают чужие долги, подражают чужим идеалам, а высшим карьерным взлетом для них является возможность прислуживать представителям метрополии (в качестве колониальных администраторов, гастарбайтеров, переводчиков, предпринимателей-компрадоров и т. д.). Собственный же творческий импульс такого общества блокируется, и оно обречено жить, ориентируясь на социальные, политические или даже религиозные образцы, навязанные извне. Нередко общество-

экспансионист хронологически старше своих подвластных сателлитов, и поэтому действительно имеет, что предложить им в качестве образцов.

Наиболее экзотичным и оригинальным случаем является «двойная» псевдоморфоza, при которой общество-реципиент формируется искусственно, и его представителей заставляют следовать образцам, которые сами «господа» не разделяют. Проще говоря, когда псевдоморфоza создается искусственно, в небольших масштабах и с какой-то одной-единственной функциональной целью. Хорошим примером могут послужить формирования воинов-невольников, характерные для некоторых восточных монархий Средневековья и Нового времени.

Исторически самым ранним из выбранных нами примеров являются египетские мамлюки – гвардейцы-невольники в Египте в XIII–XIX вв., сформированные из этнически чуждых арабам и египтянам тюркских и кавказских рабов. Предшествующая появлению мамлюков династия Фатимидов проводила активную внешнюю политику, но при этом ее легитимность на протяжении всего правления находилась под вопросом из-за исповедуемого Фатимидами исмаилизма (радикальное течение в шиизме). Поэтому самозванные каирские халифы не доверяли арабским воинам и формировали отряды, состоящие из берберских, тюркских и даже эфиопских невольников, обученных и вооруженных за государственный счет. Так, до 1062 г. в каирской гвардии среди прочих несли службу отряды, сформированные сплошь из воинов-рабов негритянского происхождения. После свержения династии Фатимидов берберские и негритянские части были распущены, и им на смену пришли подразделения собственно мамлюков – купленных для военной службы кавказцев и тюрок.

Отечественный исследователь Е. И. Зеленев отмечает такую важную черту данных войск как преобладание в них именно лично несвободных бойцов: «Пополнение численности мамлюков происходило двумя путями. Во-первых, через невольничий рынок за счет самих же мамлюков, закупавших за свои деньги молодых мальчиков-рабов из районов Приуралья, Причерноморья, Прикаспия, Центральной Азии и Кавказа. Во-вторых, некоторые будущие мамлюки приезжали в Египет сами, прослышав об успехах своих соплеменников. Будущих мамлюков обращали в ислам (если это требовалось),

обучали арабскому языку, воинскому искусству и кавалерийскому мастерству в мамлюкских военных школах. <...> Поскольку молодые мамлюки рано отрывались от родителей, то естественные семейные узы заменялись для них личной привязанностью и верностью мамлюкской корпорации и, главное, к семье того конкретного мамлюка, который их купил и воспитывал. Молодой мамлюк со временем должен был сам приобретать новых рабов и воспитывать по своему образу и подобию. Так формировались мамлюкские кланы и семьи, которые именовались домами². То есть, вырастая в закрытых военных школах, оторванные и от дома, и от страны пребывания, мамлюки становились воинами без корней и памяти, «манкуртами» из восточных легенд. Их военные навыки позволили им одержать победы над вторгавшимися в Египет крестоносцами и монголами, но стать флагманом или хотя бы частью египетского общества мамлюки не могли. Тем более что за людей он считали только друг друга и тех юношей-степняков, которых покупали на невольничьих рынках для пополнения своих рядов.

В 1250-е гг. мамлюкские командиры совершили военный переворот, покончив с властью султанов, а каирских халифов сохранив лишь в качестве декорации. И началось трехвековое правление воинов-рабов над свободными мусульманами, причем, диалог между военной хунтой и египетским населением практически не велся. Е. И. Зеленев отмечает, что элита мамлюков была более чем замкнута и поэтому глуха к большинству нужд египтян: «Мамлюкская политическая элита была *монолитной* (Здесь и ниже – курсив автора. – С. С.), что исключало саму возможность конкуренции легальных политических фракций в ее составе, допуская борьбу исключительно неофициальными методами. ...особенностью мамлюкского политического режима был его *исключающий* характер, что выражалось в отстранении немамлюкского большинства населения от участия в политической жизни. Египтянам, которые даже внешне отличались от мамлюков, доступ в политическую элиту был закрыт. <...> Население Египта признавало правление мамлюков, но никогда не отождествляло себя с ними, воспринимая их воинственную властвующую группировку как нечто чуждое»³. В 1517–1519 гг. мамлюки были побеждены турками и легко, без угрызений совести пошли на службу к завоевате-

лям, составляя штат оккупационной администрации и полицейских формирований османского Египта до самого начала XIX в.⁴

Победившие египетских мамлюков турецкие янычары сами представляют собой пример воинов-невольников. В Османской империи процесс формирования таких рабских структур дошел до совершенства к XV в. и был оформлен как «дань мальчиками». Британский историк Дж. Гудвин так описывает данную систему: «Примерно раз в три года в деревни Греции и Балкан отправлялся сборщик живой дани, задачей которого было отобрать самых лучших мальчиков из христианских семей для службы султану. <...> От способностей мальчика, от его внешности («Порочная и низкая душа весьма редко обитает в человеке, чье лицо открыто и невинно»), от осанки, характера, ума, набожности и силы зависело, для какой именно службы султану он будет признан годным. С этого момента он становился и до самой своей смерти оставался рабом султана, за каждым шагом которого внимательно и оценивающе следили»⁵.

Не все юноши-невольники зачислялись именно на военную службу: многие из них после прохождения физической подготовки и начального школьного курса становились чиновниками или даже инженерами. Известны случаи, когда выходцем из невольников был даже великий визирь. Все это сословие привилегированных рабов именовалось «капыкулу», и по уровню жизни и юридическим полномочиям капыкулу превосходили многих свободных турок. Причем, невольничий статус и иноверческое происхождение были обязательным условием для включения человека в эту касту. Дети капыкулу не могли наследовать положение родителей в силу того, что рождались в мусульманских семьях, а значит, их нельзя было продать султану для услужения (согласно шариату, мусульманин не может быть продан в рабство). Легендарные янычары были военным крылом капыкулу – физически крепкие и храбрые «рабы султана», при распределении направленные на военную службу. Чтобы подчеркнуть замкнутый характер их полков, долгое время янычарам даже запрещалось жениться, чтобы они не имели другой семьи, кроме сослуживцев. Однако это не спасло гвардейские части от возникновения влиятельных кланов, которые с XVI по XIX вв. периодически устраивали дворцовые перевороты, возводили на престол и свергали султанов и порой предлагали свои услуги политическим авантюристам. Долгое закулисное правление янычар стало для Осман-

ской империи эпохой технического и духовного застоя, поскольку привилегированные невольники, которыми янычары и ощущали себя всю жизнь, не соотносили себя с нуждами ни одной из групп населения и даже не являлись этническими турками, а поэтому не стремились решать социальные и государственные проблемы.

Следует отметить, что боевая ценность и мамлюков, и янычар падала в катастрофически быстрые сроки. Ни те, ни другие не стремились модернизировать тактику и вооружение, потому что главной их целью было сохранение привилегий, а не победа над врагом. Более того, враги отечества не ассоциировались у них с личными врагами, так как отечества у этих «граждан казармы» попросту не было. Янычары смогли победить мамлюков только потому, что были сформированы хронологически позже и изначально замышлялись как пехота с огнестрельным оружием, умеющая дать отпор всадникам, которыми как раз и были мамлюки, возникшие несколькими веками раньше именно как степные наездники на службе каирского халифа. И в своем первоначальном виде воины-невольники и стремились остаться, ведь техническое отставание от вероятного противника не мешало им участвовать в дворцовых интригах и вымогать у правителей финансовые подачки.

Актуален ли опыт «двойной» псевдоморфозы мамлюков и янычар в наши дни? Актуален, потому что аналогичные воинские формирования получили на рубеже XX–XXI вв. новую жизнь. Если в XX в. единственной в мире наемной воинской частью, укомплектованной полностью на интернациональной основе, был французский Иностраннный Легион, то в наши дни привлечение иностранцев к военной службе за деньги активно применяется частными военными компаниями. В США даже практикуется приглашение на службу иностранцев с присвоением им после ее завершения американского гражданства. Как пишут современные исследователи М. Хардт и А. Негри, «...вооруженные силы США пополняются в основном из самых необеспеченных и наименее привилегированных слоев американского населения. В них непропорционально большое число афроамериканцев наряду со многими людьми, лишь недавно получившими американское гражданство. Джон Уэйн уже не может восприниматься как показательный образ солдата США и, что еще важнее, американские солдаты в совокупности не представляют собой слепка с американского общества»⁶.

В наши дни такая интернациональная наемная военщина пока не является ведущим политическим фактором, хотя и играет в мировой политике важную роль. Однако все может измениться очень быстро. Ведь и египетские халифы, и османские султаны, формируя отряды мамлюков и янычар, наверняка не учитывали, что их вооруженные невольники превратятся в самостоятельную политическую силу. И приход к власти таких интернациональных «граждан казармы» станет для современных государств таким же тупиком, как и для их средневековых предшественников. Ведь люди без корней и без памяти, привязанные только друг к другу и устоявшемуся военному распорядку, неприменимому к гражданской жизни, не смогут не только адекватно управлять государством, но даже вряд ли согласятся считать хоть одно государство своей родиной

---

¹ Шпенглер О. Закат Европы. – Минск : Поппури, 2009. – Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – С. 234.

² Зеленев Е. И. Мусульманский Египет. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 2007. – С. 129.

³ Там же. – С. 159.

⁴ Зеленев Е. И. Государственное управление, судебная системная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX века). – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 2003. – С. 287.

⁵ Гудвин Дж. Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов. – Москва : Азбука-Аттикус, 2013. – С. 83.

⁶ Хардт М., Негри А. Множество : война и демократия в эпоху империи. – Москва : Культурная революция, 2006. – С. 69.

И. Ю. Тихонова

ЭСКАПИЗМ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ *

В современном философском дискурсе большое внимание уделяется проблеме эскапизма. Мы не будем подробно останавливаться на характеристике эскапизма, для нас этот феномен интересен в связи с новыми возможностями идентификации личности, которые открываются в информационном обществе. Поэтому и об

---

* © Тихонова И. Ю., 2021.

эскапизме мы будем говорить преимущественно в аспекте того, почему человек стремится вырваться в иное пространство существования, зачем он бежит от реальности и каковы возможности самоопределения в гиперпространстве.

Мы будем отталкиваться от понимания эскапизма как ухода от социальной реальности в мир виртуальности и симуляции.

Социальный мир в постсовременном обществе достаточно сильно трансформируется и не может дать человеку гарантий и уверенности относительно его завтрашнего дня. Сегодня не природа, а люди создают ситуации неопределенности, в которых им необходимо ориентироваться и планировать свое существование. Э. Гидденс, Н. Луман, Ф. Фукуяма – вот те авторы, которые в XX веке начинают интересоваться такими проблемами как онтологическая безопасность и доверие. Последние утрачиваются в постсовременную эпоху. Э. Гидденс определяет онтологическую безопасность как «форму безопасности как по отношению к собственной идентичности, так и по отношению постоянства окружающей социальной и природной сред¹. Действительно, человек ощущал себя защищенным, если мог надеяться на признание своего Я и на понимание со стороны других, а также на постоянство занимаемого им места в социальном пространстве.

В домодерных обществах доверие и безопасность были противопоставлены рискованному существованию и основывались на доверии к семье, религиозной общине и традиции. Постепенно в модерне эти сферы были дополнены государством и нацией. На сегодняшний день эти социальные маяки стали шаткими и человек все больше устремляется в информационное пространство, наполненное различными мнениями, моделями существования, абстрактными принципами и идеями, которые помогают индивиду найти утраченные ориентиры в своем существовании.

Наша основная мысль заключается в том, что человек бежит в виртуальную реальность потому, что в ней он находит то, что утратила социальная реальность, а именно предсказуемость и четкие границы. Как это ни странно, но инфосфера с ее многочисленными каналами данных, противоречивой информацией, недостоверными фактами все же становится более отвечающей человеческой потребности в определенности.

Действительно, информационное пространство задает более определенные параметры существования. Людям удобнее жить в изображаемом мире, нежели в мире действительном, это снимает личную ответственность за интерпретацию и понимание окружающей действительности, но и дает четкий ориентир, как правильно действовать и воспринимать реальность. Разочарование в реальности повергает человека в панику, которую может предотвратить помещение в новую более устойчивую среду, пусть и иллюзорную.

«Мы оплачиваем только тех, кто вводит постулаты»², – писал О. Марквард. Действительно, человек в большей степени ценит в информационной среде тех, кто дает четкие советы и рекомендации по правильному существованию.

Кроме того, следование моделям из гиперреальности, способствует избеганию неопределенности и стыда за свое поведение. Кепленгер указывает на то, что самым мощным фактором социального взаимодействия является стыд³, именно поэтому ребенок, стыдясь, приспосабливается к чужой модели поведения, копирует чужое поведение и т. д. Мы, конечно, не столь категоричны, но принимаем во внимание тот факт, что в ситуации неопределенности и отсутствия четких нормативов в информационном обществе человеку проще самоопределиться за счет одобряемых в виртуальном пространстве образов.

Общение с близкими постепенно заменяется общением с людьми, которых мы знаем только в виртуальной реальности. Они зачастую анонимны, симулятивны, но они понятны и принимают нас вследствие сходства. Человек бессознательно выбирает тот сегмент для общения, в котором он будет принят и понят, а потому такое взаимодействие хоть и упрощенно, но дает возможность человеку ощущать свое поведение правильным и получать признание.

Надо заметить, что сегодня в обществе формируется установка на «тотальное общение», постоянное и интенсифицируемое. Человек становится обязанным вступать в разного рода взаимодействия, развивающие кружки, образовательные организации, хобби-центры и пр., в противном случае он стигматизируется. Это происходит по нескольким причинам: в реальности человек не всегда может добиться успеха и ему требуется иное пространство для самореализации, увеличение времени для досуга, отсутствующее в прежние времена, и слабые социальные связи способствуют необ-

ходимости заполнения этого досуга различными мероприятиями, индивидуализм, манифестируемый в обществе, и как следствие стремление к бесконечному саморазвитию также толкают человека к поиску областей для реализации своих талантов. Еще очень важные черты современной цивилизации, такие как мобильность, ориентация в будущее, не позволяют человеку замедлить свой жизненный ход. Личность должна развиваться и бесконечно стремиться в будущее, а сообщества виртуальной реальности позволяют быстро найти соответствующее направление.

Интересный взгляд на постсовременность предлагает М. Оже. Он вводит понятие не-мест, пространств, «не определенных ни через идентичность, ни через связи, ни через историю»⁴. Наше социальное пространство все больше становится наполненным такими не-местами, которые не детерминируют человека вне той роль, которую он в данный момент выполняет.

То есть в сегодняшней реальности мы все анонимны до тех пор, пока не попадаем в строго очерченное пространство – аэропорт, магазин, заправка. Все прежние определенности (национальные, культурные, религиозные) нивелированы постольку, поскольку не дифференцируют индивидов, не проводят различий. В эпоху усиливающейся моды на толерантность мы все равны, и как следствие – обезличены. Что нас выделяет из анонимной толпы в реальности?

М. Оже, отвечая на этот вопрос, показывает те границы, которые нас теперь определяют: вывески «курить запрещено», «встаньте в правый ряд», пункты таможенного контроля, касса, где мы прикладываем карту к терминалу и т. п. В этих рамках мы обладаем общей идентичностью, которая задается нашей ролью, вне их мы анонимны.

Аналогичную мысль мы находим у П. Вирно. В его книге «Грамматика множества» речь идет об антропологическом сдвиге (смещении населения), который инициирует многоликое и разноречивое сообщество в едином времени и пространстве. Как пишет О. Чагин, комментируя позицию Вирно, «народов, объединенных общей культурой, не существует. Современные общества... состоят из неоднородных и постоянно меняющихся групп, которые он (Вирно. – *И. Т.*) называет термином "множества"»⁵. Это одна из причин, по которой люди не могут себя идентифицировать с боль-

шой группой, общностью. Множество в основном объединяется такими категориями, которые не создают устойчивой идентичности – язык, интеллект. Это и толкает человека к выходу из реального пространства в виртуальное, в котором он сможет найти более четкое, концептуально оформленное пространство для самоопределения.

Еще одной причиной устремленности индивида к виртуальным сообществам, по мнению Вирно, является страх перед неизвестным и изменяющимся миром. В традиционном обществе этот страх снимался чувством коллективной сплоченности, сейчас множество не дает возможности ощутить подобное единство. Человек постоянно находится в состоянии отсутствия дома, точки отсчета, с которой можно было бы соотнести свое существование, поэтому дабы почувствовать себя устойчиво, человек ищет нишу в виртуальности.

Интересно замечание Вирно о рефлексивности (вспомним здесь «рефлексивность современности» Э. Гидденса): «... "бездомные" не могут не вести себя как мыслители... чтобы защититься от случая»⁶. Человек постоянно переосмысливает и переформулирует собственную жизненную ситуацию для того, чтобы найти что-то более удачное и устойчивое, он рефлексивен, боясь ошибиться в том выборе, который ему предоставило общество постмодерна.

З. Бауман так характеризует современное общество: «хронически "утратившие принадлежность" люди»⁷. Стремление к идентификации в информационном пространстве – это стремление занять какую-либо нишу, через принятие правил поведения, образа жизни и других условий, разделяемых ее членами.

Еще одна причина ухода из реальности заключается в том удовольствии, которое человек получает от парасоциальных отношений. Они были проанализированы Р. Воллом и Д. Хортоном в работе «Средства массовой коммуникации и парасоциальные взаимодействия»⁸, где авторы указали на новый тип взаимодействия, появившийся в эпоху расцвета СМИ. Парасоциальные взаимодействия – это явление установления близких отношений с медиаобразом. Относительно них нельзя говорить о подлинной коммуникации, поскольку нет диалога, а в общий облик медиаперсоны закладываются те черты, которые наиболее привлекательны для зрителя. Именно поэтому авторы справедливо указывают на тот факт, что

наблюдатель «получает услугу» в рамках этого взаимодействия. Ему продают образ, близкий тому, что он бы хотел видеть. Чаще всего какие-то тонкости и особенности медиаперсоны затушевываются, чтобы не вызвать противоречие установкам зрителя. Наблюдатель впоследствии строит свое поведение и суждения на основе действий «звезды». Такое подражание становится возможным ввиду так называемого «коучинга установок» – соответствующего реагирования аудитории на поведение медиаперсоны. Положительные или отрицательные комментарии действий, приемлемый образ частной жизни, создающий позитивную ауру, ссылки на различные товары и услуги, потребляемые персоной – все это создает образ нормальной и полноценной жизни, к которой и должен стремиться человек.

Заметим, что, если Вол и Хортон в большей степени имели ввиду парасоциальные взаимодействия, которые устанавливаются в качестве дополнения к социальной жизни, то сегодня такие отношения зачастую подменяют собой реальные. Человеку понятнее и безопаснее существовать в гиперреальности с ее установленными для разных групп границами. Те или иные общности создают свою идеологию, формируют привычки и идеалы. Кроме того, в публикуемых постах выражаются мысли и чувства авторов, с помощью которых воспроизводится приемлемый образ мыслей, необходимых для формирования нашего Я.

Сегодня жизнь человека представляет собой эмоциональный проект. В отличие от проекта, каким его мыслили экзистенциалисты, он не предполагает ответственности в выборе своего Я и дальнейшего пути, эту ответственность человек перекладывает на образы, существующие в информационном пространстве. Их привлекательность заключается, в первую очередь, в том, что они не принуждают как структуры пред- и современного обществ, они просто задают определенные траектории развития, которые могут быть выбраны человеком в качестве линий его биографии или его приоритетов. Во-вторых, они позволяют установить виртуальную солидарность взамен утраченной социальной и осмыслить свою жизнь. Ставя во главу угла собственную свободу, право на инаковость, человек выбирает из многочисленных вариантов, предоставленных в гиперреальности, те, которые наилучшим образом отвечают его потребностям, насыщают его эмоционально и дают удовлетворение.

Именно по причине того, что человеку необходимо установление персональной идентичности и коллективной, которые были бы устойчивы во времени, столь популярен эскапизм. Убегая в пространство виртуальности, мы получаем множество сообществ, с которыми мы можем себя соотнести.

---

¹ Гидденс Э. Последствия современности. – Москва : Праксис, 2011 – С. 223.

² Марквард О. Эпоха чуждости миру? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2003/6/epocha-chuzhdosti-miru> (дата обращения : 08.08.2021).

³ См. : Кеплингер А. Стыд в теоретическом контексте // PFACE PSYCHOL. – WROCLAW, 1993. – № 28. – С. 23–37.

⁴ Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2003/6/epocha-chuzhdosti-miru> (дата обращения : 08.08.2021).

⁵ Чагин О. Паоло Вирно «Грамматика множества. К анализу форм современной жизни». 16 апр. 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vk.com/wall49591166_37365 (дата обращения : 16.08.2021)

⁶ Вирно П. Грамматика множества : К анализу форм современной жизни. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. – С. 34.

⁷ Бауман З. Текучая современность. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – С. 41.

⁸ См. : Horton D, Wohl R. Mass Communication and Para-Social Interaction: Observations on Intimacy at a Distance. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.participations.org/volume%203/issue%201/3_01_hortonwohl.htm (дата обращения : 08.08.2021).

Д. В. Умылина

**НАУКА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ДЕТЕРМИНАЦИЯ ***

В рамках исследования социокультурной детерминации науки как социального института возникает сложность, состоящая, прежде всего, в недостаточной смысловой экспликации самого по-

---

* © Умылина Д. В., 2021.

нения «социокультурная детерминация». Относительно влияния внешних социокультурных условий на организационную структуру науки исследователи солидарны: институциональная структура науки детерминируется обществом, так как все, что возникает в обществе, в той или иной степени обусловлено последним. Однако такое решение проблемы представляется нам не только неполным, но и, более того, уведящим в сторону от более глубокого понимания механизмов этой обусловленности. В рамках понимания общества как «демиурга науки» социокультурная детерминация института науки представляется чем-то само собой разумеющимся и интуитивно понятным, в то время как на деле подлинными детерминантами генезиса науки и механизмы ее обусловленности остаются в значительной мере непроясненными.

Для прояснения специфики детерминации науки в качестве социального института мы считаем необходимым ввести представление о двух уровнях детерминации: институциональном и функциональном. Институциональная детерминация предполагает наличие сложившегося на определенном этапе развития общества комплекса общецивилизационных условий возникновения, развития и дальнейшего существования науки. Определение институционализации как процесса становления науки в качестве устойчивой социальной структуры ставит перед нами вопросы о взаимодействии в ходе этого исторического процесса различных социокультурных факторов, обусловивших это становление. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, основополагающим свойством социальных институтов является их историчность, поскольку сами они, во-первых, формируются в рамках исторического процесса, и, во-вторых, устанавливаются такие образцы человеческого поведения, которые соответствуют нормам конкретного общества в пределах конкретного исторического периода¹. Именно поэтому в нашем исследовании для прояснения основных детерминант развития науки мы обращаемся прежде всего к истории общества.

Каждому социальному институту требуется легитимация, т. е. оправдание занимаемого им в социальной системе места. Ф. Бэкон, рассуждая о будущем науки, говорил, что она станет «практической», т. е. будет приносить пользу государству и народу, и сегодня наука как социальный институт в Европе опирается на институциональную поддержку европейских государств. Соци-

лизация науки и превращение ее в традиционный социальный институт предполагает, что ученым на определенном этапе приходилось убеждать общество в полезности науки. «Вот почему они (ученые) не могут избавиться от «непрощеных советчиков» (backseat drivers)»², – пишут С. Шейпин и С. Шеффер, понимая под «непрощеными советчиками» любые внешние по отношению к науке социальные и культурные институции, которые влияют на способы организации научной деятельности.

Институционализация науки предполагает, в первую очередь, создание различных организационных форм науки, исследовательских центров, учебных заведений и т. п. Процесс постепенного формирования зрелой науки, включающей в себя специализированные направления, академии и университеты, а также определенные стандарты обучения, которые обеспечивают подпитку кадрами, квалифицированными в требуемой области, начинается в новое время. Наряду с институтом науки формируется и укрепляется институт образования, который также требует от общества поддержки в виде материальных и временных ресурсов, которые необходимы для издания учебных пособий, предоставления помещений, подготовки преподавательского состава.

Принципиально новые по сравнению с университетами XII–XIII вв. формы организации деятельности ученых начали создаваться в ряде стран Европы в XVII в. В 1644 г. в Великобритании Р. Бойль инициировал объединение занимающихся наукой людей в сообщество, которое он назвал «невидимой коллегией» (invisible college)³, которая в 1660 г. была преобразована в Королевское общество для развития знания. Это событие побудило французских ученых создать в Париже Академию наук, основанную в 1666 г., а в 1725 г. по указу Петра I в Санкт-Петербурге создается Императорская академия наук. С возникновением научных академий исследовательская деятельность принимает коллективный характер. Благодаря вышеперечисленным обстоятельствам стало возможно формирование особой инфраструктуры науки, а именно сложной системы научных коммуникаций. Вместе с тем наука была признана обществом в качестве специфической деятельности, а становление научного сообщества, в свою очередь, привело к разворачиванию процесса формирования системы ценностей и норм, регули-

рующих деятельность ученых, обеспечивающих их интеграцию и кооперацию, что отразилось в принципах научного этоса.

Третья предпосылка институционализации науки заключается в ее интеграции в культурную и социальную системы индустриального общества. Анализируя социокультурные предпосылки такой интеграции, М. Вебер утверждает, что научная рациональность послужила основой для становления капитализма наряду с новой конфигурацией ценностей, которая была предоставлена протестантской этикой⁴. При этом М. Вебер отмечает, что развитие теоретического содержания новоевропейской науки не получало такого значительного экономического поощрения, как технические приложения научного знания. «Духовная искра» Реформации, несомненно, сыграла значительную роль в формировании в обществе нового отношения к науке, но эта искра была не единственным фактором, способствующим изменению положения науки в социокультурной действительности. В XVI–XVIII веках протестантизм мог послужить фактором, способствовавшим перемещению центра европейского экономического развития в страны Северной Европы за счет миграции исповедующей протестантизм части населения, уменьшения числа религиозных праздников, экспроприации монастырских земель и некоторых других механизмов, которые все же апеллируют не к духовно-мировоззренческой специфике протестантского вероучения, а к тем или иным материальным факторам.

В отличие от М. Вебера, Э. Цильзель обращается к условиям экономики того времени. Особое внимание автор уделяет рассмотрению периода с XIV по начало XVII в., когда люди, занимающиеся интеллектуальной деятельностью, относились к трем социальным слоям: университетских профессоров, гуманистов и ремесленников. «Пионерами каузального мышления в этот период стали люди, занимавшиеся ручным трудом <...> Они первыми занялись эмпирическими наблюдениями, экспериментированием и использовали количественные методы»⁵. Н. В. Мотрошилова также отмечает, что в Европе XVII–XVIII вв. «существовали лишь спорадические связи между наукой и производством, так что многие технические изобретения, оказавшие наибольшее влияние на промышленность и сельское хозяйство, были осуществлены изобретателями-практиками, экспериментаторами, которые не были учеными»⁶.

В то же время, пока наука еще не превратилась в непосредственную производительную силу, большую роль играл и ее мировоззренческий компонент, который сделал возможным зарождение идеи о том, что возможно объяснить мир и происходящие в нем процессы, не обращаясь к религии, мистике или мифологии. Так, Л. М. Косарева полагает, что новой экономике требовался, прежде всего, новый субъект деятельности, опирающийся разум с его упорядочивающим и систематизирующим потенциалом⁷. В дальнейшем более актуальными стали потребности капитализма в знании и новых технологиях, которые могли бы сделать производство более эффективным. Решающий этап на пути оформления институциональной детерминации науки начался во второй половине XIX в. с интеграцией науки в социальную систему, в первую очередь в технико-индустриальный комплекс.

Институциональная детерминация затрагивает как фундаментальную науку, не имеющую отношения к производству конкретных объектов, так и прикладную, которая со временем все активнее включается в производство и решение конкретных задач. Однако именно на прикладном уровне поддержка со стороны общества и государства становится тематической, локальной, что позволяет нам говорить о формировании функциональной детерминации науки. Явную репрезентацию этого уровня поддержки нам представляет Большая наука как обширная сфера научной деятельности, включающая в себя крупномасштабные фундаментальные и прикладные исследования и разработки. Привлечение ученых в лаборатории и конструкторские отделы предприятий, их участие в решении конкретных, актуальных задач становится массовым. Наряду с порождением новых идей, наука создает и новые технологии, которые внедряются в производство, в связи с чем огромную роль приобретает инновационное развитие.

В середине XX в. за счет своей способности благотворно влиять на экономическую ситуацию наука оказалась в сильной зависимости от государства. Несмотря на это, собственно государственный сектор науки в развитых странах сегодня, как правило, довольно мал, и университетские и государственные лаборатории уступают науке предпринимательского сектора как по численности кадров, так и по объемам выделяемых средств, количеству патентов и инноваций, и даже порой по широте тематики фундаменталь-

ных исследований. Несмотря на то, что государство и бизнес не создают науку, эти социальные институты готовы субсидировать исследования, которые могут стать основой создания новых технологий, производственных новаций. Другими словами, общество как бы ставит перед учеными задачу участия в проектах социального, экономического, военного значения. И для государственного сектора, и для частного производства, в первую очередь, важно то, что создается, непосредственный практически применимый результат, а не теоретические выкладки, которые позволили достичь этого результата.

В современном мире знание, создаваемое наукой, превращается в инструмент для создания продукции, которую необходимо выгодно продать. Таким образом, в науку проникают политические и экономические мотивы, формируется взаимосвязь с рыночными отношениями, конкуренцией и прибылью. При этом ясно, что финансовые «вливания» направляются в те области исследований, которые считает перспективными или значимыми в социальном плане государство. Процессы финансирования дополняются и соответствующими механизмами контроля, которые проводятся государственными органами с целью проверить, насколько эффективно, целесообразно и законно расходуются бюджетные средства.

Формирование механизмов контроля над научной деятельностью связано не только с экономическими соображениями. Большая наука ставит перед нами проблему непредсказуемости изменений природы и человека, возникает вопрос и о побочных последствиях практического применения достижений науки. Как бы то ни было, многочисленные возможности, предоставляемые наукой, влекут за собой и многочисленные риски. Эту ситуацию можно проиллюстрировать, обратившись к работе З. Баумана «Текущая современность», который характеризует современное состояние позднего модерна как характеризующееся большой неопределенностью в жизни как индивида, так и всего социума. В такой ситуации вопрос о регуляции научной деятельности в связи с ее побочными последствиями приобретает особую важность⁸. Возникает так называемая «постакадемическая наука» – «многообразные виды знания, добываемые не только в академической среде, университетах, но и в лабораториях, на предприятиях, обладающие высо-

кой и непосредственной применимостью, эффективностью, внедряемостью и направленностью на практические задачи»⁹.

Социокультурная детерминация науки усиливается с возрастанием значимости научного знания для общества. Институционализация, рост престижа научного знания и научной информации, а также формирование Большой науки свидетельствуют о том, что социокультурная детерминация науки в современном обществе выходит на новый уровень. Институциональная детерминация, поддерживая институт науки, обеспечивает ей свободу, возможности для развития, необходимые ресурсы. Но вместе с тем обществу далеко не безразлично, насколько эффективно эти ресурсы используются, и за эффективность их применения в соответствии с потребностями общества отвечает функциональная детерминация. Наука занимается проблемами, решения которых требует от нее общество, но настоящая проблема заключается в том, что в обществе нет согласия по поводу того, что должна и что не должна делать наука.

---

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. – Москва : Медиум, 1995. – С. 92.

² Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the Air-Pump : Hobbes, Boyle, and the Experimental Life.* – Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1985. – P. 192.

³ Касавин И. Т. Роберт Бойль и начало эмпирического естествознания // *Философия науки.* – Москва : Ин-т философии РАН, 2004. – Вып. 10. – С. 105.

⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 54.

⁵ Ziessel E. *The sociological roots of science // Social studies of science.* – London, 2000. – Vol. 30, N 6. – P. 940.

⁶ Мотрошилова Н. В. Наука и ученые в условиях современного капитализма. – Москва : Наука, 1976. – С. 18.

⁷ Косарева Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. – Москва : Ин-т психологии РАН, 1997. – С. 7.

⁸ Бауман З. *Текущая современность.* – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – С. 71.

⁹ Федотова В. Г. Соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема. – Москва : Ин-т философии РАН, 2015. – С. 71.

О. А. Цокало
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ
ЧЕТЫРЕХЗНАЧНОЙ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЛОГИКИ *

«Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время: если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю»¹.

«Философ имеет дело с фундаментальными понятиями. Время как раз хороший пример фундаментального понятия»², писал Г. Х. фон Вригт. Однако темпоральная логика имеет дело не со временем как таковым: она исследует «овремененные» высказывания, т. е. такие высказывания, истинностное значение которых потенциально может изменяться во времени.

Темпоральная логика изначально не была сугубо нормативным разделом логического знания: набор принимаемых в ней положений и аксиом зависел от понимания времени, которого придерживался автор конкретной системы. Принципиальное значение имели такие позиции, как дискретность/плотность и линейность/древовидность времени. Однако, если вести речь об учете понимания времени субъектом (рас)суждения (что полезно в случае моделирования естественных рассуждений), при формализации может быть целесообразно учитывать и другие специфические характеристики его картины мира. Тогда для моделирования естественных рассуждений с овремененными высказываниями необходимо будет сделать два шага:

1) выделить дополнительные характеристики (как картины мира субъекта, так и контекста рассуждения), определяющие базовую систему логики, которую необходимо будет расширить при помощи введения темпоральных операторов;

2) определить интерпретацию времени, имплицитно принимаемую субъектом рассуждения и задающую множество аксиом.

Традиционно «базой» для построения темпоральной логики принято выбирать классическую логику (хотя известны и другие построения; напр., А. Т. Ишмуратов строит временное расширение трех-

---

* © Цокало О. А., 2021.

значной логики Бочвара³). Однако при моделировании естественных рассуждений в условиях современной клиповой культуры нам необходим иной базис. В частности, современное мышление характеризуется невозможностью сопоставления быстро сменяющейся информации и нечувствительностью к содержащимся в информационном потоке противоречиям: оно функционирует как Google, систематизируя информацию по ключевым словам. Различные исследователи сегодня такое мышление называют клиповым (по аналогии с термином «клиповая культура», введенным Э. Тоффлером) или квантовым, понимая при этом «квантовость» метафорически.

Здесь я буду понимать «квантовость» мышления в том же ключе, что и J. R. Busemeyer и P. D. Vuza⁴, которые выделяют такие особенности квантового мышления, как 1) зависимость от факта наблюдаемости; 2) несоблюдение в рассуждениях его носителей логического закона непротиворечия и свойства дистрибутивности. Любопытно, что если обратиться к современной квантовой логике, то в ней мы находим те же закономерности, хотя цели построения квантовой логики и множество рассуждений, моделируемых ее языком, принципиально отличаются от проблемного поля исследований специалистов по «quantum thinking» и «quantum mind». Так, В. Л. Васюков отмечает ее (квантовой логики) недистрибутивность, указывая на сложности иллюстрирования этого свойства (кроме известного опыта с частицами, проходящими в щель)⁵. Бьюзмеер и Брюза предлагают для этого феномена иллюстрации, связанные с проблемой принятия решений на основании полной или неполной информации. Так, они описывают опыт, когда студентам предлагалась азартная игра, и после первого сета они должны были принять решение, играть повторно или нет. Если студентам были известны результаты предыдущего сета, то они соглашались играть как в случае выигрыша, так и в случае проигрыша; если же результаты предыдущего сета не были известны, студенты играть второй раз отказывались. Исследователи поясняют эту ситуацию таким образом, что в случае выигрыша игроки «входят во вкус», в случае проигрыша – хотят отыграться. Если же исход неизвестен, т. е. игрок знает, что он «либо выиграл, либо проиграл», конкретный мотив для повторения игры не актуализируется. Таким образом, в ситуации принятия решения действительно не срабатывает правило дистрибутивности.

Однако в контексте разговора о рассуждениях с овремененными высказываниями это свойство квантового мышления особенно интересно.

Дело в том, что для высказываний о будущих событиях дистрибутивность фактически означает принятие детерминизма. Таким образом, отказ от дистрибутивности для нас фактически означает принятие индетерминистской позиции – что, безусловно, вселяет оптимизм. У Вригта речь идет о дистрибутивности оператора «истинно, что» относительно дизъюнкции высказываний «будет р» и «не будет р» (речь, по традиции, идет о морском сражении из знаменитой 9 главы «Об истолковании» Аристотеля); однако он полагает, что этот переход ведет к иллюзии детерминистской позиции. Я полагаю, это – не совсем иллюзия. Однако проблема подобного рода снимается, когда речь идет об отказе от принципа бивалентности (так решает эту проблему Лукачевич, и это отмечает и Вригт).

В этой связи в качестве базиса для построения темпоральной логики уместно использование четырехзначной логики. Н. Белнап называет свою статью «Как нужно рассуждать компьютеру»⁶ – похоже, сегодня человек все больше имитирует в своей когнитивной деятельности эти «компьютерные» рассуждения. В частности, Белнап делает акцент на необходимости готовности компьютера к восприятию и рассмотрению противоречивой информации – именно такова специфика рассуждения носителя клипового мышления.

Итак, Н. Белнап предлагает логику с четырьмя базовыми истинностными значениями:

T – истина;

F – ложь;

B – «пресыщенная оценка», $B = \langle T, F \rangle$

N – «истинностный провал», $N = \{\emptyset\}$.

Четырехзначная логика Н. Белнапа представляет собой расширение классической логики высказываний. Для логических союзов Н. Белнап строит семантические таблицы истинности и аппроксимационные решетки, что позволяет далее оперировать высказываниями, которым приписывается внутренне противоречивое значение B.

Теперь нам необходимо выбрать модель временной структуры, которая определит набор аксиом для нашей временной логики.

Понимание структуры времени является неотъемлемой частью картины мира. Оно определяет как способы описания бытия,

так и рефлексию над когнитивными процессами описывающего бытие субъекта. Причем эта структура важна вне зависимости от того, приписываем ли мы времени объективное бытие или же рассматриваем его как специфическую особенность нашей способности восприятия.

В истории философии существует множество подходов к интерпретации времени и моделей временной структуры. Все они могут быть сведены к набору $M = \langle I_i, Q_j \rangle$, где M – модель временной структуры, I – характеристика направленности временного потока, а Q – характеристика качества временного потока. Упорядоченные пары вариантов I и Q представляют собой минимальное описание темпоральной модели.

Традиционные варианты понимания качества и направленности временного потока можно описать при помощи множеств I и Q :

$I = \{I_1, I_2, I_3\}$, где I_1 – линейный временной поток, направленный из прошлого в будущее и характеризующий детерминистскую позицию; I_2 – циклический временной поток, характерный для мифологических мировоззренческих концепций и возрождающийся в современной философии культуры (напр., у Шпенглера), и I_3 – древовидный временной поток; ветвление в будущее характеризует индетерминистскую позицию, а ветвление в прошлое возможно в связи с ограниченностью наших знаний о прошлых событиях и необходимостью говорить о различных их версиях.

$Q = \{Q_1, Q_2, Q_3\}$, где Q_1 – плотное (непрерывное) время, Q_2 – дискретное время, а Q_3 – интервальное время, представляющее собой компромиссную комбинацию Q_1 и Q_2 : плотные интервалы отделены друг от друга «точками разрыва» (представляющими собой обычно значимые события анализируемого дискурса).

Эта минимальная модель может быть расширена при помощи введения дополнительных параметров. Например, третьей величиной может быть конечность/бесконечность времени, его однородность или неоднородность, объективный или субъективный характер и пр. Обратим внимание также на то, что не все пары параметров могут быть органично сочетаемыми: например, для моделирования древовидного темпорального универсума органичной кажется интервальная интерпретация качества временного потока, тогда как линейный временной поток может быть рассмотрен как плотный.

Для наших целей наиболее уместным нам кажется выбор модели $M = \langle I_3, Q_3 \rangle$. Таким образом, темпоральное расширение четырехзначной логики мы будем строить исходя из понимания времени как ветвящейся интервальной структуры. Такой выбор обусловлен нашей исходной интуицией: темпоральная логика отображает не время как онтологический объект (это вопрос формальной философии, и здесь мы не будем его обсуждать), но представление о времени мыслящего субъекта. «Ветвление будущего может выражать увеличение числа возможного хода событий, а ветвление прошлого – рост нашего незнания с продвижением вглубь веков»⁷. Т. е. такая структура времени позволяет нам отобразить эпистемическую ситуацию неполноты информации.

Из точки настоящего время ветвится в будущее, отражая таким образом индетерминистскую позицию и моделируя множество вариантов развития событий. Точки ветвления являются фактически точками разрыва и помечают значимые для анализируемого дискурса события; при этом промежутки между точками ветвления (интервалы) являются плотными.

Прошлое может быть представлено как линейно (в случае нашей однозначной интерпретации предшествующих событий), так и в виде ветвящейся структуры, моделирующей различные версии событий прошлого.

Настоящее мы будем представлять как динамическую структуру, движущуюся от прошлого в будущее. В центре ее должно лежать точечное/протяженное настоящее (в зависимости от того, происходит в момент моделирования значимое событие, представляющее собой точку разрыва, или мы находимся в непрерывном интервале, соединяющем два значимых события). Предшествующий и следующий за ним интервалы (или точки) мы будем называть «контекстуальным протяженным настоящим»; фактически, оно будет задавать контекст интерпретации центрального элемента настоящего и представлять собой значимые события, между которыми в настоящий момент осуществляется переход, или интервалы, которые разделяются между собой.

Обратим внимание на еще один момент. Множество одновременно происходящих событий не ограничено количественно. Т. е. мы имеем дело по сути с различными временными потоками, которые могут пересекаться между собой в различных точках про-

шлого и будущего, но не пересекаются в момент настоящего. Тогда, по-видимому, полноценная модель темпоральной структуры должна включать все множество таких сюжетов. Для ее построения нам необходимо осуществить наложение древовидных структур. Результатом такого наложения окажется сеть, в которой настоящее будет представлено множеством точек и интервалов, а ветви будут иметь общие точки и интервалы в различные промежутки времени.

Исходя из этих содержательных характеристик, при построении синтаксиса временного расширения четырехзначной логики мы должны будем:

- 1) Ввести метрические темпоральные операторы P_n (интервал n назад было так, что), и F_n (интервал n спустя будет так, что).
- 2) Ввести бинарную связку T фон Вригта (в частности, с ее помощью можно описать триадичную структуру настоящего)
- 3) Ввести постулаты транзитивности, бесконечности и нелинейности времени.

Что касается семантики, то здесь естественным кажется использование семантики возможных миров. При этом необходимо будет различать два типа отношений достижимости: внутри одного временного потока и между различными временными потоками.

---

¹ Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М. Е. Сергеенко. – Москва : Ренессанс, 1991. – С. 292.

² Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. Избр. труды. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 513.

³ Ишмуратов А. Т. Логические теории временных контекстов (временная логика). – Киев : Наукова думка, 1981. – 151 с.

⁴ Busemeyer J. R., Bruza P. D. Quantum Models of Cognition and Decision. – New York : Cambridge University Press, 2012. – 407 p.

⁵ Васюков В. Л. Аргументация и постовские системы // Рацио. – 2012. – № 7. – С. 43–49.

⁶ Белнап Н. Как нужно рассуждать компьютеру // Белнап Н., Стил С. Логика вопросов и ответов. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 208–239.

⁷ Ишмуратов А. Т. Логические теории временных контекстов. – Киев : Наукова думка, 1981. – С. 15.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

А. Л. Бубнов ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА *

В процессе своего развития и становления человек пытается достичь определенных высот и добиться наиболее благоприятного для себя психологического и социального статуса. Это реализуется за счет его включения в формальные и неформальные малые группы. Включенность человека в группу необходима ему для получения психологической защиты, достижения поставленных целей, выбора жизненных приоритетов и выработки социальных установок и социального поведения. С позиции социальной психологии анализ малых групп осуществляется путем изучения социальных процессов, таких как лидерство, престиж, репутация, уважение и т. д.

Формирование социально одобряемого поведения человека начинается с момента его рождения и с этого времени он, сам того не желая, оказывается включенным в определенную социальную группу с уже заданными в ней моделями поведения. В процессе социализации и вхождения в новые для себя группы членства эти модели либо принимаются, либо отвергаются и вырабатываются новые. С нашей точки зрения, наиболее перспективным при исследовании малых групп выступает изучение учебных групп студентов. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, студенческие группы существуют достаточно продолжительное время (4–6 лет), что позволяет говорить о сформированности у них единых целей,

---

* © Бубнов А. Л., 2021.

мотивов, общего мировоззрения. Во-вторых, студенты постоянно находятся в межличностном взаимодействии, у них общий эмоциональный настрой, складывается определенный психологический климат учебной группы, что не может не влиять на нее саму и входящих в нее обучающихся. В-третьих студенческая группа вырабатывает определенные нормы поведения, предписывающие члену группы вести себя в рамках конкретной когнитивно-поведенческой модели и обеспечивающие тем самым характерный для группы поведенческий стиль.

По нашему мнению, продуктивным для анализа малой группы является опора на субъектный подход к ней, в котором она рассматривается в качестве единого социального субъекта, наделенного собственными психологическими особенностями¹. Субъектный подход к малой группе позволяет устанавливать слабо еще изученные социальными психологами ее проявления и характеристики. К их числу мы относим социальную идентичность группового субъекта и его социально-психологический статус. В своих предыдущих работах мы рассматривали оба явления по отдельности². В данной же статье мы раскроем их связь.

Социальная идентичность группового субъекта представляет собой осознание группой своей сопричастности, своего места не только с группами, входящими в основную организацию, но и группами, находящимися за пределами их взаимодействия (студенческие группы разных направлений подготовки, разных вузов, разных регионов)³.

Социально-психологический статус группового субъекта – интегративное образование, представляющее собой совокупность таких статусных проявлений, как инструментальный, референтометрический, властный и эмоциональный статусы группового субъекта, отражающие соответственно деловой, ценностный, официально-иерархический (или неформально-подчиняющий) и аттракционно-экспрессивный аспекты его положения в основной организации, а именно в системе межгрупповых взаимоотношений и взаимодействий.

Для проведения исследования был разработан ряд авторских методик, позволяющих оценить уровень развития интересующих нас социально-психологических характеристик учебной группы как

целостного субъекта. При изучении социальной идентичности группового субъекта нами применялся авторский опросник «Социальная идентичность группового субъекта (СИГС)». Он представляет собой 60 утверждений, в которых респонденту предлагается оценить свою учебную группу с помощью ряда характеристик, выявляющих уровень развития социальной идентичности группового субъекта. Респондентам предлагается оценить социальную идентичность своей группы членства с четырьмя базисными кластерами: социальную идентичность с группами факультета, на котором студенты проходят обучение, социальную идентичность с группами их вуза в целом, социальную идентичность с группами других вузов и социальную идентичность с профессиональным сообществом. Более того, каждый вид идентичности состоит из трех компонентов: поведенческого, эмоционального и когнитивного.

Вторым опросником был опросник «ПАРУС», позволяющий выявить социально-психологический статус малой группы за счет оценки группой самой себя и взаимных оценок со стороны других групп. В опроснике имеется несколько шкал, позволяющих комплексно оценить статус группы за счет таких его составляющих, как престиж, авторитет, репутация и успех.

В нашем пилотажном исследовании приняли участие студенты двух вузов: Воронежского государственного педагогического университета – ВГПУ (четыре группы студентов очной формы обучения 4 курса общей численностью 43 человека) и Воронежского государственного университета инженерных технологий – ВГУИТ (четыре группы студентов очной формы обучения 2 курса общей численностью 51 человек). Таким образом, общий объем выборки составил восемь академических групп численностью 94 студента.

В ходе исследования социальной идентичности учебных групп удалось выделить три уровня ее развития: высокий, средний и низкий. Результаты групп ВГПУ представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты изучения уровней компонентов социальной идентичности учебных групп ВГПУ

Группы ВГПУ	Уровни компонентов социальной идентичности с группами факультета			Уровни компонентов социальной идентичности с группами своего вуза		
	Повед.	Эмоц	Когн.	Повед.	Эмоц	Когн.
Гр. 1	высокий	высокий	высокий	высокий	средний	средний
Гр. 2	высокий	средний	средний	высокий	средний	низкий
Гр. 3	высокий	высокий	низкий	высокий	низкий	средний
Гр. 4	высокий	высокий	средний	высокий	средний	средний

Группы ВГПУ	Уровни компонентов социальной идентичности с группами других вузов			Уровни компонентов социальной идентичности с профессиональным сообществом		
	Повед.	Эмоц	Когн.	Повед.	Эмоц	Когн.
Гр. 1	средний	средний	низкий	высокий	высокий	высокий
Гр. 2	средний	средний	низкий	высокий	средний	средний
Гр. 3	средний	низкий	низкий	высокий	высокий	средний
Гр. 4	средний	низкий	низкий	высокий	высокий	высокий

Анализируя полученные результаты, заметим, что социальная идентичность изученных учебных групп с группами факультета и с профессиональным сообществом представлена на высоком уровне, поскольку все три ее компонента в большинстве случаев оказались высоко развиты. Группы считают, что для них и для групп факультета присущи одни и те же поведенческие правила, схожие поведенческие паттерны, общие нормы и правила, которые разделяются большинством студентов. Для тех и других групп ха-

рактарны общие представления о себе, общие ценности и совместные эмоциональные переживания в отношении как своей, так и подобным ей группам. Высокая социальная идентичность учебных групп студентов с профессиональным сообществом может быть связана как со сформированной профессиональной мотивацией студентов, желанием стать членами профессионального сообщества, так и возможной идеализацией своей будущей профессии. Педагогическая профессия в последние годы «возвращает» свой былой престиж в обществе, и студенты педуниверситета, видя себя в будущем педагогами, идентифицируют свои академические группы и группы преподавателей, стремясь быть членами высоко-статусного в социуме сообщества.

Социальная идентичность учебных групп с другими группами своего вуза находится на среднем уровне, а с другими вузами ее уровень вообще понижен. Это можно объяснить слабым с ними взаимодействием, частичным или полным отсутствием межгрупповых контактов, что ведет к очень размытым представлениям о «чужих» группах как социальных субъектах и нежеланием отождествлять себя с ними.

Теперь обратимся к результатам изучения социальной идентичности учебных групп ВГУИТ (табл. 2).

Таблица 2. Результаты изучения уровней компонентов социальной идентичности учебных групп ВГУИТ

Группы ВГУИТ	Уровни компонентов социальной идентичности с группами факультета			Уровни компонентов социальной идентичности с группами своего вуза		
	Повед.	Эмоц	Когн.	Повед.	Эмоц.	Когн.
Гр. 1	высокий	высокий	средний	средний	средний	средний
Гр. 2	высокий	средний	средний	средний	средний	средний
Гр. 3	высокий	средний	средний	высокий	низкий	низкий
Гр. 4	высокий	высокий	средний	средний	средний	средний

Группы ВГУИТ	Уровни компонентов социальной идентичности с группами других вузов			Уровни компонентов социальной идентичности с профессиональным сообществом		
	Повед.	Эмоц	Когн.	Повед.	Эмоц	Когн.
Гр. 1	низкий	низкий	низкий	средний	низкий	низкий
Гр. 2	средний	низкий	низкий	средний	низкий	средний
Гр. 3	средний	низкий	низкий	низкий	средний	средний
Гр. 4	средний	низкий	низкий	средний	низкий	средний

Группы ВГУИТ, практически так же, как и группы ВГПУ, лучше всего идентифицируют себя с другими группами факультета, устанавливая с ними свою общность, особенно в поведенческом и эмоциональном аспектах. Одновременно они демонстрируют средний уровень социальной идентичности в отношении других групп своего же вуза и с профессиональным сообществом. Что же касается социальной идентичности с другим вузом, то она находится, как и у групп ВГПУ, на пониженном уровне, они максимально дистанцируют себя от групп других вузов.

Умеренная социальная идентичность группового субъекта по отношению к профессиональному сообществу учебных групп ВГУИТ обусловлена, возможно, характеристиками выборки, а именно несформированной профессиональной мотивацией (по отзывам самих студентов, многие из них не видят себя в дальнейшем работающими по специальности).

Таким образом, сравнивая группы двух вузов, мы обнаруживаем как сходные черты их социальной идентичности, так и отличия, связанные, видимо, с профессиональной направленностью студенческих групп.

Перейдем теперь к результатам исследования социально-психологического статуса учебных групп (табл. 3).

Таблица 3 Результаты изучения составляющих социально-психологического статуса учебных групп вузов

Группы	Уровни составляющих социально-психологического статуса групп			
	престиж	авторитет	репутация	уважение
Гр. 1 ВГУИТ	средний	средний	средний	средний
Гр. 2 ВГУИТ	средний	средний	средний	средний
Гр. 3 ВГУИТ	средний	средний	средний	средний
Гр. 4 ВГУИТ	средний	средний	средний	средний
Гр. 1 ВГПУ	средний	средний	средний	высокий
Гр. 2 ВГПУ	средний	средний	средний	средний
Гр. 3 ВГПУ	средний	средний	средний	средний
Гр. 4 ВГПУ	средний	средний	средний	высокий

Как показал анализ данных таблицы 3, большинство обследованных групп имеют средний социально-психологический статус. Только у двух групп ВГПУ он имеет повышенный уровень – за счет такой составляющей группового статуса, как уважение группы. На наш взгляд, это объясняется тем, что представители этих групп как свою учебную общность, так и будущую профессиональную деятельность ассоциируют с уважением в обществе к профессии педагога. Безусловно, установление связи уровня социальной идентичности учебных групп с разными социально-психологическими общностями, с одной стороны, и их статуса, с другой, предполагает применение статистических методов. Но для этого требуется выборка большего объема.

Исходя из вышеизложенного, мы можем говорить о том, что апробированные нами методики изучения психологических особенностей группового субъекта «ПАРУС» и «СИГС» демонстрируют у учебных групп разных вузов схожие результаты в отношении феноменов социальной идентичности и социально-психологического статуса группового субъекта, что свидетельствует о перспективности как самого нашего исследования, так и разработки проблемы группового субъекта в целом.

---

¹ Бубнов А. Л., Гайдар К. М. Категория социально-психологического статуса в отечественной и зарубежной психологии в контексте субъектного подхода изучения малых групп // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. – Воронеж : Воронежский ин-т МВД России, 2016. – № 1–3. – С. 95–100.

² Бубнов А. Л., Гайдар К. М. Социальная идентичность и групповая идентичность : возможности понятийной дифференциации // *Молодежь и наука : актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований* : Материалы II Всерос. нац. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Комсомольск-на-Амуре, 8–12 апреля 2019 г. : В 4 ч. / Отв. ред. Э. А. Дмитриев. – Комсомольск-на-Амуре : ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2019. – Ч. 4. – С. 59–62 ; Бубнов А. Л., Гайдар К. М. Феномен статуса как объект социально-психологического исследования // *Вестник научной сессии факультета философии и психологии / Воронежский гос. университет* ; [Отв. ред. Ю. А. Бубнов]. – Воронеж : ИД ВГУ, 2016. – Вып. 17. – С. 122–128 ; Гайдар К. М. Динамика субъектного развития студенческой группы в период обучения в вузе : Дис. ... канд. психол. наук. – Курск, 1994. – 151 с.

³ См. : Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта : монография. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2013. – 396 с.

Г. И. Веденева
РЕАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ВОСПИТАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ
КАЧЕСТВ ОБУЧАЮЩИХСЯ *

Характерной чертой современного воспитания в системе российского образования является его направленность на общечеловеческие и национальные ценности, значимые для отдельно взятого человека, социальной группы, нации, человечества. Разрушение ценностной основы жизни неминуемо ведет к духовному кризису личности и общества. Недоразвитие духовно-нравственной сферы человека делает во многом бесплодной, даже вредной его общественную и профессиональную деятельность.

---

* © Веденева Г. И., 2021.

В целях исследования вопросов воспитания на основе духовно-нравственных ценностей используется аксиологический подход.

В основе аксиологического подхода лежит мысль о том, что ценность – это благо для человечества (Аристотель) и все духовные ценности – нравственны. Прогрессивные идеи педагогики прошлого и настоящего вкупе с велениями сегодняшних реалий актуализируют тему нравственного развития личности на основе общечеловеческих, национальных и личностных ценностей, повышают ее значимость для успешного решения современных проблем образования и общества.

Аксиологический подход способствует выявлению и формированию ценностного отношения к миру. Указанный подход проистекает из принципов гуманистической педагогики, поскольку она рассматривает человека как высшую ценность общества и самцель общественного развития. Педагогическая значимость данного подхода заключается в его возможности введения развивающейся личности в мир ценностей, содержащихся в образовательном пространстве в концентрированном и педагогически обработанном виде, для осмысления и последующего принятия их личностью как руководство к действию.

Поиск ценностей в образовательном процессе и их реализация, что определяется необходимостью утверждения нравственных ценностей общества и следования им в повседневной жизни, представляет собой задачу, решение которой важно на всех ступенях образования, в том числе и в сфере высшего образования.

Профессиональная подготовка обучающихся в условиях современного вуза не ограничивается лишь формированием узкоспециальных знаний в сфере избранной профессии. Она сочетает в себе универсальные профессиональные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» отмечается, что высшее образование имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации¹.

Исследование проблемы подготовки и воспитания высококвалифицированных кадров (бакалавриат, магистратура) на основе аксиологического подхода ориентирует на использование метода моделирования. Моделирование профессиональной подготовки обучающихся на основе аксиологического подхода предполагает объединение всех имеющихся ресурсов образовательного процесса, значимых для развития духовно-нравственной сферы обучающихся, осмысления личностной и общественной ценности избранной ими профессии. В искомой модели использованы ресурсы, представленные в следующих блоках:

- блок «Целеполагание»;
- блок «Формирование ценностного отношения к образованию»;
- блок «Условия формирования ценностного отношения обучающихся к образованию»;
- блок «Ресурсы реализации модели»;
- блок «Диагностический инструментарий по изучению ценностного отношения обучающихся к будущей профессии».

Основным конструктом искомой модели, прежде всего, является блок «Целеполагание», обеспечивающий выдвижение целей и задач профессиональной подготовки обучающихся. Цели и задачи отражаются в нормативных документах по образованию, в образовательных программах образовательных организаций, на каждом учебном и воспитательном занятии.

Важным блоком выступает «Формирование ценностного отношения к образованию». Трудно достичь поставленных целей, если студент выбрал профессию по внешним мотивам, если отсутствует личностный смысл в учебной деятельности, если он не ценит труд преподавателей и тех, с кем обучается в одной группе. Создание благоприятного климата в академической группе, обеспечение установки на восприятие будущей профессии как необходимой и полезной для общества, осознание значимости самосовершенствования в процессе обучения в вузе вкуче являются основой для формирования позитивного отношения к избранной профессии.

Выявление ценностного содержания будущей профессии осуществляется, прежде всего, в процессе учебных дисциплин, формирующих систему убеждений личности, ее жизненной позиции духовно-нравственного развития². Духовно-нравственное раз-

витие и воспитание обучающихся сегодня интегрировано во все предметные области образования.

Знакомство с учеными, внесшими свой вклад в развитие науки, с их исследованиями и открытиями, их целеустремленностью и умением преодолевать трудности имеет воспитывающее влияние на внутренний мир личности, ее чувства и отношения.

Реализация аксиологического подхода в образовательном процессе *основывается на принципе аксиологизации познания*. В педагогике этот принцип «означает преобразование деятельности по нахождению объективной истины в воспитательную деятельность по выявлению в искомой истине духовно-нравственных ценностей общества и педагогически целесообразную их локализацию во внутреннем мире личности»³.

В особенностях профессии, в образовательном процессе, в повседневном общении студентов друг с другом и с преподавателями педагог определяет ценностное содержание всех сфер жизнедеятельности личности. Его реализация диктует необходимость выявления педагогических условий, что включает в себя 3-й блок модели реализации аксиологического подхода в процессе профессиональной подготовки.

Блок «Условия формирования ценностного отношения обучающихся к образованию», отражая связь с целями и задачами профессиональной подготовки, с ценностным содержанием всех сфер студенческой жизни, включает в себя ряд условий по реализации аксиологического подхода. К ним относятся:

- перманентное раскрытие значение профессии для человека, общества;

- осмысление студентами социальной значимости выполняемой деятельности, принятие ее ценностей и их локализация в сознании личности, в ее мотивах и поступках;

- развитие интереса к овладению знаниями и приобщение к научно-исследовательской деятельности, к анализу и синтезу приобретенных знаний в процессе собственного научного поиска;

- единство и согласованность действий профессорско-преподавательского состава в решении задач по подготовке обучающихся к избранной профессии.

Для реализации указанных условий необходимо определить и учесть имеющиеся ресурсы. Блок «Ресурсы реализации модели»

включает дидактические и психолого-педагогические возможности образовательной организации.

Блоком, который замыкает линию всех блоков, является «Диагностический инструментарий по изучению ценностного отношения обучающихся к будущей профессии».

Среди методов, с помощью которых получают информацию о студентах, представляет интерес написание *эссе*. Студентам заочного отделения – будущим педагогам-психологам – на занятиях по педагогике было предложено эссе на тему: «Моя профессия сегодня и завтра», в котором они выражали свое мнение о выбранной профессии.

Авторы эссе обосновывали свой выбор, высказывали суждения о значимости будущей профессии для общества. Так, Аня Л. отмечает: «Как мне кажется, психолог – это, скорее, не профессия, а призвание, так как не каждый человек может им стать. Для меня психолог – это специалист, который работает с душевными переживаниями людей, находит их первопричину и помогает человеку понять, что делать дальше. ...Все это направлено на улучшение качества жизни человека».

О ценностях выбранной профессии читаем в работе студентки Елизаветы М.: «Я очень давно хотела стать психологом, мне было интересно заниматься психологией, а главное, я чувствовала и видела, что окружающие люди прислушиваются к моим советам, что я могу в чем-то убедить человека и помочь ему. Работа психолога интересная, важная, нужная, она побуждает к постоянному самосовершенствованию».

Об особенностях профессии педагога-психолога пишет Елена И. Согласно ее мнению, «быть воспитателем – ответственный тяжелый труд, включающий работу над собой. Но быть психологом – это немного другое. Ты не можешь поссориться с коллегой – ты же психолог, значит должен иметь высокий уровень коммуникативных навыков и толерантность. У тебя не может быть плохой дисциплины на занятиях – ты же психолог, говорят тебе другие, значит должен уметь увлечь не только детей, но и успокоить, заинтересовать. ...Психолог – это стиль жизни».

Метод эссе позволяет получить информацию о внутреннем мире обучающихся, о чувствах и отношениях, их профессиональной и жизненной позиции. Диагностический инструментарий раз-

нообразен, и важно определиться с выбором валидных и надежных методов исследования.

Указанные блоки определяют основные аспекты влияния аксиологического подхода к профессиональной подготовке студентов.

Эффективность представленной модели зависит от:

– успешности выявления взаимосвязей между конструктами, обеспечивающих ее функционирование как целостной системы.

– выявление нравственного содержания всех подструктур педагогической модели;

– изучение различных аспектов влияния аксиологического подхода на повышение эффективности профессиональной подготовки бакалавров;

– подбор и разработка диагностических методик с целью изучения уровня сформированности у студентов ценностного отношения к образовательной деятельности как показателя повышения эффективности профессиональной подготовки бакалавров;

– разработка методических рекомендаций по использованию возможностей аксиологического подхода, обеспечивающих повышение эффективности профессиональной подготовки бакалавров.

Реализации педагогической модели на основе аксиологического подхода нацелена на совершенствование профессиональной подготовки студентов в аспекте становления их духовно-нравственных качеств, востребованных в любом времени и в любом обществе.

---

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся».

² Шиянов Е. Н. Аксиологические основания процесса воспитания // Педагогика. – 2007. – № 10. – С. 33-38.

³ Веденева Г. И. Аксиологизация познания родного края в духовно-нравственном воспитании обучающихся (теоретический аспект): монография. – Воронеж: Воронежский гос. педагогический университет, 2020. – 72 с.

А. В. Воротягин, А. С. Бударин
ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ КАК УСЛОВИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО
СПЕЦИАЛИСТА *

Дисциплинированность, как профессионально-важное и лично-значимое качество современного военного специалиста, формируется в процессе профессионального становления и личного развития курсанта в образовательной среде ведомственного образовательного учреждения.

Замечание Президента В. В. Путина о необходимости подготовки выпускников военных вузов к решению самых сложных задач, сделанное в ходе обсуждения вопросов развития системы военного образования, подчеркивает важность формирования у курсантов способности принимать и соблюдать твердо установленные нормы и правила, определенные спецификой военно-профессиональной деятельности, организации целенаправленного профессионального развития будущего военного специалиста в военном вузе, в том числе за счет использования потенциала его профессионально-личностных качеств, включая дисциплинированность. В свою очередь, такое качество, как дисциплинированность, безусловно, будет способствовать повышению управляемости, и в целом достижению более высокого уровня выполнения военно-профессиональной деятельности и реализации всех способностей и возможностей в выбранной профессии.

Ученые, занимающиеся вопросами профессионального развития современного специалиста, включая военного, отмечают, что офицер должен быть наделен ценностями военно-профессиональной деятельности, профессиональной компетентностью и определенными профессионально-важными качествами (А. В. Белошицкий, Д. В. Мещеряков и др.) для того, чтобы постоянно повышать качество и эффективность выполняемой служебной деятельности.

---

* © Воротягин А. В., Бударин А. С., 2021.

Рассматривая профессионально-важные качества, мы разделяем позицию В. Д. Шадрикова, который интерпретирует данную категорию как «...индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность деятельности и успешность ее освоения»¹.

Дисциплинированность, наряду с мужеством, отвагой, решимостью и другими составляющими системы профессионально-важных качеств личности современного воина (Е. А. Иванов, С. В. Коржев, О. В. Секаева), мы считаем неотъемлемой составляющей и важным условием их профессиональной подготовки и развития в военном вузе.

Профессиональное развитие специалиста проходит «...при наличии определенных условий, обеспечивающих динамику, целостность, ценность, технологичность, продуктивность этого процесса»².

В философском справочнике термин «условие» определяется как зависимость одного от другого; в психологии рассматриваемый термин определен причинами, положительно или отрицательно воздействующими на генезис и результаты любого процесса³.

В рамках исследования интерес представляет интерпретация термина «условие» в педагогике, где феномен «условие» – это совокупность возможных воздействий на всестороннее развитие человека и его личности⁴.

Синтезируя тезисы справочных материалов, феномен «условие» мы в данном контексте определяем как соотношение дисциплинированности (в качестве предмета исследования) с процессом профессионального развития военного специалиста, без которого настоящий процесс «существовать не может».

Теоретический анализ актуальной научной литературы явился основанием формулирования следующего определения дисциплинированности курсантов военного вуза: «...это интегральное качество личности курсанта, которое характеризуется осознанным принятием и соблюдением им твердо установленного порядка, правил, норм и требований воинской деятельности, выступает ориентировочной основой (ориентиром) и регулятором подготовки к предстоящей деятельности офицера и способствует более компетентному выполнению курсантом военно-учебной деятельности»⁵.

На основе дисциплинированности строится управляемость, организованность, профессионализм и профессиональные компетентности будущих военнослужащих, что будет способствовать повышению качества выполнения служебных задач в соответствии с их предназначением.

Согласно Э. Ф. Зееру, профессиональное развитие – это процесс, ориентированный на высокий уровень достижений специалиста в профессиональной деятельности, субъектом которой он выступает. Настоящий процесс детерминирован, наряду с профессиональной направленностью, профессиональной компетентностью, определенными профессионально-важными качествами, среди которых мы выделяем дисциплинированность офицера⁶.

Профессиональное и личностное развитие курсанта в период обучения в военном-образовательном учреждении – это многокомпонентный процесс индивидуализированного формирования совокупности устойчивых качеств личности, обуславливающих успешное профессиональное становление и личностный рост будущего офицера. Данный процесс предполагает формирование у курсанта положительной мотивации и ценностных ориентаций, ответственного отношения к предстоящей военной службе, а также способствует формированию профессиональных компетенций военного специалиста, предусмотренных ФГОС по специальности 25.05.03 «Техническая эксплуатация транспортного радиооборудования»⁷.

Выступая условием профессионального развития курсанта – будущего военного специалиста, дисциплинированность выполняет роль ориентировочной основы (ориентира) и регулятора его подготовки к предстоящей деятельности офицера и способствует более компетентному выполнению курсантом военно-учебной деятельности в процессе его профессионального и личностного становления.

Это также процесс, в ходе которого поведение приводится к эталонам, государственным стандартам и способствует достижению более высоких результатов профессиональной деятельности.

Успешное профессиональное развитие военного специалиста не может проходить стихийно и требует специально созданных условий, одним из которых, мы считаем, сформированность у него дисциплинированности.

Проявляясь в осознанном принятии, поддержании и соблюдении твердо установленного порядка, правил, норм и требований учебной и служебной деятельности, дисциплинированность выступает условием, способствующим достижению будущим военным специалистом поступательного развивающего эффекта в профессиональном становлении.

---

¹ Шадриков В. Д. Деятельность и способности. – Москва : Логос, 1994. – 320 с.

² Абдалина Л. В. Профессионализм педагога: психолого-акмеологическая модель развития в системе повышения квалификации : учебное пособие. – Воронеж : ЦНТИ, 2010. – 208 с.

³ Немов Р. С. Психология : словарь-справочник : В 2 ч. – Москва : Владос-Пресс, 2003. – Ч. 2. – 352 с.

⁴ Подласый И. П. Педагогика : 100 вопросов – 100 ответов : Учеб. пособие для студентов вузов. – Москва : Владос-Пресс, 2001. – 368 с.

⁵ Воротягин А. В. Некоторые аспекты изучения дисциплинированности курсантов военного вуза // Инновационные исследования как локомотив развития современной науки : от теоретических парадигм к практике : Электронный сборник научных статей по материалам XXVIII Междунар. научно-практ. конф. – Москва : НИЦ МИСИ. – 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://conference-nicmisi.ru/innovatsionnye-issledovaniya-kak-lokomotiv-razvitiya-sovremennoj-nauki-ot-teoreticheskikh-paradigm-k-praktike.html> (дата обращения : 10.08.2021)

⁶ Психология профессионального развития: методология, теория, практика: коллективная монография / Э. Ф. Зеер [и др.]; Под ред. Э. Ф. Зеера. – Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2011. – С. 151–157.

⁷ ФГОС ВО по направлению подготовки 25.05.03 Техническая эксплуатация транспортного радиооборудования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvospec/250503.pdf> (дата обращения : 03.07.2021)

В. В. Ермолаев
СВЯЗЬ СОГЛАСОВАННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С УРОВНЕМ
УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СЛУЖБОЙ *

Постановка проблемы и теоретические основы исследования

Органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ), как и любая организация, стремящаяся добиться успеха в долгосрочной перспективе, в условиях современных кардинальных изменений, происходящих в обществе, обязана грамотно управлять своей организационной культурой. Вместе с тем, темпы повышения эффективности работы полиции свидетельствуют о пробуксовке взятого курса на организационно-структурные преобразования и нарастающей проблеме использования организационной культуры, как ресурса формирования нового правоохранительного института, который должен качественно изменить и улучшить оперативно-розыскную деятельность, обеспечить защиту их прав и законных интересов граждан. Более того, в этих условиях в ОВД сохраняется сложная ситуация с комплектованием подразделений высококвалифицированными сотрудниками, умеющими создать атмосферу безопасности для граждан при сложной практике правоприменения.

Все компоненты организационной культуры, так, или иначе, оказывают влияние на эффективность организационной деятельности, но по мнению Л. Н. Аксеновской, организационные ценности являются ядром организационной культуры: «в достаточно пестром списке характеристик, как правило, лидирует понятие "ценности"»¹. Организационные ценности могут быть представлены признающимися членами организации предметами, явлениями, способами удовлетворения потребностей, а также разделяемые членами организации убеждениями по поводу путей и средств достижения целей. Поэтому, научно обоснованным является факт, что высокая удовлетворенность сотрудников своей работой способствуют по-

---

* © Ермолаев В. В., 2021.

вышению эффективности деятельности всей организации. Однако, как указывает Д. А. Боровиков, сотрудник, работая в организации, может принять все ценности организации, может принять часть из них, может не принять их совсем, что несомненно влияет не только на его поведение, но и на эффективность организации в целом². В связи с этим, М. В. Крымчанинова подчеркивает, что для повышения эффективности работы организации важно, чтобы человек мог приспособиться к предъявляемым организационно-культурным требованиям: «если ценности, цели и др. соответствуют его мировоззрению, то индивид идентифицирует себя с этой организацией... становится сотрудником в полном смысле этого слова, частью и элементом системы, а также эффективно осуществляет трудовую деятельность. В противном случае он будет вытеснен из нее насильно, либо примет решение о смене вида деятельности»³.

Полагаем, что этот аспект приобретает особую значимость. С одной стороны, на фоне роста увольнений из ОВД из-за несоответствия уровня зарплаты и напряженного характера службы, системных переработок и неясностью для сотрудников их карьерных перспектив, увеличивается штатный некомплект кадров с 6 до 10%⁴. С другой – наблюдается тенденция к запаздыванию ответов Министерства внутренних дел на нарастающие вызовы к развитию организационной культуры ОВД, отсутствие значительного прогресса в достижении основных организационных целей⁵. Данная тенденция определила цель нашего исследования – выявление связи индивидуальных и организационных ценностей с уровнем удовлетворенности службой сотрудников полиции.

Предметом исследования выступила связь согласованности индивидуальных и организационных ценностей с удовлетворенностью профессиональной службой сотрудников ОВД. Гипотезой исследования выступило предположение о наличии связи между согласованностью индивидуальных и организационных ценностей полицейских с их уровнем удовлетворенности службой в ОВД.

В целях преодоления некоторых различий в трактовке эмпирически исследуемых феноменов, мы будем рассматривать:

– индивидуальные ценности, как базовые представления о том, что определенные идеи, цели, формы поведения являются индивидуально или социально предпочтительнее иных идей, целей, форм поведения, несущие в себе нравственные представления ин-

дива о том, что является правильным, положительным или желательным, а также важным и стоящим;

– организационные ценности, как разделяемые членами организации убеждения по поводу организационных целей и тех ведущих к ним основных путей и средств, которое признаются в качестве таковых большинством членов организации;

– удовлетворенность службой, как позитивное эмоционально-оценочное отношение к профессиональной деятельности, ее компонентам.

Выборку исследования составили 106 мужчин и женщин – сотрудников ОВД по УВД Липецкой области и ГУВД по Воронежской области в возрасте от 24 до 50 лет. Все сотрудники полиции, составившие выборку на момент исследования, имели стаж службы в своих подразделениях более 1 года.

Методика исследования

В исследовании использовался следующий комплекс методик:

1. Опросник индивидуальных ценностей С. Шварца, адаптированный В. Н. Карандашевым.

2. Методика цветowych метафор И. Л. Соломина.

3. Модифицированная методика Л. Сакса и В. Леви «Незаконченные предложения»⁶.

Для определения тесноты связи индивидуальных, организационных ценностей и удовлетворенности службой сотрудников ОВД был использован коэффициент корреляции Ч. Спирмена. Обработка данных проводилась с использованием пакетов многомерной статистики SPSS 10.0, Statistica 5.0 и Excel for Windows.

Анализ и обсуждение результатов

Анализ и интерпретацию результатов, полученных в ходе эмпирического исследования, начнем с описания общих тенденций полученных по всем используемым методикам, переходя от общих моментов к более частным.

Представленные в таблице 1 показатели индивидуальных ценностей сотрудников ОВД упорядочены по возрастанию среднего значения.

Таблица 1

Выраженность индивидуальных ценностей сотрудников ОВД

Ме-сто	Ценности-цели	Ср. знач	Ст. откл	Ценности-средства	Ср. знач	Ст. откл
I	Безопасность	5,18	1,03	Самостоятельность	2,46	0,75
II	Конформность	4,48	4,64	Безопасность	2,42	0,76
III	Доброта	4,6	0,99	Доброта	2,31	0,73
IV	Достижения	4,23	1,25	Конформность	2,06	0,78
V	Самостоятельность	4,15	0,94	Универсализм	2,05	0,95
VI	Универсализм	3,77	1,14	Достижения	1,69	0,96
VII	Власть	3,17	1,32	Традиции	1,32	0,72
VIII	Традиции	2,96	1,14	Стимуляция	1,15	0,87
IX	Гедонизм	2,68	1,59	Власть	0,99	0,94
X	Стимуляция	1,97	1,26	Гедонизм	0,98	1,05

С целью более детального изучения наиболее значимых индивидуальных ценностей, были рассмотрены значения всех ценностей, отдельно по преобладанию каждой из ценностей в иерархии ценностей-целей сотрудников ОВД. Данные свидетельствуют о приоритетных ценностях для сотрудников: «безопасности» и возможности «достижения».

Для изучения организационных ценностей мы использовали опросник С. Шварца. В качестве экспертов, оценивающих организационные ценности, выступили сотрудники ОВД, работающие в организации не менее 5 лет и являющиеся лидерами в своих служебных коллективах.

В результате получили усредненный профиль организационных ценностей сотрудников ОВД, упорядоченный по убыванию средних значений. Выраженность организационных ценностей представлена в таблице 2.

Таблица 2

Выраженность организационных ценностей сотрудников ОВД

Место	Ценности-цели	Ср. знач	Ст. откл
I	Достижения	5,04	0,93
II	Безопасность	4,8	1,24
III	Конформность	4,71	1,29
IV	Доброта	4,63	0,85
V	Самостоятельность	4,3	0,92
VI	Власть	4,18	1,1
VII	Универсализм	3,5	1,33
VIII	Традиции	3,08	0,99
IX	Стимуляция	3,0	0,89
X	Гедонизм	1,23	1,06

Данные свидетельствуют, что среди организационных ценностей в качестве приоритетных выделяются: «достижения» «безопасность» и «конформность». Примечательно, что среди менее важных феноменов и явлений для организационного развития сотрудники указали традиции ОВД – один из важнейших компонентов организационной культуры.

На следующем этапе исследования сотрудников ОВД были проанализированы данные уровня удовлетворенности сотрудников ОВД своей службой, профессиональной деятельностью, которые были получены с помощью методики цветowych метафор И. Л. Соломина. Высокий уровень удовлетворенности сотрудников служебной деятельностью выявлен у 17% полицейских, средний – у 63,5%, низкий – у 19,5%.

С целью выявления тесноты связи между индивидуальными и организационными ценностями сотрудников ОВД нами был проведен корреляционный анализ на основе рангового коэффициента корреляции Ч. Спирмена, который показал значимые корреляционные связи у 51% сотрудников ($p \leq 0,01$; $p \leq 0,05$).

Для изучения связи индивидуальных и организационных ценностей с удовлетворенностью профессиональной деятельностью использовался ранговый критерий корреляции Ч. Спирмена. Данные корреляционной связи между показателями разности средних значений индивидуальных и организационных ценностей и показателей удовлетворенности служебной деятельностью представлены в таблице 3.

Таблица 3
Связь индивидуальных и организационных ценностей с удовлетворенностью службой сотрудников ОВД

Ценности	r	p ≤ 0,05	p ≤ 0,01	Связь
Конформность	-0,523		+	+
Традиции	-0,018			-
Доброта	0,013			-
Универсализм	-0,154			-
Самостоятельность	0,295	+		+
Стимуляция	-0,03			-
Гедонизм	0,347		+	+
Достижения	-0,296	+		+
Власть	-0,231			-
Безопасность	0,181			-

Выводы

1. Существует связь между согласованностью индивидуальных и организационных ценностей и удовлетворенностью служебной деятельностью сотрудников ОВД.

2. Показатели согласованности индивидуальных и организационных ценностей сотрудников ОВД показывают, что убеждения в важности организационных целей и основных средств их достижения признаются минимальным большинством полицейских, составивших выборку.

3. Согласованность индивидуальных и организационных ценностей сотрудников ОВД представляет собой значимый ресурс для управления организационной культурой и требует к нему вни-

мания руководства МВД для успешного проведения организационных изменений.

---

¹ Аксеновская Л. Н. Ордерная модель организационной культуры: монография. – Москва : Академический Проспект : Трикта, 2007. – С. 40.

² Боровиков Д. А. Взаимосвязь образа организационной культуры и поведения эффективных работников : Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2006. – 27 с.

³ Крымчанинова М. В. Образ организации как фактор воздействия на корпоративную культуру : Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва : Изд-во МГУ, 2004. – 25 с.

⁴ Профсоюз полицейских бьет тревогу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ura.news/articles/1036279748> от 24.02.2020 (Дата обращения : 08.08.2021).

⁵ Ермолаев В. В. Управление организационной культурой органов внутренних дел : социально-психологические вызовы к трансформации : монография. – Москва : Спутник+, 2015. – 273 с.

⁶ Кравцова Ю. А., Ермолаев В. В. Методы изучения организационной культуры в высших образовательных учреждениях МВД России : Учебно-методическое пособие. – Воронеж : Воронежский ин-т МВД России, 2008. – 124 с.

И. В. Завгородняя
СОВРЕМЕННОЕ РОДИТЕЛЬСТВО:
ОТ МАТЕРИНСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ
К «ВЕРТОЛЕТНОМУ» МАТЕРИНСТВУ *

В настоящее время возрастает интерес к изменениям, характерным для современной семьи, и в частности для родительства – малодетность семьи, значительное снижение стабильности семьи, ослабление воспитательной роли отцов, а также другие явления и их причины привлекают особое внимание к данной сфере человеческой жизни. На сегодняшний день особую актуальность приобретает проблема формирования осознанного родительства. Отдель-

---

* © Завгородняя И. В., 2021.

ную значимость в этом процессе имеет адекватность представлений о функциях, обязанностях, ценностях, поведении родителя.

Междисциплинарные исследования родительства как социокультурного феномена свидетельствуют о том, что формы взаимодействия родителя и ребенка меняются в зависимости от исторического периода развития общества. Динамика родительского, в частности материнского отношения, с одной стороны, отражает позицию матери во взаимодействии с ребенком, исходя из ее ценностей, ожиданий и установок, а с другой стороны, оказывает значительное влияние на формирующуюся личность ребенка.

В середине XX века внимание ученых начинает привлекать феномен материнской депривации. Одной из первых работ в данной области является труд Р. А. Шпица «Госпитализм», который был опубликован в 1945 году. Продолжением научных исследований материнской депривации является работа Дж. Боулби «Материнская забота и психическое здоровье», вышедшая в 1951 году.

Работы Р. А. Шпица¹ позволили установить, что неудовлетворительные отношения между мамой и ребенком являются патогенными и делятся две на группы:

1) неправильные отношения между матерью и ребенком (качественный или психотоксический фактор): мать не может предоставить ребенку правильных отношений или особенности ее личности вынуждают мать нарушать нормальные отношения с ребенком. В этом случае личность матери действует как возбудитель болезни;

2) недостаточные отношения между матерью и ребенком (количественный фактор или фактор недостаточности): лишение ребенка на первом году жизни объектных отношений – наиболее вредный фактор, приводящий к серьезным эмоциональным отклонениям. Ранние отношения матери и ребенка – необходимы для выживания ребенка. При их отсутствии ребенок лишается источника либидо.

Обе группы патогенных отношений между матерью и ребенком приводят к появлению у последнего эмоциональной депривации. Эмоциональная депривация – (англ. *deprivation* – лишение, утрата) – это психоэмоциональное состояние, которое возникает из-за ограничения или продолжительного лишения возможности удовлетворения психологических базовых потребностей человека.

В своих исследованиях Дж. Боулби² подчеркивал, что ребенок в раннем возрасте должен находиться в атмосфере эмоционального принятия и теплоты, быть психологически привязан к матери или к лицу, замещающему ее. Согласно автору, потребность в привязанности у человека является первичной и проявляется в желании быть принятым и принадлежать кому-то.

Если данная потребность у ребенка удовлетворяется во взаимоотношениях с матерью, то у него формируется ощущение защищенности и базовое доверие. Они становятся надежным фундаментом, на котором вырастает здоровая уверенность ребенка в себе и развивается сильное Я.

В случае неудовлетворения данной потребности у ребенка возникает материнская (эмоциональная) депривация, которая негативно влияет на психическое развитие ребенка в целом, а также отрицательно отражается на его соматическом состоянии.

Материнская (эмоциональная) депривация может быть частичной или полной. Частичная эмоциональная депривация возникает в ситуации лишения ребенка материнской заботы по причине того, что мать не справляется со своей ролью, хотя постоянно присутствует в жизни ребенка (ребенок вместо любви встречает неприятие); а также мать практически отсутствует до 1 года ребенка на период более 1 месяца по причине болезни, отъезда, в том числе и в случае помещения ребенка в детское учреждение без матери.

Полная материнская (эмоциональная) депривация возникает в ситуации отсутствия матери в случае ее смерти, болезни, оставления, разлучения или помещения в детское учреждение ребенка в раннем детстве, а также лишения ребенка до 1 года жизни любых объектных отношений на период, превышающий 5 месяцев. В этом случае психическое состояние младенца становится практически необратимым. Это проявляется в расстройстве эмоционального функционирования ребенка, его реакций и социальных отношений. Крайним проявлением негативных последствий депривации становится госпитализм.

В работах Р. Шпица, Дж. Боулби и других авторов материнская депривация рассматривалась как основная причина тяжелого и необратимого состояния ребенка, которое приводило к формированию специфического типа личности, характерного для воспитанника детского приюта. Дети, лишённые материнского принятия, ха-

рактизовались повышенной жестокостью, агрессивностью, отсутствием социально-этических норм в поведении. Это подчеркивало ключевую роль матери или лица, ее заменяющего, в психическом развитии ребенка.

Во второй половине XX века вектор исследовательского внимания смещается в противоположную от материнской депривации сторону. Зарубежные исследователи (Х. Шифрин и М. Лисс)³ отмечают наличие сверх включенного стиля родительства («overparenting»), синонимом которого стали понятия гипервключенного, чрезмерного, интенсивного родительства, гиперопеки или «вертолетного родительства». Впервые такой тип родительства описала Ш. Хейз в 1996 году в своей книге о преобразовании материнской роли. Автор определила черты «интенсивной матери», считающей, что добиться нужных результатов в эмоциональном, социокультурными когнитивном развитии ребенка можно только постоянным вниманием, «интенсивной вовлеченностью» и интеллектуальной стимуляцией.

«Вертолетное родительство» (сверхвключенный стиль воспитания) – это практика чрезмерной родительской опеки, при которой родители проявляют повышенное участие в жизни своих детей, применяют неподходящие и малоадаптивные для данной стадии развития тактики воспитания и не учитывают положенную для конкретного возраста степень автономии ребенка.

Сверхвключенный стиль воспитания занимает отдельное место среди традиционно выделяемых стилей родительства. При этом он включает себя характеристики каждого из традиционно выделяемых стилей родительства. В сверхвключенном стиле родительства присутствует наличие жестких ограничений и правил на фоне ограничений автономности ребенка, а также преследование родителями своих целей как при авторитарном стиле. При этом наблюдается выражение любви и поддержки, гордости за успехи детей как при авторитетном стиле. В то же время сверхвключенный стиль родительства характеризуется низким уровнем спроса, но повышенной чувствительностью к потребностям ребенка как при либеральном стиле воспитания.

Повышенная включенность родителя может быть полезной и адаптивной в малых дозах, но, при ее избыточности становится разрушительной для развития ребенка. *Влияние сверхвключенного*

стиля воспитания на развитие ребенка имеет ряд негативных последствий:

1) *ограничение развития* социальных и интеллектуальных способностей ребенка;

2) *формирование у него несамостоятельности* в принятии решений и в своих действиях;

3) *повышенная мотивация избегания неудачи* приводит к развитию неадаптивного перфекционизма из-за неспособности к самоопределению и ориентации исключительно на внешние, навязанные цели;

4) *возникают проблемы эмоциональной регуляции у ребенка.* Такое воспитание связывается с депрессией и тревогой, использованием неэффективных копинг-стратегий (замыкание в себе, «дистанцирование» и «интернализация», и повышенный интерес к рискованному поведению);

Итогом «вертолетного родительства» становится нарушение нормального психосоциального развития взрослеющего человека. Действия родителей, пытающихся оградить ребенка от проблем и взять на себя всю ответственность, приводят к совершенно противоположному эффекту.

На фоне широкой распространенности детоцентрической ориентации и тенденции к усилению родительской вовлеченности в процесс развития ребенка в последнее время возрастает исследовательский интерес к феноменам родительского стресса⁴, в частности материнского стресса, и эмоционального выгорания матери⁵.

Родительский стресс представляет собой психологическое состояние, проявляющееся в повышенной раздражительности, преобладании негативных эмоций, инсомнии, сниженной способности противостоять внешним факторам, обусловленных несоответствием родителя требованиям осуществления заботы о детях. Родительский стресс, как правило, связан с большой родительской ответственностью за ребенка и недостаточной способностью ребенка к самообслуживанию.

Материнский стресс как частный вариант родительского стресса связан с установками на «чрезмерное родительство» и отражает опыт собственных детско-родительских отношений матери. Согласно данным Л. В. Петрановской и Е. Ю. Чеботаревой⁶ выраженность и содержательные характеристики родительского стресса

отличаются у матерей с разными стилями привязанности к близким людям. Самый высокий уровень родительского стресса выявлен у матерей с тревожно-избегающим стилем привязанности. В случае преобладания избегающего стиля привязанности родительский стресс матери повышается за счет трудностей получения удовольствия при взаимодействии с ребенком. Если более выражен тревожный стиль привязанности, то повышенный уровень родительского стресса связан с требованиями родительской роли, которой стремиться соответствовать мать. Авторы подчеркивают, что матери с надежным стилем привязанности менее подвержены родительскому стрессу по сравнению с матерями с ненадежной привязанностью.

При этом установлено, что уровень родительского стресса снижается с возрастом матери, чему, скорее всего, способствует приобретаемый ею опыт. Снижение родительского стресса также прослеживается, начиная с четвертого ребенка в семье, что может объясняться личностными особенностями матери, решающейся на данное количество детей.

Уровень родительского стресса связан с брачным статусом матери. Наиболее низкий уровень родительского стресса установлен у матерей, не состоящих в браке, а самый высокий – у разведенных.

Родительский стресс может приводить к эмоциональному выгоранию матери. Исследование Г. Г. Филипповой данного подчеркивает наличие в его основе многофакторного внутриличностного конфликта, отражающего невозможность сочетания противоречивых стремлений, имеющих социальную обусловленность. Современное общество одновременно требует от женщины профессиональной, а также личностной самореализации и сосредоточенности на ребенке, что входит в представление о «хорошей матери». В сложившихся условиях стремление соответствовать противоположным общественным требованиям на фоне недостаточной внутренней родительской мотивации приводит к истощению ресурсов матери, невозможности получать удовольствие от материнской деятельности.

Спецификой эмоционального выгорания матери, как подчеркивает Г. Г. Филиппова, является то, что отклонение от идеального материнского образа переживается женщиной не просто как опре-

деленная профессиональная, а как собственная личностная несостоятельность. Переживание последней осложняется тем, что она расценивается как предательство по отношению к своему реальному ребенку, своему внутреннему ребенку и своему внутреннему родителю.

В целом, общественное развитие последнего времени на фоне утвердившейся детоцентрической ориентации ставит перед современными родителями задачу формирования осознанного родительства и адекватного взаимодействия с ребенком. Если материнская депривация остается на территории девиантного материнства и не вызывает сомнений в ее негативных последствиях, то стремление соответствовать образу «хорошей матери» может приводить к обратному эффекту. Он проявляется в чрезмерных психоэмоциональных нагрузках, переживаемых матерью, и подталкивающих ее к использованию различных психологических защит от родительского стресса и/или эмоционального выгорания. «Вертолетное материнство» может представлять собой одну из разновидностей психологической защиты, которая имеет тенденцию закрепления в современном обществе.

Однако личностные особенности детей, формирующихся в условиях чрезмерной родительской вовлеченности, могут создавать препятствия для последующего собственного осознанного и адекватного родительства подрастающего поколения.

---

¹ Шпиц Р. Первый год жизни. – Москва : Академический Проект, 2006. – 352 с.

² Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – Москва : Академический Проект, 2006. – 232 с.

³ Прохорова А. А., Филиппова Е. В. Зарубежные исследования сверхвключенного типа родительства («overparenting») // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти Л. Ф. Обухова) «Возможности и риски цифровой среды». Сб. материалов конференции (тезисов) / ред. Т. А. Басилова и др. – Москва : Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. – Т. 2. – С. 319–321.

⁴ Николаева И. А., Овчарова Р. В. Основные направления исследований родительской толерантности // Вестник Курганского гос. университета. – 2018. – № 1 (48). Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye>

---

napravleniya-issledovaniy-roditelskoy-tolerantnosti (дата обращения : 09.08.2021)

⁵ Филиппова Г. Г. Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии // Антология Российской психотерапии и психологии. Сетевое научно-практическое издание. Материалы итогового международного конгресса «Возможности психотерапии, психологии и консультирования в сохранении и развитии здоровья и благополучия человека, семьи и общества». Москва, 12–15 окт. 2017 г. – Москва, 2017. – С. 154–159.

⁶ Петрановская Л. В., Чеботарева Е. Ю. Родительский стресс российских матерей и его связь со стилем привязанности // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти Л. Ф. Обуховой) «Возможности и риски цифровой среды». Сб. материалов конференции (тезисов) / Ред. Т. А. Баилова и др. – Москва : Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. – Т. 2. – С. 306–310.

Ю. А. Королькова, Л. А. Кунаковская **ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ** **ДЕФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГОВ ***

Анализ теории и педагогической практики позволяет констатировать необходимость изучения проявлений у педагогов профессиональных деформаций, наличия «синдрома эмоционального выгорания», которые являются следствием внутренней опустошенности, духовного и физического напряжения и переутомления в профессиональной деятельности. Актуальность исследования связана с тем, что деструктивные явления можно наблюдать как в мотивационной сфере личности (конфликты, чрезмерная эмоциональность или ее отсутствие, отсутствие личностных смыслов и ориентиров), так и в сфере деятельности (отсутствие желания обновлять и обогащать свои технологические и коммуникативные компетенции).

Наше эмпирическое исследование было направлено на выявление особенностей профессиональных деформаций воспитателей, учителей. В ходе исследования были опрошены 6941 педагогов Воронеж-

---

* © Королькова Ю. А., Кунаковская Л. А., 2021.

ской области.. Возраст респондентов – от 18 до 80 лет, стаж – от года до 57 лет. Обработка результатов проходила в программе «Microsoft Excel». Полученные результаты в период проведения анкетирования – с 18 февраля по 4 марта 2021 года.

По результатам диагностики по методике «Диагностика уровня профессионального выгорания педагогов» К Маслач, С. Джексон (в адаптации Н. Е. Водопьяновой) можно констатировать, что у педагогов Воронежской области преобладает средний уровень профессионального выгорания, который зафиксирован у 64% опрошенных.

Низкий уровень выгорания преобладает у 19% респондентов.

Высокий уровень выгорания зафиксирован у 16%, крайне высокий уровень – у 1%.

Крайне низкий уровень выгорания составил 0%.

В данной статье представлены результаты диагностики по методике «Есть ли у вас риск профессионального выгорания» А. Е. Андреевой. Определено количество педагогов с определенным уровнем риска профессионального выгорания, неудовлетворенных определенными критериями: зарплата (4681 чел.), удовлетворенность результатами деятельности (2090 чел.), оценка моей деятельности значимыми для меня людьми (1282 чел.), удовлетворенность эмоциональным климатом (2016 чел.), удовлетворение принадлежностью к профессиональному сообществу (1428 чел.), соответствие профессии моим ценностям (880 чел.).

Для улучшения качества анализа результатов эмпирического исследования респонденты были дифференцированы на группы : городские округа – сельские поселения; средние общеобразовательные учреждения – дошкольные учреждения; мужчины – женщины, возраст (до 25 лет; от 26 до 45 лет; от 46 до 80 лет); стаж (менее 20 лет; более 20 лет). После обработки результатов по каждому из этих оснований были приведены итоговые данные.

По итогам эмпирического исследования мы пришли к выводу о том, что у педагогов Воронежской области на период февраль–март 2021 года выявлен средний уровень профессионального выгорания (по опроснику для диагностики профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой), а также выявлен высокий уровень риска профессионального выгорания (по мини-опроснику «Есть ли у Вас риск профессионального

выгорания» (А. Е. Андреева) в частности из-за неудовлетворенности педагогов Воронежской области (по степени убывания):

- I. Зарплатой;
- II. Результатами деятельности;
- III. Эмоциональным климатом;
- IV. Принадлежностью к профессиональному сообществу;
- V. Оценкой деятельности значимыми людьми;
- VI. Соответствием профессии ценностям.

Таким образом, на основе проведенного эмпирического исследования можно заключить, что особых различий по результатам обозначенных методик у педагогов разного возраста и с различным стажем работы нами не обнаружено.

Стаж и возраст не являются значимыми факторами позитивного существования в профессии.

Однако мы убедились в том, что существует связь между:

1) уровнем деструктивных установок и профессиональным выгоранием, а именно: чем выше уровень деструктивных установок, тем выше показатели профессионального выгорания;

2) неудовлетворенностью определенными критериями профессиональной деятельности и риском профессионального выгорания: чем менее педагог удовлетворен своей профессиональной деятельностью, тем больше у него риск профессионального выгорания.

Основными показателями, по которым был проведен корреляционный анализ, являлись следующие:

1. Пять показателей по методике «опросник для диагностики профессионального "выгорания" (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой)»:

- 1) средние значения уровня выгорания (4410);
- 2) низкие значения уровня выгорания (1312);
- 3) высокие значения уровня выгорания (1141);
- 4) крайне высокие значения уровня выгорания (57).
- 5) крайне низкие значения уровня выгорания (21);

2. Пять показателей по методике «мини-опросник «Есть ли у Вас риск профессионального выгорания» (А. Е. Андреева):

- 1) зарплата и удовлетворенность результатами деятельности (1783);
- 2) зарплата, удовлетворенность результатами деятельности и оценка моей деятельности значимым для меня людьми (867);

3) зарплата, удовлетворенность результатами деятельности, оценка моей деятельности значимым для меня людьми, удовлетворенность эмоциональным климатом (646);

4) зарплата, удовлетворенность результатами деятельности, оценка моей деятельности значимым для меня людьми, удовлетворенность эмоциональным климатом, удовлетворение принадлежностью к профессиональному (503);

5) зарплата, удовлетворенность результатами деятельности, оценка моей деятельности значимым для меня людьми, удовлетворенность эмоциональным климатом, удовлетворение принадлежностью к профессиональному; соответствие профессии мои ценностям (320).

В ходе обработки полученных данных по указанным методикам был проведен корреляционный анализ. Полученная величина свидетельствует о том, что фактор x существенно влияет на y , соответственно, взаимосвязь основных показателей двух использованных методик. Данный результат корреляционного анализа был подтвержден результатом повторного корреляционного анализа, проведенного с использованием Пакета анализа MS Excel, который позволяет рассчитать корреляцию Пирсона.

В MS Excel результат корреляционного анализа составил 0,988638642, что подтверждает доказанную ранее взаимосвязь основных показателей двух использованных методик: методики «Опросник для диагностики профессионального "выгорания" (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой)» и методики «Мини-опросник "Есть ли у Вас риск профессионального выгорания"» (А. Е. Андреева)» для всей выборки.

Таким образом, зависимость полученных результатов по первой методике от показателей по второй методике подтверждается. Следовательно, обнаружена связь между влиянием показателей уровня риска профессионального выгорания на показатели уровня профессионального выгорания: чем выше уровень риска профессионального выгорания, выявленные по второй методике, тем выше уровень самого профессионального выгорания, выявленные по первой методике.

Проведенное эмпирическое исследование конкретизирует имеющиеся научные представления о феномене профессиональных деструкций педагогов, требует дальнейшего уточнения содержания

и коррекции на уровне деятельности педагога-психолога образовательной организации, административного регулирования и рефлексивного осмысления самим педагогом.

О. П. Макушина **ПСИХОЛОГИЯ ПРАЗДНИКА: ОТДЫХ ИЛИ НЕВРОЗ? ***

Вопрос о значении праздников в жизни человека не так прост, как может казаться. На первый взгляд, праздник – это однозначно положительный феномен в жизни людей, который ассоциируется у многих с приятными эмоциями, отдыхом, расслаблением или яркими переживаниями. Как правило, человек ждет предстоящего праздника, предвкушает события, с ним связанные, с удовольствием планирует собственную активность на время отдыха, будь то отпуск, каникулы или «красный день календаря». Но наступает долгожданное время, и часто человек сталкивается с разочарованием: нет такого бурного накала страстей, как ожидалось, не нахлынула радость мощным комом, нет всего того волшебного и нереального переживания счастья, которое так планировалось. Вместо этого стресс, подавленность, напряжение. Праздник, на который накладывались столь приятные ожидания, оказался безнадежно испорченным.

Статистические данные свидетельствуют о том, что именно на период длительных общественных праздников (новогодние каникулы, майские праздники) приходится резкий всплеск количества суицидов, обострения психических заболеваний, особенно связанных с расстройствами настроения и эмоционального фона (депрессии и др.). Именно после праздников увеличивается количество заявлений о разводе и фактических расставаний. Особенно это касается новогодних каникул – многие психологи называют январь самым депрессивным месяцем в году. Почему такое происходит?

На самом деле сама психологическая суть праздника не так однозначна, а в дополнение к нереалистичным ожиданиям, подпи-

---

* © Макушина О. П., 2021.

таннным детскими фантазиями и воспоминаниями, а также на фоне, как видится человеку, безудержного веселья окружающих, период праздника становится достаточно тяжелым временем и подчас серьезным испытанием для некоторых людей.

Что же такое праздник? С социальной точки зрения это инструмент сплочения населения, особенно, если речь идет о массовых праздниках, которые отмечает вся страна. С экономической позиции это стимул для развития производства, торговли, транспорта, т.е. мощный катализатор роста индустрии. А чем является праздник для человеческой психики с точки зрения психологии?

З. Фрейд в 1912 г. в своей работе «Тотем и табу» указал на амбивалентную природу праздника, указывая, что современные праздники берут свое начало в первобытном обществе, когда празднества совпадали с жертвоприношениями и ни один из праздников не обходился без жертвоприношений¹. Жертвоприношение означало возвышение над собственным Я и возможность соединиться с божеством, с принесенным в жертву тотемом. Данное переживание не могло не вызывать радости и эйфории: это возможность почувствовать себя свободным, всесильным, превзойти прежние ограничения и запреты. Однако при всем при этом оставалась и естественная горечь от совершенного убийства этого тотемного животного, скорбь от потери. Поэтому противоречивая природа самого праздника, его амбивалентность заложена с самого начала его существования: одновременная горечь и радость. Радость возникала, в первую очередь, от возможности нарушения запретов, а не от каких-то внешних источников веселья и хорошего настроения. То есть праздник – это не состояния безграничного счастья и эйфории, не понятно откуда нахлынувших, а это разрешенное торжественное нарушение табу и ограничений, которые существуют в обычной жизни. А разрешение это дается именно фактом убийства тотема. Поэтому суть праздника – это радость от возможности убить божество и одновременное его оплакивание, а состояние человека во время праздника является заложником этой амбивалентности и при всей интенсивности переживаемой радости не может быть свободным от горечи, скорби и, возможно, вины. Почему жаль убивать тотема? Возвращаясь к идеям З. Фрейда, следует отметить, что бессознательно тотемное божество ассоцииру-

ется с фигурой отца, которая обладает властью и возможностями накладывать запреты и ограничения для ребенка.

Поэтому если спроецировать это состояние первобытного человека на современность, то становятся вполне понятными и естественными чувства человека, отправляющегося в отпуск, – наряду с предвкушением радости еще и раздражение, беспокойство и напряжение; состояние человека в период новогодних праздников – надежда на чудо и не понятно откуда возникающая тоска; переживания именинника в день рождения – желание обновления и одновременная тревога, граничащая со страхом смерти. Праздник, несущий в себе идею радости, также априори, на уровне исторической памяти, содержит переживания вины и скорби. Эта противоречивость может подавляться, а может выступать основой серьезных изменений в состоянии человека.

В 1919 г. Ш. Ференци выделил феномен «невроз воскресенья» – подавленное состояние, возникающее из-за избытка свободного времени². Примерно в это же время К. Абрахам указал на резкое обострение невротических проблем во время и после отпусков, выходных и праздников³.

О «депрессии выходного дня» говорил и В. Франкл, отмечая, что резкое прекращение привычной, особенно трудовой, активности обостряет у человека экзистенциальные проблемы, подводит его ближе к экзистенциальным страхам – бессмысленности, одиночества, смерти – и вызывает переживание тревоги, собственной слабости, беспомощности⁴. Праздники (а также уикенды, вынужденные выходные в виде больничных и т. д.) – это, с точки зрения В. Франкла, время рефлексии, анализа, переоценки и внутреннего перерождения. Не все люди к этому способны, поэтому и распространены случаи трудоголизма, отказа от отпусков, неприятия выходных, а также обострения невротических переживаний во время праздников.

Усилению невротических проблем во время праздников способствует и соответствующая внешняя обстановка: СМИ, особенно телевидение, активно педалируют идею о всеобщем непрекращающемся, безграничном экстазе, в котором находятся, якобы, все остальные люди. Данный фон создает огромный контраст с переживаниями отдельно взятого индивида, которому начинает казаться, что весь мир веселится и только ему одному плохо. На самом деле вспомним, что в самой природе праздника не заложено само-

произвольно возникающих однозначных переживаний радости и эйфории. Идея, что время праздника все счастливы – это миф.

В дополнение к этому следует отметить, что счастье не появляется само. Если есть желание пережить радостные эмоции, то их появление надо организовывать, готовить. В детстве казалось, что чудо во время праздника приходит само. Подобное ожидание часто сохраняется и у взрослого человека. Но на самом деле чудо для ребенка готовили родители. Теперь взрослый сам должен позаботиться о содержании своего праздника, для этого мало только лишь купить подарок близким. Детская позиция, связанная с ожиданием волшебства, которое появится самопроизвольно, лежит в основе разочарований от праздника и обид на весь мир – «всем весело, а мне грустно». Негативным выходом из таких переживаний становится алкогольное поведение, переедание, уход в сон, в компьютер и т. д. В результате по окончании праздников человек ощущает усталость, подавленность, внутреннюю пустоту.

Также важным является то обстоятельство, что современный человек очень загружен и вынужден постоянно много работать, поэтому у него возникают завышенные ожидания в адрес праздников или выходных. Появляется желание на выходных «пожить настоящей жизнью» – отдохнуть, встретиться с друзьями, побыть на природе и т. д. Но все намеченное вместить в пару дней в принципе не возможно, поэтому и возникает разочарование от уикенда. Это переживание усиливается мыслью о том, что знакомые, скорее всего, провели выходные гораздо более насыщеннее (эта идея подкрепляется социальными сетями, которые переполнены фотографиями, доказывающими эффективность проведенных выходных).

В проведенном нами опросе приняли участие 56 студентов ВГУ. На вопрос о том, какие чувства у них возникают вечером в воскресенье, 64,3% испытуемых отметили грусть, печаль и пояснили это своими сожалениями о том, что выходные прошли не так ярко, как хотелось, об упущенных возможностях выходных дней. В современной психологии выделяется отдельный феномен – эффект FoMO (от англ. «Fear of missing out»): синдром упущенной выгоды, навязчивый страх пропустить хорошую возможность⁵. Данные синдром активно проявляет себя в выходные и праздники.

Также время праздников может вызывать напряжение из-за отсутствия привычного распорядка, жесткого расписания, привыч-

ной субординации. Если для человека жесткие рамки являются способом совладания с тревогой, то в праздники напряжение может усиливаться. Даже отсутствие привычных ритуалов (каждодневная поездка на работу в одно и то же время), в которых нуждается невротик, будет вызывать ощущение неопределенности и может обострить внутриличностные проблемы.

Вернемся к нашему опросу. Испытуемым предлагалось написать ассоциации со словом «праздник» и описать один из своих праздников. Среди всех ассоциаций наибольшее место занимают указания на отношения и эмоции (63%), а также присутствуют обозначения внешних атрибутов праздников («елка», «цветы») (17%), праздничных блюд («торт», «конфеты») (11%), другие признаки («запах весны», «новое платье») (9%).

Остановимся более подробно на эмоциональном блоке. Большинство указанных эмоций – положительные: «удовольствие», «отдых», «приятность общения», «радость», «ожидание чуда» и т. д. Однако в описаниях праздника встречается существенный массив и негативных переживаний (37%): «думал, столько всего успею, но...», «все веселятся, а я...», «у меня всегда праздник вызывает тоску», «я не люблю праздники» и т. д.

Таким образом, праздники в жизни современного человека – неоднозначное явление. С одной стороны, с ними связаны ожидания отдыха и радости, а с другой, – в период праздников у многих людей появляются тревожные и депрессивные переживания. Подобная амбивалентность заложена в самой природе праздника, которая усиливается многими невротическими особенностями и проблемами современного человека.

---

¹ Фрейд З. Тотем и табу : Сборник. – Москва : Олимп : АСТ–ЛТД, 1997. – 446 с.

² Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. – Москва : PER SE: Универс. книга, 2000. – 315 с.

³ Психоанализ детской сексуальности / Под ред. В. А. Лукова. – Санкт-Петербург : Союз, 1998. – 221 с.

⁴ Франкл В. Доктор и душа : Логотерапия и экзистенциальный анализ. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2017. – 338 с.

⁵ Przybylski A. K., Murayama K., DeHaan C. R., Gladwell V. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // Computers in Human Behavior. – 2013-07-01. – Т. 29. – Вып. 4. – Р. 1841–1848.

О. П. Малютина
СВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА
С ПРОКРАСТИНАЦИЕЙ У ПЕДАГОГА *

Мы много обсуждали непрерывное реформирование системы российского образования¹. Особенно остро данная проблема актуализировалась в период пандемии, вынудившую всю страну перейти в режим дистанционного обучения. Конечно, можно много говорить – насколько это неэффективно, как резко снизится уровень овладения различными компетенциями студентами вузов и особенно учащимися общеобразовательных школ, но это вынужденная мера, и альтернативы для сегодняшней ситуации пока нет. Сложившаяся ситуация, вынуждает педагога в сжатые сроки мобилизовать свои профессиональные и личностные ресурсы, быстро и на высоком качественном уровне внедрять дистанционные технологии в учебно-воспитательный процесс, соответствовать современным требованиям, концентрировать свое внимание на приобретении и постоянном совершенствовании различных компетенций, востребованных в профессиональной деятельности. Иначе говоря, перфекционизм педагога становится одним из первостепенных условий профессиональной успешности при дистанционном обучении.

Перфекционизм – личностная характеристика, заставляющая индивида стремиться к достижению идеала во всех видах реализуемой им деятельности и требовать подобного поведения от окружающих. На бытовом языке перфекционизм трактуется как «синдром отличника». В современных условиях, когда возникает необходимость резко поменять форму преподавания на дистанционный вариант, перфекционизм как качество личности педагога, становится все более интересен для изучения. Проблема перфекционизма педагога, а также весьма широкий спектр его определений достаточно подробно рассмотрены в наших предыдущих работах². Однако заметим, что до сегодняшнего дня связь перфекционизма педагога с такой личностной характеристикой как прокрастинация, особенно важной в современных реалиях, практически не рассматривалась.

---

* © Малютина О. П., 2021.

Прокрастинация – психологическое явление, достаточно часто встречающееся в современном мире. Оно представляет собой перманентное откладывание важных для человека дел «на потом», сопровождающееся целым спектром субъективных негативных переживаний. Прокрастинация влечет за собой не только разнообразные потери. Это могут быть: лишение премии, увольнение с работы. Самое неприятное – глобальное изменение эмоционального состояния человека, включающее в себя чувство вины, постоянную тревогу, беспокойство, неуверенность, снижение самооценки и др. Базовыми причинами прокрастинации выступают: отсутствие мотивации, непривлекательность задачи, индивидуальные показатели, страх неудачи.

Для обнаружения связи перфекционизма с прокрастинацией у педагога мы опросили 200 респондентов ЦФО. Возраст педагогов – от 25 до 74 лет. Среди них абсолютное большинство – женщины и лишь 23 мужчины, как, собственно, и представлено в реальном распределении по полу в популяции педагогов.

В исследовании использовалась батарея методик. В рамках данной работы мы остановимся лишь на рассмотрении двух из них.

1. Опросник «Многомерная шкала перфекционизма» П. Л. Хьюитта и Г. Л. Флетта, адаптированный И. И. Грачевой³, состоящий из трех шкал: 1) перфекционизм, ориентированный на себя; 2) перфекционизм, ориентированный на других; 3) социально предписанный перфекционизм.

2. Опросник для изучения склонности личности к прокрастинации (О. А. Ширвари и др.⁴) – для диагностики уровня прокрастинации и ее видов. Включает две диагностические шкалы: 1) личностно обусловленная прокрастинация; 2) ситуативно обусловленная прокрастинация.

Обработка данных проводилась методами качественно-количественного и статистического анализа, в частности корреляционного (коэффициент линейной корреляции Пирсона). Для проверки нулевой гипотезы мы использовали критерий Стюдента, так как изучали выборку большого объема.

Перейдем к анализу результатов методики номер один. Средний уровень выявлен у 53,0% опрошенных, что свидетельствует о том, что у большинства педагогов наблюдаются и скрупулезность, и стремление довести все до идеала. Однако указанные качества не

осложняют деятельность, а наоборот лишь способствуют ей. Более, чем у трети (35,0%) респондентов обнаружен высокий уровень. Отметим, средний возраст для этой группы 28 лет. Возможно, из-за сравнительно небольшого стажа работы, у педагогов доминирует нетерпимость к ошибкам, скрупулезность, завышенные стандарты. Очень часто начинающие педагоги предъявляют завышенные требования, т. к. продолжают «сдавать сессию» по инерции.

Перейдем к более подробному рассмотрению результатов, рассчитанных по отдельным шкалам.

Весьма интересные результаты мы получили, диагностируя склонность педагогов к прокрастинации. Самую незначительную группу составили педагоги с низким уровнем прокрастинации (12,0%), самую большую – (58,0%) со средним уровнем. Как видим, большинство педагогов какие-то задачи решает в первую очередь, а что-то откладывает на потом, но в целом это не мешает ни в рабочей, ни в бытовой ситуации. Каждый третий из обследованных педагогов имеет высокий уровень прокрастинации. Им присущи отсутствие сосредоточенности на важных делах, неправильная расстановка приоритетов, постоянное откладывание дел «на потом». Мы полагаем, что такое положение дел объясняется перманентно меняющимися требованиями в системе отечественного образования. Опытные преподаватели понимают, что через небольшой промежуток времени требование поступившее от руководства, может изменено (иногда на противоположное). Отказывается откладывать выполнение задач на потом всего лишь один из восьми педагогов (12,0% от выборки), демонстрируя низкий уровень прокрастинации. По-видимому, только высоко дисциплинированные преподаватели, отличающиеся исполнительностью, ответственностью, тщательностью действий, проявляют низкую прокрастинацию, стремятся все делать в срок. Однако возникает опасность возникновения деструктивной прокрастинации, и, как следствие – формирование синдрома эмоционального выгорания.

Проверим наличие корреляционной связи между 1) перфекционизмом, ориентированным на себя и лично обусловленной прокрастинацией; 2) перфекционизмом, ориентированным на себя и ситуативно обусловленной прокрастинацией; 3) перфекционизмом, ориентированным на себя и интегральным показателем прокрастинации; 4) перфекционизмом, ориентирован-

ным на других и личностно обусловленной прокрастинацией; 5) перфекционизмом, ориентированным на других и ситуативно обусловленной прокрастинацией; 6) перфекционизмом, ориентированным на других и интегральным показателем прокрастинации; 7) социально предписанным перфекционизмом и личностно обусловленной прокрастинацией; 8) социально предписанным перфекционизмом и личностно обусловленной прокрастинацией; 9) социально предписанным перфекционизмом и интегральным показателем прокрастинации; 10) интегральным показателем перфекционизма и интегральным показателем прокрастинации.

Мы обнаружили значимые положительные корреляционные связи лишь в третьем, шестом, девятом и десятом случае: между всеми видами прокрастинации и интегральным показателем перфекционизма, причем во всех вариантах $\alpha \leq 0,01$. Нами обнаружено, что чем выше показатель перфекционизма по любой из шкал, тем выше интегральный показатель прокрастинации. Анализируя полученные данные, мы предположили – с одной стороны подтверждается мнения отдельных ученых о большей склонности перфекционистов к прокрастинации, чем неперфекционистов. Вместе с тем в работе педагога чаще всего причиной прокрастинации является перфекционизм⁵.

Успешность выполнения педагогической деятельности в определенной степени, особенно в период временного вынужденного перехода на дистанционное обучения связана с перфекционизмом и прокрастинацией конкретного педагога. Нам представляется, что при некоем оптимальном уровне своего развития перфекционизм будет помогать педагогу выполнять свои непосредственные трудовые функции (и при оптимальном уровне прокрастинации), но чрезмерное его развитие может служить фактором, препятствующим успешной профессиональной деятельности (в корреляции с прокрастинацией – зачем пытаться решить задачу, если не наблюдается возможность сделать это блестяще).

---

¹ Гайдар К. М., Малютин О. П. Профессиональное выгорание преподавателя вуза в условиях модернизации высшей школы // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. Материалы Международной научно-практ. конференции 15–16 окт. 2015 г., Москва. – Москва : Ин-т психологии РАН. – С. 208–211.

---

² Малютина О. П., Косицина В. И. Влияние перфекционизма на успешность педагогической деятельности // Вестник научной сессии факультета философии и психологии / Воронежский гос. университет ; [Отв. ред. Ю. А. Бубнов]. – Воронеж : ИД ВГУ, 2019. – С. 136–141.

³ Грачева И. И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. – 2007. – Т. 27, № 6. – С. 73–81.

⁴ Ширвари О. А., Черная Е. Е., Панов В. А., Рябова Е. Е., Руденко Д. Э., Бирюкова С. И., Кузьмина Н. О., Столярова Ю. В., Баранова А. А., Козлова Н. С. Разработка опросника для изучения склонности личности к прокрастинации // Молодой ученый. – 2015. – № 24 (104). – С. 1105–1113. Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/104/24362/> (дата обращения : 25.07.2021).

⁵ Ильин Е. П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 224 с.

Е. Ю. Панченков
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО КУРСА В ПРЕПОДАВАНИИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН*

На фоне динамичного развития информационных технологий в педагогике высшей школы электронные образовательные ресурсы заслуженно заняли свое ведущее место. В последнее время в высших образовательных учебных заведениях профессионального обучения активно внедряются электронные учебно-методические комплексы (ЭУМК).

Основная особенность современного электронного учебно-методического курса по сравнению с традиционным учебным курсом состоит в его доступности, гибкости и оптимизации под потребности конкретного студента и студенческих групп.

Современный подход к формированию ЭУМК предполагает:

– оказание методической помощи студентам в изучении и систематизации учебной информации, путем разработки и внедрения конкретных учебно-методических материалов: учебных программ,

---

* © Панченков Е. Ю., 2021.

рабочих тетрадей, учебных пособий и хрестоматий, учебно-методических пособий, сборников тестов, кейсов и упражнений;

– предоставление учебных материалов в рамках модульной структуры ЭУМК, с применением различных педагогических технологий и форм (учебный текст, иллюстрации, графы логические схемы, видеопрезентации, кино-видео материал, видеоконференции, вебинары и т. д.);

– непрерывный контроль со стороны преподавателя и прогноз учебной траектории студента на основе анализа эффективности усвоения учебной информации;

– организация и персонализация управления самостоятельной работой студентов;

– доступность, простота использования электронной системы, возможность для студента регулировать свое учебное время;

– обучение под руководством преподавателя в реальном времени с использованием технологий видеоконференции или вебинара.

ЭУМК позволяет структурировать самостоятельные целевые функциональные узлы – модули, которые охватывают определенные предметные области и включают конкретные учебные элементы. Эти элементы подвижны, легко взаимозаменяемы. Порядок их изучения и усвоения студентом учебного материала регулируется балльно-рейтинговой системой, результаты которой доступны и могут быть проанализированы как преподавателем, так и студентами. Это еще и дополнительное стимулирование студентов с различным уровнем подготовки, их мотивировка на эффективное усвоение учебной деятельности.

Использование электронной системы обучения в период перевода университета на дистанционное обучение показывает свои преимущества в экономичности, гибкости, информационной доступности и возможности реально контролировать динамику освоения дисциплины при обучении различных категорий студентов. Она позволяет обучающимся творчески и оперативно взаимодействовать с преподавателем, реализовать вариативность образовательных траекторий, иметь более широкий доступ к информационному образовательному массиву.

Анализ организации учебного процесса дистанционно с применением возможностей ЭУМК по дисциплинам «Психологическое обеспечение служебной деятельности», «Экстренная психологическая

помощь», «Психология безопасности», «Профессиональная этика и служебный этикет» позволяет сделать некоторые выводы и обобщения, направленные на улучшение эффективности использования электронных средств обучения и в частности ЭУМК.

Опрос студентов, обучающихся на факультете философии и психологии, позволил выяснить их отношение к использованию материалов электронного учебного курса. Сильной стороной ЭУМК они считают:

Информативность электронного учебного курса, не приходится тратить время на поиск информации – 85%.

Доступность информации – 79%.

Структурированность информации по факту – 72%.

Удобен в изучении учебной информации – 71%.

К слабым сторонам относят: значительное повышение учебной нагрузки (самостоятельной подготовки – 57% и большой объем дополнительной учебной информации (учебной литературы) – 48%.

В рамках ЭУМК студенту предлагается использовать электронные методические материалы: рабочую тетрадь, сборник тестов, кейсов и упражнений, учебно-методическое пособие, где алгоритмирован процесс самостоятельной работы, учебное пособие или хрестоматию.

Предложенная студенту форма организации учебного процесса позволяет ему выбрать индивидуальную форму учебной деятельности и тип мероприятия, чтобы максимально набрать учебные баллы, исходя из своих возможностей. На выбор студенту даются варианты практических заданий. Например, контрольная работа предлагается для выполнения в классическом или в творческом варианте, например, в форме эссе по просмотренному видеосюжету. В рамках творческого задания четко расписывается алгоритм его выполнения и предполагаемые параметры конечного результата, который планирует и ожидает преподаватель. На практике студенты чаще выбирают именно творческий вариант работы (эссе, доклад, видео презентация).

Но в ходе работы с ЭУМК мы столкнулись с проблемой низкого качества практических заданий, эссе и конспектов. Для имитирования вопросов, связанных с оформлением этих работ, нами были сформированы образцы выполнения творческих и практических заданий, которые были помещены в ЭУМК. Мы столкнулись с тем, что

студенты, стремясь побыстрее выполнить задание, начинают копировать примеры, не утруждаясь в поиске необходимой информации или проработке своих внутренних проблем и переживаний, когда практические задания требовали рефлексивного подхода к их оформлению. Работы теряли индивидуальность, страдала сама идея творчества и проработки внутренних защит и комплексов студентов. Поэтому, считая, к использованию в ЭУМК готовых образцов и примеров творческих работ преподавателю нужно также подходить творчески, исключив возможность автоматического копирования материала.

Проблема написания эссе с использованием электронных ресурсов чаще всего приводит к копированию информации из Интернета без предварительного осмысления, обработки. Эссе теряет индивидуальность, превращается в компиляцию научной информации, без живой мысли и собственного мнения, что приводит к выхолащиванию именно творческой, креативной составляющей. При этом уровень именно научности работы студентов остается невысоким. Оставляет желать лучшего и содержательная часть эссе, показывающая значительные затруднения у обучающихся к анализу и обобщению большого объема учебной информации. Студенту порой трудно высказать свои мысли и облечь их в письменную форму.

Отдельно можно отметить, что для подготовки творческих работ (игровых ситуаций, видеосюжетов) в малых учебных группах реальную помощь оказывают методические разработки, примеры выполнения практических заданий, подборки учебных материалов, которые размещены в ЭУМК и доступны студентам.

Рассматривая возможности электронной системы в проверке знаний студентов, можно отдельно выделить потенциал учебного тестирования и такой творческий элемент самостоятельной работы студента, как создание конспектов по учебным темам к каждому семинарскому занятию. Контрольное тестирование проводится как по каждой теме, так и в рамках рубежного контроля, исходя из целей, которые ставит преподаватель в рамках учебной дисциплины. К окончанию обучения оценки, полученные студентами, позволяют создать объективную картину усвоения учебной информации. Использование контрольных тестов как обучающей системы позволяет студентам сделать несколько попыток выполнить учебный тест, проанализировать допущенные ошибки, повторно ознакомиться с темами, помещенными в конкретный модуль, который они освоили хуже. Только

после достижения проходного балла, студент может перейти к изучению следующего объема учебной информации, к следующему учебному модулю. Проверочные тесты должны позволять не только выяснить уровень освоения учебного материала, но и использовать его как обучающий, когда студент должен набрать 100 баллов за ответ. При этом ошибки и плохо изученный студентом учебный материал не тормозит весь процесс обучения, накапливаясь как «снежный ком».

Нецелесообразно ограничивать студента в попытках пройти тест повторно или выставлять запрет на ознакомление с результатом неправильного ответа, когда тест используется для проверки усвоения знаний по конкретному модулю. Это может быть использовано при рубежном и итоговом тестировании.

В рамках дистанционного обучения студентам было предложено подготовить конспекты учебных вопросов к семинарским занятиям по отдельным темам курса с использованием граф логических схем (кластеров, схем, таблиц). Студенты нацеливаются на возможность использования конспектов, выполненных в рабочих тетрадях, при сдаче рубежного контроля и зачетных тестов. Выполненные в рабочей тетради конспекты, упражнения, кейсы пересылаются преподавателю для проверки с использованием ресурса «Практические задания». Данный ресурс в рамках ЭУМК позволяет выставить оценку, которая сохраняется в журнале оценок и показывает индивидуальную траекторию обучения каждого студента.

Мы отмечаем необходимость особого подхода к формированию и размещению учебных материалов, входящих в учебные модули (текстов лекций, видеопрезентаций, электронных копий учебной и научной литературы). ЭУМК, как средство обучения, сформированное преподавателем, не сводится к формированию электронных копий соответствующих учебных материалов. Они составляют среду обучения, которая позволяет обеспечить достижение учебных целей. Поэтому требования к формированию микромодулей достаточно высоки. Материал должен быть предельно структурирован, достаточен для усвоения учебной темы и давать возможность связать тематически материал с другими модулями. Опыт использования ЭУМК позволяет сделать вывод, основанный на отзывах студентов и результативности прохождения тестового контроля по конкретным темам и модулям, что основные учебные материалы должны быть разбиты на небольшие учебные вопросы до 10–15 страниц текста.

Каждый материал должен предваряться небольшими учебными тестами на 8–10 вопросов. Роль методического сопровождения учебного процесса при использовании ЭУМК достаточно высока и напрямую определяет качество усвоения информации студентом. Методический материал должен в доступной форме раскрыть основной алгоритм обучения, раскрыть педагогический замысел, механизм поиска и усвоения новых знаний, чтобы студент понял и принял учебные цели и собственно сам процесс обучения.

При этом ЭУМК позволяет сформировать и новые роли преподавателя как модератора, тьютора, «фасилитатора», который организует образовательный процесс, активно управляет им, а не просто транслирует учебную информацию. Он облегчает процесс освоения новой информации, содействует саморазвитию личности обучающегося, создает комфортные условия для саморефлексии и активного осмысления обучения. По мнению И. А. Татаренковой и В. Н. Кибец, преподаватель «остается исследователем и не теряет своего лица как ученый, не надевает на себя маску педагога-догматика, дающего однозначные ответы на все без исключения вопросы учебной программы. Все это вместе взятое создает условия для повышения интереса и познавательной активности студентов, оптимизирует процесс развития их профессионального самосознания и становления»¹. Опыт показывает, что ЭУМК должен предваряться, при отсутствии возможности личного контакта со студентами в условиях дистанционного обучения, видеопрезентацией, вебинаром или видеоматериалом, где преподаватель кратко анонсирует курс и разъясняет наиболее часто встречающиеся затруднения у студентов в процессе самостоятельной работы.

Проблемные вопросы использования ЭУМК:

Без непосредственного контакта с преподавателем работа с электронным учебным курсом порой сводится к механистическому прохождению модулей и получение «нужной» оценки.

Студенты порой стремятся к получению «хороших» оценок и не мотивированы на освоения курса в целом. Учеба ради учебы. Типичный вопрос к преподавателю: «Что нужно сделать, чтобы получить балл 100 по итогам написания творческой работы?» При этом студент получил балл 90, что соответствует оценке «отлично».

К выполнению контрольных тестов студент подходит как к выполнению обязательного элемента обучения, который не несет функций развития мышления.

Объем учебных заданий, помещенных в электронном учебном комплексе, должен быть достаточным и не перегруженным избыточной учебной информацией.

---

¹ Татаренкова И. А., Кибец В. Н. Преподаватель как фасилитатор инновационного образовательного процесса в вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1. – Режим доступа: <http://science-education.ru/article/view?id=18086> (дата обращения : 09.08.2021).

Я. А. Пашкова **ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ:** **ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ***

В последние годы явление групповой субъектности постепенно начинает привлекать внимание ученых-психологов. Выполнены эмпирические исследования, связанные с изучением данного явления на материале учебных групп, трудовых коллективов, правовых организаций, научных сообществ и др.¹ Однако анализ групповой субъектности в рамках семейной системы не становился еще предметом специальных социально-психологических исследований.

Под понятием «семейная субъектность» мы понимаем способность семьи как малой группы к проявлению собственной активности и инициативы в социуме, обусловленной наличием конкретной цели и соответствующей ей мотивации, сформированным механизмом саморегуляции, выработанной жизненной стратегией, осознанием своей роли и ответственности в обществе и перед своими членами.

Особенности субъектности семьи мы рассматриваем в связи с типами групповой субъектности, классификацию которых предлагает А. Л. Журавлев²:

---

* © Пашкова Я. А., 2021.

– потенциальная субъектность (предсубъектность), которая демонстрирует готовность группы к осуществлению совместной активности, но неспособность ее проявить на конкретном этапе своей жизнедеятельности;

– реальная субъектность, отражающая устойчивую совместную активность семьи как группового субъекта в разных видах и формах, в различных ситуациях его жизнедеятельности;

– рефлексирующая субъектность, которая раскрывает такую специфическую способность группового субъекта, как саморефлексия, осуществление самоанализа различных своих особенностей, достижений и неудач, ресурсов и резервов.

Охарактеризуем указанные типы групповой субъектности на примере семейной группы. Потенциальная субъектность иллюстрирует то состояние семьи, которое позволяет говорить о ней, как о взаимосвязанном социальном образовании, способном поддерживать и осуществлять свое бытие, а также о готовности семейной группы в ближайшей или среднесрочной перспективе к вступлению в совместную активность.

Реальная субъектность семьи проявляется в ее собственной внутри- и межгрупповой активности, инициативности, самостоятельной выработке целей и задач деятельности, а также в осуществлении присущих семье функций.

Рефлексирующая субъектность семейной системы обеспечивает ее саморегуляцию, саморефлексию, осознание себя в качестве единого группового субъекта за счет способности проводить самоанализ своей деятельности, изменять в результате этой аналитической работы характерные для семьи поведение, отношения, иерархию ролей и функций, социальные позиции и стратегии.

На основе теоретического анализа проблемы семейной субъектности нами было выдвинуто предположение о том, что типы групповой субъектности семьи могут иметь отличия на разных этапах ее развития. Для его проверки мы осуществили пилотажное исследование, в ходе которого сосредоточились на изучении лишь двух этапов развития семьи: начальном (зарождение семьи как малой социальной группы, который продолжается вплоть до момента рождения первого ребенка) и завершающем (когда супруги живут либо вместе, либо раздельно с ребенком, уже имеющим собственную семью)³.

Первый этап развития семейной группы характеризуется адаптацией членов семьи друг к другу. Обычно в такой семье, которую принято называть молодой, преобладает позитивный эмоциональный фон, присутствует уверенность в будущем. Вместе с тем семейная пара еще не имеет сформировавшейся групповой субъектности, и лишь постепенно начинает создавать и развивать характеристики семьи именно как группового субъекта.

Семью на завершающем этапе семейного жизненного цикла нередко называют стареющей. Вступает в него семья, являясь чаще всего уже сформировавшимся групповым субъектом, для которого свойственны полноценные и разносторонние проявления групповой субъектности. На этом этапе возможны два сценария развития семьи как единого субъекта. Первый сценарий состоит в том, что завершается перестройка взаимоотношений членов семьи в связи с выходом супругов на пенсию, адаптацией к нетрудовой стадии социализации, возрастным изменениям, символизирующим переход к возрасту старения и старости, а также с уходом из родительской семьи ребенка и его автономизации от нее. При этом семья находит новые социальные ниши для проявления своей активности, проявляет инициативу и творческое отношение к жизни, осваивает не свойственные ей ранее функции, тем самым сохраняя (а возможно, и развивая) статус группового субъекта. Второй сценарий выглядит не столь оптимистично, поскольку, будучи не в состоянии конструктивно приспособиться к новым условиям жизнедеятельности, семья постепенно теряет свои субъектные особенности и разрушается в конце концов как групповой субъект. Хотя при этом она продолжает свое существование как малая социальная группа.

Таким образом, целью нашего исследования было изучение особенностей типов семейной субъектности на начальном и завершающем этапе жизненного цикла семьи.

Объектом исследования выступили 24 семейные группы, из которых 12 находились на первом этап семейного развития (длительность брака от 6 месяцев до 4 лет без детей), а другие 12 – на завершающем (длительность брака от 28 до 40 лет с одним или двумя детьми; к моменту исследования все дети жили отдельно от родителей).

Гипотезой послужило предположение об определенных различиях в уровнях развития типов групповой субъектности на разных этапах развития семьи как группового субъекта.

С целью проверки выдвинутой гипотезы мы использовали тест-опросник «Типы групповой субъектности», разработанный К. М. Гайдар⁴, который позволяет получить показатели трех типов субъектности группы (потенциальной, реальной и рефлексивной) по пяти уровням их развития (низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий). Эмпирические данные представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Уровни развития типов групповой субъектности семей на начальном этапе жизненного цикла

Тип групповой субъектности	Распределение уровней развития типов групповой субъектности семей в выборке (в %)				
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Потенциальная	0	33,3	66,7	0	0
Реальная	0	0	100	0	0
Рефлексивная	0	83,3	16,7	0	0

Таблица 2

Уровни развития типов групповой субъектности семей на завершающем этапе жизненного цикла

Тип групповой субъектности	Распределение уровней развития типов групповой субъектности семей в выборке (в %)				
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Потенциальная	33,3	33,3	33,3	0	0
Реальная	33,3	50,0	16,7	0	0
Рефлексивная	50,0	16,7	33,3	0	0

Как следует из таблицы 1, ни одна из молодых семей ни по одному типу групповой субъектности не проявляет высокий или выше среднего уровень. Можно предполагать, что она будет способна демонстрировать высокие показатели субъектных характеристик на других этапах своего развития. Полученные данные мы объясняем тем,

что в начале своего жизненного цикла семья, действительно, не является групповым субъектом в полной мере. Она находится в начале формирования своих субъектных характеристик и лишь оформляется как единый субъект. Отсутствие у молодых семей низкого уровня типов субъектности мы объясняем особенностями нашей выборки, в которую вошли семьи с минимальным стажем совместной жизни 6 месяцев. Предположительно, за первые полгода семья уже начинает формировать свои групповые характеристики, поэтому мы наблюдаем у одной трети молодых семей уровень ниже среднего потенциального типа субъектности (предсубъектности) и значительное число семей (83,3%) демонстрирует слабо развитую рефлексирующую субъектность. Последний факт указывает на то, что они начинают познавать свои особенности, накапливать субъектный потенциал, что может стать хорошей основой для дальнейшего становления семьи как целостного субъекта.

Тем не менее на первом этапе у всех изученных нами семей преобладает реальная субъектность среднего уровня развития, что можно рассматривать как благоприятное условие дальнейшего субъектного роста семейной группы, преодоления ею возможных трудностей этапа становления. Данное условие подкрепляет и то, что у двух третей молодых семей потенциальная субъектности также находится на среднем уровне развития, т. е. они имеют все возможности в дальнейшем стать полноценными групповыми субъектами. Что же касается третьего типа групповой субъектности, то у большинства обследованных молодых семей (83,3%) он, как и ожидалось, развит незначительно. Иными словами, у них еще нет ни навыков, ни опыта совместного самопознания, самоанализа, саморефлексии.

Анализируя результаты изучения семей, находящихся на завершающем этапе жизненного цикла, мы вновь не обнаруживаем высоких уровней развития всех трех типов групповой субъектности. Можно предположить, что они не встречаются в связи с тем, что на этом этапе групповой субъект завершает свое существование. Поэтому все три типа групповой субъектности у стареющих семей находятся на уровнях развития от низкого до среднего. Причем эти семьи чаще проявляют либо потенциальный, либо рефлексирующий тип субъектности, если судить по преобладанию среднего уровня развития этих типов (у одной трети семей от общего

объема выборки). Слабее всего у них, видимо, развита реальная субъектность, на что указывает тот факт, что половина обследованных стареющих семей обнаружила уровень развития этого типа ниже среднего. В силу этого на фоне неразвитости реальной субъектности два других типа среднего уровня развития встречаются немного чаще. То есть семьи на завершающем этапе жизненного цикла являются потенциальными групповыми субъектами, склонны не столько активно действовать сообща, сколько осмысливать свои особенности именно как единой группы, продолжая самопознание, формируя о себе определенные представления.

Мы обратили внимание на то, что в выборке стареющих семей распределение разных типов групповой субъектности более сбалансировано, чем у молодых семей. Представляется, что к завершающему этапу своей истории у этих семей отмечается значительная уравновешенность всех параметров жизнедеятельности, групповых качеств, что и может служить объяснением выявленной картины.

Предполагаем также, что отсутствие высоких уровней развития всех трех типов групповой субъектности как на начальном, так и на завершающем этапах жизненного цикла семьи может быть связано с незавершенным кризисом, который бывает характерен для этих этапов. Понятно, что и причины, и содержание этих кризисов у молодых и стареющих семей разные, но следствие может быть одно – несформированность (потеря) групповой субъектности. Как известно, кризисные периоды всегда сопровождаются снижением сознательности, самодетерминированности, сплоченности, рефлексивной способности, т. е. всем тем, что демонстрирует либо низкую субъектность группы, либо ее распад.

Таким образом, наше пилотажное исследование, проведенное на семейных группах, подтверждает предположение о том, что существуют определенные различия в уровнях развития типов групповой субъектности на начальном и завершающем этапах развития семьи как группового субъекта.

Полученные результаты еще раз подтверждают значимость изучения субъектности семьи и открывают для нас перспективы последующих исследований этого феномена на всех этапах жизненного цикла семьи как малой группы. Его углубленное изучение будет способствовать как дальнейшему развитию концепции группового субъекта и социально-психологической теории семьи, так и

совершенствованию системы психологического сопровождения семейных групп в ходе их жизнедеятельности, формирования, преумножения и реализации их субъектного потенциала.

---

¹ См. : Артемьева О. А. Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия : Дис. ... д-ра психол. наук. – Москва, 2013. – 743 с. ; Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта : монография. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 396 с. ; Третьякова В. Э. Результативные характеристики рабочих групп как субъектов исполнения собственных решений // Общество : социология, психология, педагогика. – 2017. – № 7. – С. 60–64 ; Щелина Т. Т., Столярова Е. В. Семья как субъект правовой социализации несовершеннолетних // Молодой ученый. – 2015. – № 11. – С. 1524–1527.

² См. : Журавлев А. Л. Коллективный субъект : основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30, № 5. – С. 72–80.

³ См. : Калинина Р. Р. Введение в психологию семейных отношений. – Санкт-Петербург : Речь, 2008. – 351 с.

⁴ См. : Гайдар К. М. Социально-психологическая диагностика группового субъекта : Учеб. пособие для вузов. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2012. – 72 с.

А. А. Пылаев
К ВОПРОСУ РАЗЛИЧИЙ В ВОСПРИЯТИИ СОБСТВЕННОЙ
СУБЪЕКТНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ УЧЕБНОЙ ГРУППЫ
СТУДЕНТАМИ РАЗНЫХ КУРСОВ *

Известно, что значительную часть учебного времени студент проводит в академической группе, и то, как выстроена работа в ней, безусловно, отражается на эффективности учебного процесса, адаптации обучающихся, развитии у них профессиональных качеств и др. Результаты подобных процессов мы можем обнаружить в том, как студент воспринимает себя и свою учебную группу. Если студент воспринимает и себя, и свою группу как пассивные объ-

---

* © Пылаев А. А., 2021.

екты, которые ничего не решают, но лишь слепо следуют указаниям со стороны руководителей факультета, то у него формируется негативная установка на учебный процесс, участие в жизнедеятельности факультета, проявление учебной и внеучебной активности.

Поэтому перспективным для социально-психологического изучения учебных групп является субъектный подход. Он уже доказал свою эффективность при анализе человека как субъекта, и стал в последнее время активно применяться при исследовании различных групп, в том числе виртуальных. В его основе лежит фундаментальное положение А. В. Брушлинского: «Субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам»¹. Понятие «субъект» правомерно применять не только по отношению к отдельной личности, но и к группе. Групповой субъект – «системное и динамическое качество малой группы, проявляющееся, когда она осуществляет свою жизнедеятельность в социальной системе, взаимодействуя как единое целое с социальным окружением, в том числе преобразовывает ситуации жизнедеятельности и саму себя, осознавая при этом, что именно она является источником этих действий и преобразований»². При опоре на субъектный подход мы можем комплексно и содержательно исследовать разные варианты активности субъекта: деятельность, общение, познание. Субъектный подход имплицитно включает в себя методологические принципы детерминизма, развития, активности и др. Говоря о групповом субъекте, мы подразумеваем неотчуждаемую от него активность и его постоянное развитие.

Развиваясь, группа меняется, могут меняться ее характеристики как субъекта, а, следовательно, и ее восприятие личностью. Изменение субъектности учебной группы состоит не только в том, что со временем групповые процессы достигают более высокого уровня, но также, как мы предполагаем, личность и группа в целом начинают занимать все более активную – субъектную – позицию. На текущий момент в отечественной социальной психологии

наблюдается дефицит исследований, которые бы основывались на субъектном подходе к группе. В имеющихся по этой тематике немногочисленных работах внимание психологов сосредоточено преимущественно на структурных, эмоционально-содержательных аспектах самовосприятия, на его роли в становлении субъектности личности подростков, студентов³. За основу изучения восприятия индивидом собственной субъектности и его восприятия субъектности группы можно взять подход к социальному мышлению К. А. Абульхановой и Г. Э. Белицкой, а также типологию группового самовосприятия К. М. Гайдар⁴.

Мы провели пилотажное эмпирическое исследование на базе ВГУ. Было опрошено 18 студентов 1 курса и 23 обучающихся 4 курса. Таким образом, объем выборки составил 41 студент. Мы намеренно анализировали результаты студентов 1 и 4 курсов, чтобы можно было обнаружить динамику восприятия студентами себя и своей группы по мере ее развития. Для исследования мы использовали тест-опросник «Типы социального восприятия и самовосприятия индивидуальных и групповых субъектов» К. М. Гайдар. В настоящем исследовании из этой методики нами была использована только та ее часть, которая позволяет диагностировать доминирующий тип восприятия личностью себя и своей учебной группы. Студенты оценивали себя и свою группу по двум шкалам методики: «Объектный тип восприятия» и «Субъектный тип восприятия». В зависимости от того, показатели какой шкалы доминировали, устанавливался тип восприятия субъектности группы: объектный, субъектный и смешанный.

Сначала рассмотрим соотношение различных типов восприятия себя у студентов 1 и 4 курсов (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение типов восприятия себя
у студентов 1 и 4 курсов (в % от выборки)

Типы самовосприятия	1 курс	4 курс
Субъектный	44,44	39,13
Объектный	11,12	26,09
Смешанный	44,44	34,78

Итак, мы видим, что на 1 курсе достаточно значимая доля студентов (44,44%) воспринимает себя активным субъектом. Они

считают себя источником собственной активности, целостной и творческой личностью, способной самостоятельно осуществлять ту или иную деятельность, вступать в общение с другими, продвигаться к каким-то достижениям, принимают ответственность за свои поступки. Аналогичный результат наблюдается и для смешанного типа восприятия. 44,44% первокурсников в зависимости от ситуации воспринимают себя как субъектом, так и объектом, адаптивно подстраивают свою активность под обстановку. И лишь 11,11% испытуемых воспринимает себя исключительно объектом, действия которого зависят от внешних сил, который пассивно подчиняется другим.

Как показало наше исследование, на 4 курсе почти в два раза вырастает доля студентов с объектным типом восприятия – 26,09%. Учитывая, что наше исследование носило не лонгитюдный, а срезовой характер, мы не можем с уверенностью сказать, что такой результат связан только с учебным процессом. Соотношение субъектного и смешанного типа восприятия осталось примерно равным: 39,13% и 34,78% соответственно. По-прежнему, как и на 1 курсе объектный тип самовосприятия встречается заметно реже других типов.

Перейдем к восприятию студентами своей учебной группы (табл. 2).

Таблица 2
Соотношение типов восприятия своей учебной группы
у студентов 1 и 4 курсов (в % от выборки)

Типы восприятия группы	1 курс	4 курс
Субъектный	38,89	21,74
Объектный	33,33	52,17
Смешанный	27,78	26,09

На 1 курсе, как видим, преобладает субъектный тип восприятия своей учебной группы (у 38,89% студентов). Обучающиеся воспринимают свою учебную группу активной движущей силой группового развития. считают, что их группа – это целостный субъект, инициативный, способный на изменения внешней и внутренней ситуации. Доля объектного типа восприятия группы среди первокурсников достаточно высока и составляет 33,33%. Они считают, что на судьбу учебной группы больше влияет факультет или

другие внешние факторы, в то время как сама группа в гораздо меньшей степени влияет на свои результаты. Смешанный тип восприятия характерен для 27,78% первокурсников, воспринимающих свои учебные группы то субъектом, то объектом.

На 4 курсе, согласно данным таблицы 2, доминирует объектный тип восприятия студентами учебной группы (у 52,17% испытуемых). Возможно, так сказывается близость окончания учебы и распада своей академической группы. Данный тип восприятия отражает признание студентами неспособности группы принять ответственность за свою активность. Смешанный тип восприятия группы, как и на 1 курсе, встречается у одной четверти выборки (у 26,09% студентов). И лишь 21,74% четверокурсников воспринимают свою группу самостоятельным, самодостаточным, инициативным и ответственным субъектом. Мы видим, что от 1 к 4 курсу доля студентов, воспринимающих свои группы в качестве субъектов, уменьшается. Интересно, что и число студентов с субъектным типом самовосприятия также уменьшается от 1 к 4 курсу. На восприятие собственной субъектности и субъектности учебной группы может влиять множество факторов: стиль руководства на факультете, взаимодействие с другими группами, трудности этапа адаптации (для первокурсников), близость окончания вуза (для четверокурсников), а также состав участников конкретной академической группы. Скорее всего, соотношение детерминант на различных этапах развития группового субъекта жестко не фиксировано, оно может меняться под влиянием различных внешних и внутренних факторов.

Для проверки значимости полученных нами различий в восприятии студентов 1 и 4 курсов мы прибегли к статической обработке данных, используя для этого критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера. Нами были выдвинуты следующие гипотезы:

h_0 : доля студентов, у которых проявляется исследуемый эффект, в выборке 1 не больше, чем в выборке 2.

h_1 : доля лиц, у которых проявляется исследуемый эффект, в выборке 1 больше, чем в выборке 2.

Исследуемым эффектом мы обозначаем конкретный тип восприятия группы / самовосприятия (субъектный, объектный, смешанный). Под выборкой 1 подразумеваем выборку студентов

1 курса, под выборкой 2 – выборку студентов 4 курса. В таблице 3 отражены результаты статистических расчетов.

Таблица 3

Результаты проверки значимости различий между студентами 1 и 4 курсов (критерий φ^* – угловое преобразование Фишера)

Типы восприятия	Восприятие себя	Восприятие группы
Субъектный	1,201	0,343
Объектный	1,224	1,246
Смешанный	0,200	0,626

Таким образом, нами обнаружено, что нулевая гипотеза h_0 подтвердилась в отношении всех шести случаев сравнения: между типами самовосприятия студентов 1 и 4 курсов (субъектным, объектным и смешанным) и между типами восприятия студентами 1 и 4 курсов своих учебных групп (субъектным, объектным и смешанным), поскольку эмпирические значения φ^* оказались меньше $\varphi^*_{кр.} = 2,28$ (при $\alpha \leq 0,01$). Отметим, что аналогичный результат наблюдается и для уровня значимости $\alpha \leq 0,05$. Другими словами, в нашем пилотажном исследовании не было обнаружено статистически значимых различий ни в самовосприятии, ни в восприятии своих групп между студентами 1 и 4 курсов. То есть и в начале обучения, и на завершающем этапе обучения студенты чаще всего воспринимают себя либо субъектами, либо проявляют смешанный тип самовосприятия (в зависимости от ситуации могут воспринимать себя то в качестве активного субъекта, то пассивным объектом). Аналогичные тенденции выявлены и в отношении восприятия студентами субъектности своих учебных групп. И хотя среди выпускников растет доля тех, кто воспринимает свою группу объектом, но этот рост не достигает статистически значимых показателей.

Как мы уже указывали, на восприятие собственной субъектности и субъектности своей группы членства может влиять множество факторов, которые нуждаются в подробном изучении. В целом же для нас важно то, что развитие группы в плане восприятия субъектности не носит линейный характер, оно полидетерминировано. Несмотря на отсутствие статистически значимых различий, выявлен-

ные в пилотажном исследовании тенденции изменения восприятия студентами своей субъектности, как и субъектности их учебных групп открывают перспективы продолжения исследования данной проблемы с позиции субъектного подхода к группе и личности.

---

¹ Брушлинский А. В. Психология субъекта. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 268 с

² Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта : монография. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2013. – 396 с.

³ Балавадзе Т. Ш. Восприятие и понимание других людей и самих себя подростками с разным уровнем межличностных отношений : Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2009. – 30 с.

Бандурка Т. Н. Осознание полимодальности собственного восприятия как путь развития субъектности и понимания молодым поколением своих духовно-нравственных истоков // Экспериментальная психология. – 2013. – Т. 6, № 4. – С. 59–66.

⁴ Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 299 с. ; Брушлинский А. В. Психология субъекта. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 268 с. ; Гайдар К. М. Субъектный подход к психологии малых групп : история и современное состояние. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 160 с.

Э. В. Смирнова, К. М. Гайдар ДЕТЕРМИНИРУЮЩАЯ РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ ЗДОРОВЬЯ *

Внутренняя картина здоровья человека формируется и развивается под влиянием различных детерминант. Под детерминантами в психологической науке принято понимать те разнообразные условия, причины и факторы, от которых зависит формирование, развитие и поведение личности. При этом подчеркнем, что понятие «детерминанты» обозначает не только причины, воздействие которых приводит к определенным последствиям. Оно подразумевает

---

* © Смирнова Э. В., Гайдар К. М., 2021.

также и разнообразные побудительные влияния, которые в той или иной степени формируют определенный тип поведения личности, зачастую при их совокупном взаимодействии. Особо отметим, что психологические детерминанты предполагают некоторую вероятностную вариативность поведения индивида, что существенно осложняет их научный анализ.

Бесконечное разнообразие детерминант можно условно разделить на несколько основных типов:

1) макросоциальные – это влияние общества в целом, сложившейся системы социальных отношений и связанных с ней социальных процессов-факторов (демографических, экономических, политических, культурных и т. д.);

2) микросоциальные – это влияние непосредственного социального окружения индивида (семьи, друзей, коллектива коллег и т. п.);

3) личностные – это, в сущности, личностная интерпретация и реализация макро- и микросоциальных детерминант индивидом в конкретных социальных условиях.

Среди множества макросоциальных детерминант поведения личности, в том числе формирования внутренней картины здоровья, первостепенное значение, по нашему мнению, имеют социальные ценности, поскольку именно они прямо или косвенно определяют базовые установки и направленность активности индивида, его мотивацию и эмоциональные реакции. Социальные ценности можно назвать факторами наиболее общего уровня, которые обладают стратегической направленностью. Однако следует оговориться, что воздействие ценностей на сознание и поведение индивида, как правило, опосредовано более конкретными факторами-детерминантами.

Фундаментальное значение для сознания и поведения личности (в том числе и в отношении здоровья) имеет ее система ценностей. По мнению Т. И. Ежеской, ценности выступают как идеал и одновременно как показатель значимости какого-либо объекта, процесса или свойства для конкретного индивида, социальной группы, общества в целом¹.

Как справедливо заметил Ю. А. Шерковин, «во-первых, ценности являются основой формирования и сохранения в сознании людей установок, которые помогают индивиду занять определен-

ную позицию, выразить свою точку зрения, дать оценку. Таким образом, они становятся частью сознания. Во-вторых, ценности выступают в преобразованном виде в качестве мотивов деятельности и поведения, поскольку ориентация человека в мире и стремление к достижению определенных целей неизбежно соотносится с ценностями, вошедшими в его личностную структуру»².

Для психологической науки основополагающий концептуально-методологический тезис аксиологической проблемы сформулировал в свое время С. Л. Рубинштейн: «Наличие ценностей есть выражение небезразличия человека по отношению к миру для человека, для его жизни»³.

Поэтому в современном психологическом дискурсе ценности рассматриваются как важный фактор самоорганизации личности и одновременно как один из базовых личностных ресурсов, который выступает одновременно фундаментальными детерминантами целей, устремлений, отношений, активности и взаимодействия человека с окружающей реальностью и в значительной степени определяют образ жизни личности в конкретных социальных условиях⁴. Как и потребности, ценности служат фундаментом мотивации личности. Однако, замечает Д. А. Леонтьев, если потребности переживаются человеком как непосредственное чувство связи с окружающим миром, то ценности носят явный отпечаток обобщенного и осмысленного данным индивидом социального опыта, как его личные «идеалы – конечные ориентиры желательного состояния дел», однако желательного «не только для меня одного»⁵.

И хотя ценности по своей природе приватны, принадлежат конкретной личности и всегда несут в себе отпечаток личностной уникальности, их вполне обоснованно относят к числу социальных факторов. Ведь вне определенного социального и культурного контекста формирование и влияние ценностей невозможно. Прямо или опосредованно ценности выражают потребности и интересы общества и конкретной социальной группы, обуславливаются всей сложившейся социально-экономической структурой, социокультурными установками и традициями социума. Система ценностей любой личности складывается в конкретных ситуациях жизнедеятельности, при включении в разнообразные социальные процессы и в ходе активного взаимодействия с окружающей социальной средой. Поэтому ценности обоснованно относят к макросоциальным де-

терминантам сознания и поведения личности. Однако следует признать, что социальные по своему происхождению и природе ценности всегда принимаются, осознаются и рефлексированы каждой личностью по-своему, что неизбежно накладывает черты уникальности на систему ценностей каждого человека.

Применительно к рассматриваемой нами проблеме внутренней картины здоровья следует выделить ценности жизненного психологического комфорта, телесной красоты и гармоничности, но в первую очередь собственно здоровья, без которого все остальные ценности в значительной степени обесцениваются, утрачивают свое мобилизационное и мотивационное воздействие на психику и поведение субъекта. Здоровье одновременно относится к числу и инструментальных, и терминальных ценностей человека, принадлежит к числу абсолютных ценностей, точнее, само-ценностей⁶.

Безусловно, каждый человек хочет быть здоровым. Это естественная и самоочевидная потребность и желание личности. Однако люди нередко ведут себя неадекватно своему состоянию здоровья, и порой даже в болезненном состоянии не соблюдают санитарно-гигиенические требования, принципы здорового образа жизни, культивируют вредные привычки. Н. М. Римашевская выделяет три основных индикатора нездорового состояния современного российского общества: высокая динамика заболеваемости, значительный рост инвалидизации населения и крайне резкое падение здоровья среди детей и подростков⁷.

Основная причина очевидного несоответствия между базовой ценностью здоровья и ее повседневной практической реализацией состоит в том, что большинство людей инстинктивно воспринимают здоровье как нечто само собой разумеющееся и природой навсегда подаренное. Потому, как справедливо отмечает Н. Е. Ветков, «чем адекватнее отношение человека к здоровью, тем интенсивнее забота о нем»⁸. Иначе говоря, по словам О. С. Мавропуло, в нашей стране сложилась «ситуация, когда по инерции и в соответствии с ментальными установками воспроизводятся на уровне сознания прежние ценности, а на практике уже реализуются поведенческие стратегии и действия, противоположные ценностным установкам»⁹. Следовательно, налицо противоречие между всеобщим признанием ценности здоровья и несоответствующим такому признанию уровнем практической реализации этой безусловной цен-

ности. Реальные практики в сфере здоровья существенно расходятся с идеальными ценностными представлениями о нем. Иначе говоря, хотя ценность здоровья общепризнана и неоспорима, на деле охранение здоровья не является для многих людей, особенно молодых, ведущим мотивационным фактором для поддержания хорошей физической формы. Молодежь, как справедливо замечает Г. Ю. Козина, «обычно не задумывается о своем здоровье, о факторах, укрепляющих или разрушающих его. Она вообще редко ценит здоровье, ее биологический инстинкт самосохранения еще не обогащен знаниями, опытом и размышлениями о здоровье»¹⁰.

На наш взгляд, данное противоречие коррелирует с одной из предложенных нами типологий внутренней картины здоровья – по уровню самооценки индивидом своего здоровья. По этому критерию можно выделить три основных типа¹¹:

1) оптимистический тип – человек явно переоценивает свои возможности, организм, здоровье, надеясь, что ему хватит природного здоровья;

2) пессимистический тип – человек уверен в своем слабом здоровье, а потому не предпринимает активных усилий по его защите;

3) адекватный тип – человек объективно оценивает состояние собственного здоровья, четко видит свои возможности и проблемы, осознает необходимость активных и систематических усилий по укреплению здоровья.

Аналогично обстоит дело и с другими ценностями, так или иначе связанными со здоровьем, в частности с ценностями жизненного комфорта, телесной красоты, гармоничности и т. п. Все они важны и значимы в качестве фундамента отношения человека к своему здоровью, основания его внутренней картины здоровья, однако сами по себе в отдельности от других психологических факторов ценности не обладают существенными мобилизационными и мотивационными возможностями с тем, чтобы надежно стимулировать индивида на последовательные и целенаправленные действия по защите собственного здоровья¹².

Следовательно, необходимо работать системно со всей совокупностью социально-психологических детерминант внутренней картины здоровья: социальными мифами, представлениями, стереотипами, убеждениями и ценностями, связанными со здоровьем.

Таким образом, значимость ценности здоровья высока и неоспорима, однако сама по себе эта ценность недостаточна для поддержания действенной и устойчивой мотивации человека на защиту собственного здоровья, формирования адекватного типа внутренней картины здоровья. К тому же следует учитывать, что у разных людей здоровье занимает различные места в иерархии ценностей.

Анализ социальных ценностей, связанных со здоровьем человека, в контексте проблемы внутренней картины здоровья позволяет не только более точно понять их роль и влияние на последнюю, но и организовать изучение динамики и трансформации ценностей в общественном и личном сознании. В этом мы видим перспективы дальнейшей разработки указанной проблемы.

---

¹ Ежевская Т. И. Ценности как важный психологический ресурс личности // Гуманитарный вектор. Серия : Педагогика, психология. – 2010. – № 2. – С. 55–59.

² Абишев Р. Э. Социальная ценность здоровья // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2012. – № 18. – С. 137.

³ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. – Москва : Наука, 1997. – С. 166.

⁴ См. : Горькая Ж. В. Психология ценностей : учебное пособие. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2014 – 92 с. ; Фомичева Т. В. К определению понятия «ценности» : социолого-исторический аспект // Ученые записки Российского гос. социального университета. – 2012. – № 7. – С. 63–70 и др.

⁵ Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности. – Москва : Смысл, 2003. – С. 227.

⁶ См. : Абишев Р. Э. Социальная ценность здоровья // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2012. – № 18. – С. 6–8 ; Беляев И. А. Здоровье человека как целостного природно-социально-духовного существа // Вестник Оренбургского гос. университета. – 2014. – № 7. – С. 86–92 ; Бубнова С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20, № 5. – С. 38–44 и др.

⁷ См. : Римашевская Н. М. Качество человеческого потенциала в современной России // Безопасность Евразии. – 2004. – № 1. – С. 14–32.

⁸ Ветков Н. Е. Здоровье человека как ценность и его определяющие факторы // Наука–2020. – 2016. – № 5. – С. 131.

---

⁹ Мавропуло О. С. Культура нездоровья в российском обществе : ценностные детерминанты и поведенческие практики // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 167.

¹⁰ Козина Г. Ю. Концептуальная модель воздействия социальных факторов на формирование здоровья человека // X Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов : межвуз. сб. науч. трудов. – Пенза : Пензенский гос. пед. ун-т, 2008. – С. 71.

¹¹ Смирнова Э. В. Внутренняя картина здоровья : структура и типология // Международный студенческий форум «Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке». – Воронеж : ИД ВГУ, 2015. – С. 17–18.

¹² См. : Абишев Р. Э. Социальная ценность здоровья // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2012. – № 18. – С. 6–8 ; Ветков Н. Е. Указ. соч. – С. 126–142 ; Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности. – Москва : Смысл, 2003. – 487 с. ; Мавропуло О. С. Культура нездоровья в российском обществе : ценностные детерминанты и поведенческие практики // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 165–173 ; Шерковин Ю. А. Проблема ценностных ориентаций и массовые информационные процессы // Психологический журнал. – 1982. – Т. 3, № 5. – С. 135–146 и др.

О. В. Тимофеева
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ФЕНОМЕНОВ ЛЮБВИ И СМЕРТИ
В ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПСИХОТЕРАПИИ *

Телесно-ориентированная психотерапия своими истоками уходит к работам В. Райха, который базировался на теоретических воззрениях З. Фрейда. И отсюда следует, что понимание феноменов любви и смерти в телесно-ориентированной психотерапии также своими корнями уходит в психоанализ с разницей в расставленных акцентах. З. Фрейд заметил, что чувства клиентов сопряжены с жестами, а В. Райх взглянул на причинно-следственные

---

* © Тимофеева О. В., 2021.

связи по-иному: «Если мы поменяем тело, то мы поменяем психологию»¹.

Обозначенная позиция привела к рождению нового течения (направления) в психологии: телесно-ориентированной психотерапии. На данный момент времени мы имеем, во-первых, целую систему методов диагностики психологических и психосоматических проблем и проявлений людей, основанных на телесном считывании, и, во-вторых, оригинальные методы и техники оказания помощи в установлении полного и доверительного контакта человека с его телом, а значит своей сущностью (от существования), сущностями других, миром. Развитию телесно-ориентированной психотерапии и проработке вопросов любви и смерти способствовали и специфические процессы, происходящие в обществе в XX веке: утрата гармоничного контакта человека со своей природой, своим телом. Базовые потребности либо игнорировались, либо гиперболизировались. Современные взрослые люди с трудом осознают телесные переживания, у многих утрачен и доведен до страха контакт со смертью.

На наш взгляд, есть ряд теоретических позиций или постулатов телесно-ориентированной психотерапии, через призму которых они рассматривают феномены любви и смерти.

1. Идея (в некоторой степени аксиома): психологические затруднения, проблемы отражаются в соме (теле).

2. Отсюда следует наличие определенной «говорящей» структуры тела. Локализация проблемы в определенной части тела.

3. Понятие о мышечном тоне. Изначально речь шла исключительно о мышечном панцире (В. Райх). С ним работал и А. Лоуэн, намного мягче это делала М. Розен². Затем уделили внимание гипотонусу. Например, благодаря Л. Джонсон (концепция гипореактивного мышечного ответа на травму) это сделала Л. Марчер и др.

4. Энергия тела (оргонная энергия В. Райха, боээнергетика А. Лоуэна и др.), свободное движение телесной энергии (блокируется ли она мышечным тонусом), ее количество (много в гипертонусе и мало в гипотонусе, оптимально в нейтральном).

Темам любви и смерти в телесно-ориентированной психотерапии уделяется достаточное внимание. При этом рассмотрение их

разрозненно ведется редко. Есть направления, посвященные непосредственно проявлениям любви или проработке темы смерти.

Энергия, по В. Райху, это, в некотором смысле, показатель жизнеспособности организма. Отсюда он работал по возрождению в теле оргонной (от слов организм и оргазм) энергии. Критиковался за то, что как и З. Фрейд, рассматривал сексуальную энергию как первичный драйв. Однако, говорить о том, что В. Райх редуцировал тему любви к сексуальности, на наш взгляд, не верно. Направление движения энергии в его теории рассматривалось как движение сверху вниз. Следовательно, только предварительная работа с верхними блоками позволяла достичь эффекта в тазовой части тела человека. Это означает, что его подход был интегративным и месту любви в нем было уделено. Видимо, предполагалось, что достижение наиболее яркого оргазма возможно только при открытости в других контактах человека с миром. Итак, В. Райх задает направление мысли и исследованиям в русле телесно-ориентированной терапии. Если оргонная энергия – фундаментальная жизненная энергия, то ее оптимальное количество способствует здоровью человека, возможности любить и принимать любовь; невозможность ее выражать приводит к формированию блоков (с этим активно В. Райх и работал); истощающийся с годами оргон, вероятно, приводит к смерти (в восточной философии речь идет о корневой чакре).

Итак, в идеях В. Райха, на наш взгляд, смерть и любовь (последняя с акцентом на сексуальную часть) локализованы в одной области – тазовой. При этом, истощенность оргонной энергии можно рассматривать как увядание жизни, ее достаточное количество как здоровую позицию, а блокирование мышечным тонусом как невротическое состояние.

Обратимся к идеям А. Лоуэна. В своей книге «Секс, любовь и сердце» он «прописывает» чувство любви в сердечной мышце³. Обосновывает связь деятельности сердечно-сосудистой системы с состояниями влюбленности, ситуациями расставания и т.п. А. Лоуэн утверждает, что полноценная любовь возможна только при свободном движении энергии по телу, без его расщепления: сверху вниз и наоборот. По А. Лоуэну, у современного человека мы достаточно часто встречаем нарушение единства тела: разума (голова), чувств (сердце) и сексуальности (половые органы). Расщеп-

ление в области шеи и талии. Отсюда сердце становится изолированным, теряет свою жизненность, что выступает серьезным последствием для здоровья. Более того, прерывание свободного движения энергии может привести к смерти. В современной телесно-ориентированной психотерапии смерть рассматривают не только как уход из жизни, но и символически, например, как смерть любви. В работах А. Лоуэна описан механизм, приводящий к остановке любви.

У человека имеется импульс к сближению. Если импульс игнорируется извне, человек реагирует злостью. В состоянии злости кровь наполняет мышечную систему. При проявлении злости благодаря разрядке человек может вернуться в состояние наполненного любовью контакта. В это время мышцы возвращаются в состояние релаксации и мягкости, что делает возможным появиться на поверхности тела импульсам любви. Отсюда следует, что для сохранения любви важно позволять проявлять человеку злость. Неспособность к выражению злости вызывает в мышцах напряжение и спазм. Импульс к сближению в этом случае не может пробиться через барьер напряженных мышц. И здесь рождается удивительный парадокс: «Садист ранит любимого не из злости, а из любви». Только ее проявление разрушительно для обеих сторон. Таким образом, новорожденный обладает природной грацией. Родители лишают ребенка грации, когда не разрешают ему плакать, проявлять гнев, бегать, кричать и т. д. В это время прерывается нить любви, теряется духовность ребенка, утрачивается грация. При блокировании естественной реакции возникает хроническое напряжение мышц. По А. Лоуэну, расслабленная мышца энергетически заряжена и растянута; сокращенная мышца после использования своей энергии в процессе своей работы, сжата.

Еще одно мощное средство «остановки» чувствования лежит в амбивалентности переживаний, результатом которой является паралич деятельности.

А. Лоуэн работает с энергией, восстанавливая ее естественное течение. Техники А. Лоуэна способствуют зарядке мышц, т. е. расслаблению.

Таким образом, по А. Лоуэну проблемы любви и смерти находят свое отражение в телесной структуре. Работа с ними ве-

дается благодаря восстановлению естественного потока энергии, что делает человека грациозным.

Классика телесно-ориентированной психотерапии уделяет внимание темам любви и смерти, в основном концентрируясь на излишнем тоне, проявляемом на уровне мыслей в виде табу, на эмоциональном в виде страхов, на поведенческом в виде бездействия.

В современных телесно-ориентированных направлениях чуть больше уделяется внимание состоянию гипотонуса.

Вопросы любви и смерти находят попытку решения в таких современных течениях телесно-ориентированной психотерапии: биосинтезе (Д. Боаделла)⁴, бодинамике (Л. Марчер)⁵, хакоми (Р. Курц)⁶, танатотерапии (В. Баскаков)⁷.

Для исследователей этой темы становится очевидным, что решение одной проблемы невозможно без установления контакта с другой.

«Для того, чтобы полноценно жить и любить, необходимо установление контакта с моей Музой – смертью», – В. Баскаков.

В. Баскаков систематизировал имеющиеся представления о смерти, что позволило ему назвать виды символической смерти⁸.

1. Тотальное расслабление как смерть. Современный человек в своем большинстве находится в жизненном тоне, нередко отдых рассматривается как проявление слабости. Как укор звучит фраза: «Что-то ты расслабился...». Часто люди описывают тотальное расслабление как отсутствие энергии в теле: оно становится вялым, дыхание незаметно и т. п.

2. Сон. В истории и культуре человека есть немало пересечений сна со смертью. Так, в мифологии бог сна Гипнос – брат бога смерти Танатоса. А старорусское «смежить очи» имеет два значения: «погрузиться в сон, заснуть» и «умереть». Тело человека во время сна расслабляется, снижается контроль сознания.

3. Любое окончание/завершение/остановка. Окончание школы, замужество, развод и т. п. – своеобразные переходы в другую общность, предполагающие завершение прежних социальных отношений, их смерть.

4. Оргазм. На Востоке оргазм традиционно рассматривался как аналог смерти в связи с потерей контроля сознания в его момент.

5. Сумасшествие. Как и в предыдущем случае речь идет о потере контроля со стороны сознания

6. Объектные/предметные характеристики тела. Объектность как противоречивое понятие субъектности предполагает некую безынициативность, безжизненность, возможность пользования кем-то.

В бодинамике утверждается, что решение ряда жизненных задач проходит с осложнениями у людей, имеющих гипотонус или гипертонус. Так, они описывают по три типа характера, связанного с темой жизни/смерти: структура Существования (первая) и структура Любви/Сексуальности (пятая по порядку)⁹.

Таким образом, в рамках телесно-ориентированной психотерапии уделяется внимание феноменам любви и смерти, где акцент делается на отражении утерянного или не выстроенного контакта людей с этими темами. Работа ведется по восстановлению телесного осознания, свободного движения энергии, нейтрального мышечного тонуса.

---

¹ Райх В. Функции оргазма. – Санкт-Петербург : Универс. книга, 1996. – 303 с.

² Свободное тело. Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии / Сост. В. Баскаков. – Москва : Ин-т Общегуманит. Исследований, 2017. – 160 с.

³ Лоуэн А. Секс, любовь и сердце. – Москва : Корвет, 2014. – 256 с.

⁴ Боаделла Д. Биосинтез. Потоки жизни. – Москва : Центр психологич. консультирования и телесной психотерапии, 2016. – 448 с.

⁵ Телесная психотерапия. Бодинамика / Сост. В. Б. Березкина-Орлова. – Москва : АСТ МОСКВА, 2010. – 409 с.

⁶ Курц Р. Телесно-ориентированная психотерапия. Метод хакоми. – Москва : Класс, 2004. – 304 с.

⁷ Баскаков В. Танатотерапия : теоретические основы и практическое применение. – Москва : Институт Общегуманит. Исследований, 2007. – 176 с.

⁸ Баскаков В. Указ. соч.

⁹ См. : Телесная психотерапия. Бодинамика...

В. В. Толстикова
УСПЕШНОСТЬ ЛИКВИДАЦИИ АВАРИЙНЫХ СИТУАЦИЙ
ОПЕРАТИВНЫМИ СМЕНАМИ БЩУ АЭС
С РАЗНЫМИ ОБЩЕГРУППОВЫМИ
ЦЕЛЯМИ И ЦЕННОСТЯМИ *

Оперативный персонал атомных электростанций (АЭС) – это те люди, от которых во многом зависит безаварийная и надежная работа предприятия. Они уполномочены принимать те или иные конкретные решения, совершать действия (в частности, оперативные переключения), напрямую связанные с безопасностью АЭС. Безусловно, все эти действия совершаются не по наитию, а строго регламентированы: существуют инструкции по разным режимам эксплуатации, чек-листы по переключениям и т. д. Инженеры-проектировщики, технологи, ученые-консультанты неустанно стараются сделать работу оперативного персонала более четкой, регламентированной и «удобной», пытаясь охватить как можно больше ситуаций (пускай даже крайне маловероятных на практике), описать их и разработать конкретную инструкцию по действиям операторов в условиях развития этих ситуаций.

Проблема, на наш взгляд, заключается в том, что немислимо описать все возможные ситуации на АЭС и составить по каждой из них определенный алгоритм действий. Реальность, в которой одновременно могут действовать разнообразные факторы, преобразующие ее в каждый конкретный момент времени, невозможно описать в инструкции или регламенте. В них можно обозначить лишь приоритетное направление действий, общие правила, которыми должен руководствоваться оперативный персонал, на что он должен обращать особое внимание в конкретной ситуации. Проиллюстрируем сказанное следующим примером.

На любой АЭС мира возможна ситуация (которая не раз происходила в реальности), связанная с возникновением пожара на блочном щите управления (БЩУ). По сути своей она является одним из классических сценариев, обрабатываемых оперативным

---

* © Толстикова В. В., 2021.

персоналом на ежегодных противоаварийных тренировках (ПАТ). «Пожар на БЩУ» – ситуация, описанная инженерно-техническим персоналом, «составляющим» сценарий ПАТ во всем подробностях. Разработаны также конкретные инструкции, программы, регламентирующие порядок действий персонала БЩУ в такой ситуации. В этих документах прописаны требования к действиям ко всему персоналу БЩУ: начальнику смены АЭС (НС АЭС), начальнику смены блока (НСБ), ведущему инженеру по управлению реактором (ВИУР) и др. У каждого есть свои обязанности и своя ответственность в данной ситуации.

При этом, как мы уже говорили выше, инструкция по ликвидации пожара на БЩУ никак не может учесть всех особенностей реальности, а является лишь одним из ее фрагментов, презентующих ситуацию в «чистом» виде. Если же параллельно с пожаром происходит еще одна нештатная ситуация (например, снижение уровня давления воды в первом контуре), то оперативный персонал должен начать использовать и другой регламент – по ликвидации новой ситуации, который, впрочем, также описывает лишь еще один фрагмент реальности, но не ее в целом.

И еще один важный момент. Ни одна из инструкций, по сути своей, не описывает *психологические факторы*, которые могут влиять на поведение оперативного персонала в условия развития определенной нештатной ситуации. К примеру, у одного из операторов существует конфликт в семье, в связи с чем он переживает тревогу, сниженное настроение и т. д. Все это, конечно, может влиять на ухудшение показателей его профессионально важных качеств, таких как внимание, скорость реакции на сигнал и др. и, в конечном счете, отрицательно сказываться на эффективности его трудовой деятельности.

Таких примеров можно привести немало. Подобные психологические факторы способны существенно воздействовать на поведение оператора, его действия. При этом, повторимся, их не учитывают инструкции по ликвидации тех или иных нештатных ситуаций. Связано это, на наш взгляд, со следующими причинами.

Во-первых, феномен психологического состояния человека – предмет необычайно сложный даже для специалистов, а инструкции по действиям в нештатных ситуациях создают люди с техническим образованием, часто имеющие слабое представление о фено-

менах человеческой и психики и их влиянии на поведение и принятие решений работниками.

Во-вторых, по-видимому, существует некоторое убеждение в том, что если уж оператор прошел все необходимые обследования (в том числе психофизиологическое) и признан «годным», то он «не должен» поддаться тревоге (или даже панике) в нештатной ситуации, его семейные и бытовые проблемы «не могут» оказывать влияния на его профессиональную деятельность, а характеристики познавательных процессов, выявленные в ходе психологической диагностики, статичны и будут неизменными в любой ситуации на АЭС. Примитивность такого подхода очевидна и не требует, на наш взгляд, дополнительной аргументации.

Но вернемся к вопросу обеспечения оперативным персоналом безопасной эксплуатации АЭС. Итак, инструкции и регламенты по действиям персонала в нештатных ситуациях не учитывают (или почти не учитывают) влияния психологических факторов на поведение оперативного персонала. А подход, основанный на «прогностической убежденности» в стабильности психологического состояния оператора в любых ситуациях не выдерживает критики. Мировая статистика говорит о том, что до 40% всех аварий и до 80% нарушений на АЭС связаны с ошибками, которые были совершены персоналом, «практически не способным» на это (обладающим высоким уровнем развития профессионально важных качеств). Более того, в 35% случаев причинами этих ошибок являются «личные качества» (невнимательность, суетливость, небрежность и т. д.)¹.

Логично возникает вопрос: как можно нивелировать негативное влияние психологических факторов? За счет чего оперативному персоналу АЭС удастся эффективно справляться с возникающими нештатными ситуациями? Ведь такие ситуации происходят, к сожалению, регулярно, но только в единичных случаях персоналом совершаются ошибки, приводящие к угрозе безопасной эксплуатации АЭС².

Регламенты и инструкции, существующие на АЭС несовершенны, а операторы имеют свойство совершать ошибки. Но чаще всего именно они (операторы) являются барьером на пути развития серьезных аварийных ситуаций.

Специфика работы оперативного персонала АЭС обусловлена, в первую очередь, тем, что проходит в «сменном» формате. Оперативная смена – малая группа, состоящая (в зависимости от цеха) из 5–8 человек, работающая по определенному графику (8-часовые «утренние», «дневные» и «ночные» смены). Именно смена как малая группа может являться фактором, обуславливающим безопасную и надежную работу оперативного персонала АЭС. Одной из важнейших характеристик оперативной смены является групповая надежность, под которой мы понимаем сложную системную характеристику, связанную, с одной стороны, с профессиональными, с другой стороны, – с социально-психологическими характеристиками рабочей группы. Групповая надежность формируется в результате слаженного взаимодействия членов оперативной смены, актуализируется в нештатных (экстремальных, напряженных) ситуациях их совместной трудовой деятельности и определяет возможность решения профессиональных задач с целью обеспечения безопасной эксплуатации АЭС.

Групповая надежность выполняет специфические функции: 1) активирующе-динамическую; 2) резервно-компенсаторную; 3) кооперативно-интегративную; 4) операционально-инструментальную; 5) мобилизационно-результативную; 6) психолого-стабилизирующую. Считаем, что, благодаря данным функциям групповой надежности, обеспечивается такая работа оперативной смены, в которой удается, с одной стороны, «оптимизировать» регламентированные процедуры с точки зрения их «интеграции в реальность», а с другой стороны, – нивелировать те «психологические проблемы», которые имеются у каждого отдельного члена оперативной смены.

Групповая надежность тесно связана с другим феноменом – успешностью профессиональной деятельности оперативной смены АЭС³. Под ней мы понимаем соответствие цели выполняемой ею деятельности достигаемому результату. Иными словами, поскольку главной целью деятельности оперативной смены является поддержание безопасного режима эксплуатации АЭС, успешность будет определяться достижением оперативной сменой этой цели. Причем отметим, что надежность всегда связана с успешностью, но успешность еще не гарантирует надежности. Конечно, успешная в обычных условиях оперативная смена АЭС, попав в нештатную ситуа-

цию, может не проявить свою надежность в необходимой степени. Тем не менее, полагаем, что успешная оперативная смена, вероятно, способна на проявление более высокого уровня групповой надежности, нежели смена неуспешная.

В связи с тем, что мы выделяем в структуре групповой надежности в качестве одного из компонентов единство целей и ценностей, нами было осуществлено пилотажное исследование ценностно-ориентационного единства оперативных смен блочного щита управления 4 энергоблока (БЩУ-4) Нововоронежской АЭС (НВ АЭС), демонстрирующих разную степень успешности в ситуациях ликвидации аварийных ситуаций.

На первом этапе было проведено исследование ценностно-ориентационного единства 6 оперативных смен БЩУ-4. Состав каждой смены одинаков: начальник смены АЭС (НС АЭС), начальник смены блока (НСБ), инженер по управлению блоком БЩУ (ИУБ БЩУ), инженер по управлению блоком резервного щита управления (ИУБ РЩУ), инженер по управлению реактором (ИУР). Общая выборка составила 30 человек.

В качестве диагностического инструмента была выбрана «Методика определения ценностно-ориентационного единства коллектива (ЦОЕ)» В. С. Ивашкина и В. В. Онуфриевой⁴. Процедура исследования заключалась в том, что каждому члену оперативной смены предлагался для заполнения бланк методики с инструкцией. После чего производились обработка и интерпретация результатов (табл. 1).

Таблица 1

Результаты исследования ценностно-ориентационного единства оперативных смен БЩУ-4

Уровень ЦОЕ	Кол-во оперативных смен, ед.	Кол-во оперативных смен, %
Высокий уровень	6	100
Средний уровень	0	0,0
Низкий уровень	0	0,0
Основание ЦОЕ	Кол-во оперативных смен, ед.	Кол-во оперативных смен, %
Деловые качества	0	0,0
Моральные качества	2	32,0
Эмоциональные качества	4	68,0

Данные таблицы 1 позволяют заключить, что все оперативные смены БЩУ-4 характеризуются высоким уровнем ценностно-ориентационного единства. При этом для четырех смен основанием для этого единства являются эмоциональные качества, а для двух других смен – моральные качества. Интересно, что деловые качества не являются основанием для ценностно-ориентационного единства оперативных смен БЩУ-4.

На следующем этапе исследования мы проанализировали результаты прохождения персоналом БЩУ-4 противоаварийных тренировок (ПАТ) на полномасштабном тренажере (ПМТ) энергоблока. Анализу подверглись результаты ПАТ за 2019 год. Всего было рассмотрено 4 одинаковых по тематике ПАТ, пройденные каждой из оперативных смен. Результаты данных ПАТ были уже оценены инструкторами ПМТ по 100-бальной шкале в соответствии с существующими на АЭС критериями (такими, как «своевременность реагирования на сигналы», «правильность действий», «адекватность применения процедур», «следования регламенту» и т. д.). ПАТ, оцененная ниже 50 баллов, считается не пройденной оперативной сменой, при результате ниже 75 баллов констатируется, что ПАТ пройдена, но с наличием существенных ошибок (в процедуре, действиях, коммуникации и т. д.), поэтому такие результаты интерпретировались нами как показатель «неуспешности» оперативной смены. Сводные данные оценок ПАТ представлены в таблице 2.

Таблица 2
Результаты оценки прохождения ПАТ персоналом БЩУ-4*

	ПАТ №1	ПАТ №2	ПАТ №3	ПАТ №4	Общая оценка
Смена 1	90	85	90	75	85,0
Смена 2	90	95	90	90	91,5
Смена 3	60	90	90	90	82,5
Смена 4	80	90	80	80	82,5
Смена 5	85	75	80	70	77,5
Смена 6	70	85	75	75	76,5

* Примечание: цветом выделены ячейки с оценками ПАТ ниже 75 баллов.

Согласно таблице 2, все оперативные смены БЩУ-4 продемонстрировали достаточно высокий уровень успешности ликвидации аварийных ситуаций в ходе проведения ПАТ на ПМТ. При этом следует обратить внимание на то, что некоторые тренировки у нескольких смен были оценены на уровне ниже 75 баллов. Тем не менее, считаем, что общий результат по всем ПАТ позволяет характеризовать оперативные смены БЩУ-4 как успешные.

Таким образом, полученные результаты исследования дают основания утверждать: высокий уровень ценностно-ориентационного единства как компонент групповой надежности может выступать фактором, обуславливающим успешность оперативных смен при ликвидации аварийных ситуаций.

В заключение еще раз подчеркнем: успешность деятельности оперативных смен при ликвидации аварийной ситуации оценивалась нами по результатам прохождения сменой ПАТ на ПМТ и оказалась достаточно высокой. Но какова была бы успешность оперативных смен в случае, если бы им пришлось ликвидировать *реальные* аварийные ситуации? Хотя этот вопрос и вызывает большой научно-исследовательский интерес, надеемся, что ситуации, «отыгранные» сменами на ПАТ, не повторятся на АЭС в реальности. И пусть этот вопрос останется риторическим.

---

¹ Анохин А. Н., Плешакова Н. В. Анализ ошибок, допускаемых операторами БЩУ АЭС при использовании эксплуатационных процедур // Известия ВУЗов. Ядерная энергетика. – 2012. – № 4. – С. 45–57.

² Human factors in design and construction. Regulatory perspective. Technical Meeting. – IAEA, Vienna. – 31 p.

³ Толстикова В. В. Сопоставительный психологический анализ понятий «надежность», «безошибочность», «помехоустойчивость» и «успешность» в контексте профессиональной деятельности оперативных смен АЭС // Вестник научной сессии факультета философии и психологии / Воронежский гос. ун-т; [Отв. ред. Ю. А. Бубнов]. – Воронеж : ИД ВГУ, 2019. – Вып. 19. – С. 170–176.

⁴ Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – Москва : Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. – С. 131.

В. И. Тужикова
КАРЬЕРА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
СТУДЕНТОК *

Изменения в идеологической, политической, экономической сферах жизни повлекли за собой изменения, происходящие в сознании современных людей. Хватило одного поколения, чтобы большинство взрослого населения подвергло ревизии показавшиеся устаревшими жизненные ориентиры и сформировало новые системы ценностей. В условиях отсутствия национальной идеи и ориентации общества на достижение материального благополучия представляет интерес особенности формирования системы ценностных ориентаций у современной молодежи. Ценностные ориентации – это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Они определяют направленность и содержание активности личности, общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам.

С. Л. Рубинштейн говорил, что ценность – это значимость для человека чего-то в мире, и только признаваемая ценность способна выполнять важнейшую ценностную функцию – функцию ориентира поведения¹. Ценностная ориентация обнаруживает себя в определенной направленности сознания и поведения, проявляющихся в общественно значимых делах и поступках.

В системе ценностных ориентаций молодежи неизбежно присутствуют профессиональные ценности, и в их числе – карьера, что соответствует представлениям о задачах развития личности на этом возрастном этапе и определяет ее социальную активность.

Исходя из положения С. Л. Рубинштейна о том, что внешние причины действуют через внутренние условия, можно предположить, что «внутренним условием» эффективного карьерного роста является планирование собственной карьеры. Вероятно, именно образ профессиональной карьеры является регулятором жизненных планов, профессионального становления и построения собственной карьеры.

---

* © Тужикова В. И., 2021.

Исследование, предпринятое нами, предполагало изучить место карьеры в системе ценностных ориентаций студенток вуза. Интерес к профессиональным ценностным ориентациям и, в том числе, карьере девушек-студенток определялся возросшими в последнее время карьерными амбициями женщин, которые ориентированы на достижение высокого профессионального статуса. Мы ставили перед собой задачи выяснить, как соподчинены ценности в системе ориентаций студенток вуза; какое место занимают профессиональные ценности в системе ценностных ориентаций студенток; какое место в этой системе отводят студентки профессиональной карьере и как сочетается ориентация на карьеру с их осуществлением в реальной жизнедеятельности.

Эмпирическое исследование было проведено на базе исторического факультета и факультета философии и психологии Воронежского государственного университета. В исследовании приняли участие студентки II курса этих факультетов, специальности «Психология» и «История» в возрасте 18–19 лет. Общий объем выборки составил 75 человек.

Для решения поставленных вопросов был использован метод стандартизированного самоотчета, который представили две методики. Модифицированный вариант методики диагностики социальных ценностей личности Н. П. Фетискина применялся для того, чтобы выявить систему ценностных ориентаций респондента². Для изучения реализации ценностных ориентаций личности в реальных условиях жизнедеятельности мы использовали методику диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С. С. Бубновой³.

В нашем исследовании мы предлагали испытуемым сравнить ценности между собой и определить наиболее предпочтительные для себя. Для сравнения использовали список, включающий в себя такие ценности – профессиональные, финансовые, семейные, социальные, общественные, духовные, физические и интеллектуальные. Предпочтительной ценностью для наших девушек оказалась семья – 54% респондентов поставили ее на 1 место, на втором месте оказались профессиональные ценностные ориентации – они лидируют у 16% опрошенных, третье место поделили интеллектуальные ценности (самосовершенствование, интеллектуальное развитие, познание нового) и финансовые ценности – высокооплачиваемая

работа и материальная обеспеченность – по 10% респондентов поставили их на первое место и список замыкает духовные ценности – 1% (1 чел.) студенток поставил их на первое место.

Результаты обследования показали, что профессиональные ценности оказались на 1 месте у 16% девушек (10 чел.), на 2 месте у 38% опрошенных (23 чел) и на 3 месте – 25% девушек (15 чел.). Причем карьера как особая ценность в системе профессиональных ценностей девушек оказалась на 1 месте у 10% опрошенных, на 2 месте у 14,7% опрошенных, на 3 месте у 32% опрошенных.

Перейдем к рассмотрению иерархии ценностей студенток, обозначивших профессиональные ценности приоритетными для себя. Эта группа опрошенных на второе место по значимости ставят семейные (40%) и социальные (40%) ценности, а также ценности интеллектуального развития (20%) и финансовые ценности (10%). Из этого следует, что девушки полагают возможным сочетать в своей жизни увлекательную работу, которая доставляет удовольствие и построение карьеры с удачным замужеством и времяпрепровождением в кругу семьи. Возможность одновременно реализовать такие разнонаправленные ценностные ориентации по мнению ряда исследователей весьма затруднительно. Сочетание профессиональных ценностных ориентаций с возможностью общения и наличием узкого круга друзей представляется более согласованным, так как сфера приложения профессиональных сил неизбежно предполагает взаимодействие с другими людьми, с которыми устанавливаются близкие отношения. Некоторые девушки, выбравшие в качестве приоритетных профессиональные ценности, на второе место ставят ценности интеллектуально развития, самосовершенствования и познание нового. И одна из «карьеристок» на второе место ставит финансовые ценности – высокооплачиваемую работу и обладание материальными ценностями – дом, машина, красивые вещи. Как видно, не все девушки ориентированные на карьеру реалистичны в своих жизненных целях.

Рассмотрим теперь распределение по позициям ценностей у второй группы девушек, которые поставили профессиональные ценности на второе место. Первую позицию у 74% из них заняли ценности семейной жизни – удачное замужество и времяпрепровождение в кругу семьи. Приоритет семейных ценностей говорит о том, что в большей степени девушки ориентированы создать семью

и в ней остаться. Профессиональные ценности будут реализовываться вслед за ними, либо они рассматриваются как резервный вариант на случай несостоявшейся семьи. По 8% респондентов на первое место поставили ценности развития и самосовершенствования и ценности общения. Вероятно, для них профессиональные ценности будут подкреплять процессы самоактуализации и взаимодействия с другими людьми. И одна из опрошенных на первое место поставила финансовые ценности, а вслед за ними – профессиональные, в том числе и карьеру, которые должны привести их к материальному благополучию.

Теперь посмотрим, как сочетаются карьерные ценности с реализацией ценностных ориентаций в реальных условиях жизнедеятельности. В нашем исследовании о реализации карьерных ориентаций мы судили по наличию действий, направленных на достижение высокого социального статуса, признания и уважения людей.

Из всех наших респондентов мы выбрали тех, у которых карьера занимает лидирующие позиции в системе ценностных ориентаций, а именно 1–2 ранги. От всего количества участвующих в опросе девушек таких оказалось 37% (24 чел.). Оказалось, что из них предпринимают реальные действия по достижению социального и личного статуса 66% девушек. Остальные 34% только лишь ставят карьеру на вершину системы ценностных ориентаций, но при этом реально ничего не делают.

При этом была выделена группа студенток, стремящихся к высокому социальному статусу и реально на него работающих, но не ставящих карьеру на лидирующие позиции в системе ценностных ориентаций. Таких девушек оказалось 31% от числа участвующих в обследовании. Для них жизненными приоритетами являются ценности семьи (70%), социальные, духовные и ценности интеллектуального развития. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с людьми, которые ответственно относятся к своей жизни, ориентированы на общечеловеческие ценности – труд, семья, добрые отношения с окружающими, самореализация – и при этом не ставящие для себя карьерные цели.

Таким образом, цель исследования места карьеры в системе ценностных ориентаций студенток вуза и ее осуществление в реальных условиях жизнедеятельности достигнута. Проведенное исследование показало, что многие студентки в качестве ведущих

ценностных ориентаций выбирают профессиональные ценности, в том числе и карьеру. Обнаруженные факты открывают перспективы для дальнейшего исследования проблем профессионального и жизненного самоопределения современной молодежи.

---

¹ См. : Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – Москва : Педагогика, 1976. – 416 с.

² Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – Москва : Изд-во Ин-та Психотерапии. 2002. – 490 с.

³ Бубнова С. С. Методика диагностики ценностных ориентаций личности. – Москва : Ин-т молодежи. 1995.

Н. А. Шевченко
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ФЕНОМЕНА МЫ-КОНЦЕПЦИИ
В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ *

Проблематика Мы-концепции до сих пор не разработана в должной степени в социальной психологии. Развернутое понимание сущности, структуры Мы-концепции, ее особенностей и функций имеет ценность для дальнейшего развития такой области социальной психологии, как психология группы. Проблемой Мы-концепции занимались и занимаются в настоящее время такие исследователи, как Н. И. Бетанели, К. М. Гайдар, С. Московичи, Н. В. Строкова, А. С. Чернышев и др.¹

Мы-концепция как группы, так и личности является важным компонентом самосознания субъекта (группового или индивидуального). В психологии принято рассматривать самосознание как высший уровень развития сознания личности и группового сознания. Под сознанием группы мы подразумеваем понимание группой ее социального окружения, взаимоотношений и правил взаимодействия с другими группами и обществом в целом, а также своих

---

* © Шевченко Н. А., 2021.

функций, целей и задач, места в обществе². Под самосознанием мы понимаем сложный психический процесс, заключающийся в восприятии многочисленных образов самого себя в разных ситуациях деятельности, поведения и взаимодействия с окружающими (людьми или группами), а также интеграцию всех этих образов в единое целое – систему представлений, которая служит основой для формирования «Я» как субъекта, отличного от других субъектов. В процессе дальнейшего развития акты самосознания становятся все более сложными и обширными, что приводит к формированию глубокого, сложного и адекватного представления о самом себе посредством увеличения числа соответствующих образов и представлений.

Относительно генезиса самосознания в современной науке существует несколько точек зрения. С одной стороны, самосознание понимается как исходная генетически первичная форма сознания человека, которая основывается на самоощущениях и самовосприятии. Исходя из концепции «первичности», исследователи полагают, что способность к самопереживанию является универсальной стороной самопознания, которая в свою очередь его и порождает. С другой стороны, С. Л. Рубинштейн определял самосознание в качестве высшего уровня сознания, являющегося результатом развития последнего. Он утверждал, что не сознание рождается из самопознания и познания «Я», а самосознание является результатом развития сознания личности³.

Групповое самосознание – это процесс и результат познания групповым субъектом себя, в ходе которого образуются его представления о себе как о субъекте действий, переживаний, отношений к своим особенностям, в сочетании с готовностью направлять свою активность на самого себя⁴.

Таким образом, групповое самосознание представляет собой совокупность процесса и результата групповой рефлексии и рефлексии. Рефлексии как способности оценивать свои поступки и действия, свое поведение и поведение окружающих, сопоставлять желаемое и действительное. В свою очередь, рефлексия – это способность группы осознавать и воспроизводить способ, использовавшийся для решения поставленной задачи. Если говорить конкретнее, то это способность группы давать осознавать и оценивать свои действия и их результаты, нормы, ценности, идеалы, мотивы,

интересы, типичные черты, свою историю и траекторию дальнейшего развития, а также свое место в социальной среде.

Групповое самосознание состоит из осознания группой своего существования как особой общности, понимания факторов, объединяющих членов группы, оценки ее возможностей, зоны ближайшего развития, перспектив становления, а также средств сохранения и повышения социального статуса.

Для понимания феноменологии группового самосознания большое значение имеет анализ Мы-концепции группы. К. М. Гайдар, занимающаяся разработкой концепции группового самосознания, рассматривает Мы-концепцию как интеграцию образов и представлений группы о себе как о едином субъекте, которые в свою очередь являются составляющими когнитивно-рефлексивного компонента группового самосознания⁵.

Первым исследователем, изучавшим Мы-концепцию больших групп, был Н. И. Бетанели. Он рассматривал «концепцию Мы» как сформированный образ конкретного сообщества. «Концепция Мы» объединяет в себе все взгляды, убеждения, самооценки, представления членов данной общности об их жизни, которые формируют единую целостную систему, единый обобщенный образ, единую концепцию группы о себе – «Мы». Данная концепция может формироваться посредством общения членов группы между собой, понимания и осознания групповой общности, формирования общей картины внутригрупповых потребностей, ценностей, постановки целей. Важным аспектом «Мы-концепции» является понимание членами группы групповых границ, пространственной и временной обособленности⁶.

Стоит отметить, что некоторые отечественные ученые говорят, что Мы-концепция играет важную роль в формировании адекватной Я-концепции личности, входящей в группу. В рамках функционирования и развития малой группы взаимовлияние Я-концепций членов группы с Мы-концепцией является немаловажным аспектом групповой жизни.

Основываясь на классификации функций Я-концепции Г. К. Селевко⁷, обозначим следующие функции Мы-концепции группы.

1. Информационная – заключается в наличии ожиданий группы относительно самой себя. Эти ожидания могут быть связаны с численностью группы, ее границами, развитием, внутригруп-

повыми и межгрупповыми процессами, изменением социального статуса группы, ее значимости в обществе.

2. Практическая – состоит в определении характера приобретаемого группой опыта, формы его проживания и особенностей интерпретации. От этой функции зависит то, именно какие формы поведения и взаимодействия группа может себе позволить, какими целями и правилами она руководствуется, насколько глубокими и обоснованными могут быть анализ и последующие выводы членов группы из конкретной ситуации, насколько выводы и полученный опыт повлияет на последующую деятельность группы (как развивающий и модернизирующий или как травмирующий, разрушающий).

3. Регуляторная – выражается в отборе необходимой информации о предмете или явлении и – в соответствии с полученными данными – в контроле и регуляции поведения и действий группы.

4. Координационная – представляет собой внутреннюю согласованность и слаженность действий группы, достижение высокого уровня которых влияет на продуктивность и результативность ее деятельности.

Реализация последней функции Мы-концепции зависит от состояния «Мы». Отталкиваясь от классического определения психического состояния в психологической науке, под состоянием Мы-концепции группового субъекта будем понимать целостную характеристику Мы-концепции, отражающую своеобразие ее функционирования в определенный период жизнедеятельности группы, являющееся следствием «проживания» ею определенного этапа своего развития, или воздействий на нее внешних агентов и условий, или изменений социальной ситуации жизнедеятельности.

По результатам теоретического анализа мы выделяем следующие возможные состояния Мы-концепции группы на основе такого критерия, как наличие или отсутствие внутригрупповых противоречий:

– «Мы-целостное» – характеризуется отсутствием противоречий между целями и ценностями группы, с одной стороны, и ценностями и целями ее членов, с другой. Участники группы заинтересованы в ее деятельности, им близка ее общая направленность;

– «Мы-неустойчивое» – присуще тем группам, цели и ценности которых хотя бы частично не соответствуют ценностям и целям

отдельных их представителей. В таком случае внутри группы могут возникать диады, триады и другие подгруппы, имеющие свои системы ценностей и стремлений, что может приводить к несогласованности действий внутри группы, замедлению процессов ее развития, а порой и к обострению внутригрупповых и межгрупповых конфликтов;

– «Мы-дисбалансированное» – отличается внутренними противоречиями между членами группы, полным отсутствием согласованности в понимании ее целей, форм и сроков их достижения. Подобное состояние часто наблюдается в группах, в которых произошла смена руководства, реструктуризация, имели место крупные кадровые изменения, уход ведущих специалистов (формальных или неформальных лидеров группы), а также масштабные изменения условий их существования. Крайней степенью состояния «Мы-дисбалансированного» может являться утрата «Мы» как такового (состояние кризиса группового самосознания), что приводит к распаду группы или переходу ее в иное качественное состояние.

Нами выделен и ряд других состояний Мы-концепции, которые отражают такой критерий, как творческое и нетворческое отношение группового субъекта к самому себе:

– «Мы-репродуктивное» – свойственно тем группам, которые предпочитают стабильность, стремятся во что бы то ни стало сохранить свой состав, численность и границы. Все виды ресурсов этих групп направлены исключительно на точное воспроизведение (буквально копирование) привычных для них видов поведения, способов коммуникации и способов деятельности, что отражается в стабильности представлений и чувств группы относительно себя самой;

– «Мы-продуктивное» – характерно для такой группы, которая допускает для себя возможность выбора тех или иных приемов и средств передачи информации, манеры поведения, способов распределения ресурсов из имеющихся у нее (освоенных ею). При этом группа остается самой собой, воспринимает себя устойчивой социально-психологической общностью, испытывает типичные для нее эмоции и отношения относительно самой себя, так как все возможные изменения проходят строго в рамках принятого «жизненного стиля», действующих в ней норм и правил. Во всех таких случаях представления группового субъекта о себе претерпевают не-

значительные перемены и не затрагивают основ Мы-концепции. Последняя сохраняет в своем составе базовые установки, отношения и знания группы о самой себе;

– «Мы-творческое» – выражается в представлениях группы о своих ресурсах и возможностях, которые, как, по ее мнению, она может использовать для самоизменения и существенных трансформаций себя, а следовательно, она готова к формированию новых Мы-образов. Это состояние Мы-концепции отражает готовность группы к активным преобразующим действиям для изменения собственной структуры, способов общения, стиля поведения, видов выполняемой деятельности, а также к формированию новых представлений о себе и к переживанию новых чувств по отношению группы к себе самой. Полагаем, что такое состояние Мы-концепции в наибольшей степени отражает субъектность группы. Оно присуще тем группам, которые достигли в процессе субъектного развития достаточно высоких уровней.

С точки зрения Н. В. Ковалевой, Мы-концепцию как социальную систему можно трактовать как интеграцию взаимодействующих интересов индивидуального, группового и общего⁸. Причем эта целостность, по Ю. П. Аверину, является уникальной характеристикой, так как позволяет развивать и реализовывать социально значимые качества субъекта⁹.

Итак, теоретический анализ проблемы Мы-концепции приводит нас к выводу о том, что Мы-концепция представляет собой изменяющуюся и развивающуюся систему образов и представлений, которые возникают и накапливаются в течение всей жизни группы. Содержание Мы-концепции уникально для каждой группы, зависит от специфики ее устройства и функционирования, опыта и других психологических особенностей.

---

¹ Бетанели Н. И. «Мы» и «Я»: концепции общественного и индивидуального самосознания: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Тбилиси, 1980. – 22 с.; Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта: монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 396 с.; Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопр. психологии. – 1992. – № 2. – С. 86–93; Семенова Т. В., Акопов Г. В., Тюрин-Авинский В. И., Давыдкина Л. В. Сознание: от концеп-

---

ций к социально-психологической эмпирике. – Самара : Порто-принт, 2017. – 286 с. ; Строкова Н. В. Динамика профессиональной Мы-концепции будущих психологов : Дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2006. – 229 с. ; Чернышев А. С., Корнев А. В. Групповое сознание как детерминанта успешности совместной деятельности // Психологические аспекты совместной деятельности и общения. – Курск : Изд-во Курск. пед. ин-та, 1990. – С. 26–37.

² См. : Отрохова Л. В. К проблеме исследования группового сознания // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. университета. – 2013. – № 1 (25). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-issledovaniya-grupprovogo-soznaniya> (дата обращения : 09.08.2021).

³ См. : Рубинштейн С. Л. Человек и мир. – Москва : Наука, 1997. – 191 с.

⁴ Каранфил Н. В. Мы-концепция групп разных типов субъектности : курсовая работа по специальности 030301 Психология. – Воронеж : Воронежский гос. университет, 2013. – 57 с.

⁵ Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта : монография. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 396 с.

⁶ См. : Отрохова Л. В. К проблеме исследования группового сознания // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. университета. – 2013. – № 1 (25). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-issledovaniya-grupprovogo-soznaniya> (дата обращения : 09.08.2021) ; Веснин В. Р. Основы менеджмента. – Москва : Юрист, 1996. – 215 с. ; Горявина В. А. Психология общения. – Москва : Академия, 2002. – 317 с.

⁷ Селевко Г. К. Руководство по организации самовоспитания школьников. – Москва : Народное образование, 2000. – 112 с.

⁸ Ковалева Н. В. Особенности становления «Я-концепции» и «Мы-концепции» в условиях динамики общественных ценностей // Психолого-педагогические проблемы образования. – Майкоп : Изд-во Адыгейского гос. ун-та, 2003. – С. 31–39.

⁹ Аверин Ю. П. Люди управляют людьми : модель социологического анализа. – Москва : Изд-во МГУ, 1996. – 272 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авакян-Форер А. Г. – кандидат философских наук, преподаватель каф. онтологии и теории познания
- Арапов А.В. – доктор философских наук, доцент каф. онтологии и теории познания
- Бизяева Ю. В. – преподаватель каф. онтологии и теории познания
- Бубнов А. Л. – преподаватель каф. общей и социальной психологии
- Бударин А. С. – аспирант каф. педагогики и педагогической психологии
- Вахренева П. Е. – доктор философских наук, доцент каф. онтологии и теории познания
- Веденева Г. И. – доктор педагогических наук, профессор каф. педагогики и педагогической психологии
- Воротягин А. В. – аспирант каф. педагогики и педагогической психологии
- Вяткина А. Г. – кандидат философских наук, преподаватель каф. онтологии и теории познания
- Гайдар К. М. – доктор психологических наук, доцент, зав. кафедрой общей и социальной психологии
- Гаршин Н. А. – аспирант каф. истории философии и культуры
- Ермолаев В. В. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии
- Журавлева И. А., кандидат философских наук, доцент каф. истории философии и культуры
- Завгородняя И. В. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии
- Иванова О. И. – кандидат психологических наук, преподаватель каф. педагогики и педагогической психологии
- Ищенко Е.Н. – доктор философских наук, доцент каф. онтологии и теории познания
- Коровин В. Ю. – кандидат философских наук, преподаватель каф. истории философии и культуры, зав. отделом по научной работе музея-усадьбы Д. В. Веневитинова (Воронеж)
- Королькова Ю. А. – магистрант каф. педагогики и педагогической психологии

- Костюк А. А. – кандидат философских наук, старший преподаватель каф. истории философии и культуры
- Кравец А. С. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой онтологии и теории познания
- Кунаковская Л. А. – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики и педагогической психологии
- Литвинов М. Ф. – кандидат философских наук, доцент каф. истории философии и культуры
- Макушина О. П. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии
- Малютина О. П. – кандидат физико-математических наук, доцент каф. общей и социальной психологии
- Панченков Е. Ю. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии
- Пашкова Я. А. – преподаватель каф. общей и социальной психологии
- Пылаев А. А. – аспирант каф. общей и социальной психологии
- Серебрякова Е. Г. – кандидат философских наук, доцент каф. истории философии и культуры
- Смирнова Э. В. – аспирант каф. общей и социальной психологии
- Сулимов С. И. – кандидат философских наук, доцент каф. истории философии и культуры
- Тимофеева О. В. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии
- Тихонова И. Ю. – кандидат философских наук, доцент каф. онтологии и теории познания
- Толстикова В. В. – аспирант каф. общей и социальной психологии
- Тужикова В. И. – преподаватель каф. общей и социальной психологии
- Умылина Д. В. – аспирант каф. онтологии и теории познания
- Цокало О. А. – кандидат философских наук, доцент каф. онтологии и теории познания
- Шевченко Н. А. – преподаватель каф. общей и социальной психологии

Научное издание

ВЕСТНИК
научной сессии факультета
философии и психологии

В ы п у с к 21

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 10.09.2021. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 12,6. Тираж 200 экз. Заказ 463

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3